Е.В.МАКСИМОВ
В.А.ПЕТРАШЕНКО

СЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ

У с. МОНАСТЫРЁК НА СРЕДНЕМ ДНЕПРЕ

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Е.В.МАКСИМОВ
В.А.ПЕТРАШЕНКО

СЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ

У с. МОНАСТЫРЁК НА СРЕДНЕМ ДНЕПРЕ

КИЕВ
НАУКОВА ДУМКА
1988

В монографии освещаются материалы славянского поселения VIII–X вв., летописного города Зарубы и синхронного ему могильника, поселения зарубинецкой культуры, а также эпохи меди-бронзы и раннескифского времени, обнаруженные во время многолетних раскопок археологических памятников у с.Монастырек Каневского района Черкасской области.

Комплексное изучение этих материалов позволило уточнить хронологию поселений и высказать новую точку зрения об особенностях социально-экономического развития древнего славянского поселения.

Ответственный редактор *П.П.Толочко*

Рецензенты *А.Т.Смиленко, В.П.Коваленко*

Редакция литературы по социальным проблемам зарубежных стран, археологии и документалистике

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Евгений Владимирович МАКСИМОВ
Валентина Алексеевна ПЕТРАШЕНКО

СЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ у с.МОНАСТЫРЕК НА СРЕДНЕМ ДНЕПРЕ

Утверждено к печати ученым советом
Института археологии АН УССР

Редактор *В.П.Лагодзкая*
Художник обложки *В.Б.Харик*
Художественный редактор *И.П.Савицкая*
Технический редактор *Т.К.Валицкая*
Оператор *Т.Н.Шевченко*
Корректоры *А.Ф.Коровниченко, Е.И.Мазниченко*

ИБ 9654

Сдано в набор 02.12.87. Подп. в печ. 04.03.88. Формат 70x108/16. Бум. офс. № 1. Гарн. Универс. Усл. печ.л. 14,00. Усл.кр.-отт. 14,53. Уч.-изд.л. 15,49 + вкл. 0,93 = 16,42. Тираж 650 экз. Заказ 8-47. Цена 3 р. 40 к.

Оригинал-макет подготовлен в издательстве "Наукова думка". 252601 Киев 4, ул.Репина, 3.
Киевская книжная типография научной книги. 252004 Киев 4, ул.Репина, 4.

М $\frac{0507000000\text{-}287}{\text{M221 (04)-88}}$ КУ-1-241-88

ISBN 5-12-000105-X

© Издательство "Наукова думка", 1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

На берегах Днепра известны сотни разнообразных археологических памятников, которые раскрывают историю населения этого региона с глубокой древности до позднего средневековья. Многие поселения и могильники, например Кириловская палеолитическая стоянка в Киеве, древнерусский город Родень в Каневе, широко известны в научной и популярной литературе; другие же, иногда не менее важные по своему историческому значению, еще не получили должного освещения в литературе.

К числу последних принадлежат и археологические памятники у с.Монастырек, находящиеся на правом берегу Днепра, в 100 км южнее Киева, между еще недавно существовавшими здесь селами Трахтемиров и Зарубинцы, напротив г.Переяслава-Хмельницкого и устья летописной реки Трубеж. Они представлены редким по своей сохранности славянским поселением VIII–X вв., на котором раскопаны остатки многочисленных жилищ с керамикой, орудиями труда, предметами обихода и украшениями.

Славянские материалы с.Монастырек касаются актуальной проблемы возникновения раннесредневековых славянских городов, которая рассматривалась на V Международном конгрессе археологов-славистов, проходившем в Киеве в сентябре 1985 г.

Наличие здесь организованной планировки поселения и оборонительных сооружений, развитых ремесел и широкого торгового обмена с центральноевропейскими странами и арабским миром свидетельствует о существовании в Монастырьке раннеславянского поселения городского типа.

Позднее, в XII–XIII вв., Монастырек был мощной крепостью, которая именовалась Зарубом. Неоднократное упоминание в летописи Заруба, защищавшего брод через Днепр, расположенный у подножья крепости, указывает на участие этого города в важных военно-политических событиях тех времен.

Прекрасно сохранившиеся жилища Заруба, его мощные валы и рвы, за пределами которых располагался синхронный Зарубу могильник, – все эти материалы дополняют и уточняют наши представления об устройстве древнерусских пограничных городов-крепостей, о неспокойной жизни и быте воинов-дружинников и их семей.

У подножья древнего Заруба располагался каменный Успенский собор XII–XIII вв., остатки которого исследовал в последние годы М.К.Каргер. Этот собор являлся неотъемлемой частью города-крепости, что подчеркивает немаловажную роль Заруба в жизни Древней Руси.

Уникальные условия окрестностей Монастырька – изрезанных глубокими облесенными оврагами, между которыми находились удобные для земледелия и скотоводства поля и луга, вместе с протекающим здесь полноводным Днепром – удобной транспортной артерией и неисчерпаемым источником рыбы – привлекали сюда людей задолго до появления в VIII в.н.э. исторических славян.

На заре славянской истории Монастырек являлся местом крупного поселения зарубинецкой культуры (конец III в. до н.э. – II в. н.э.). В процессе многолетних раскопок этого поселения был получен многочисленный археологический материал, который освещает хронологию зарубинецкой культуры, устройство оборонительных сооружений и конструкцию жилищ, содержит также информацию о хозяйстве, быте и духовной жизни древних славян.

Ранние исторические эпохи представлены на Монастырьке материалами скифского времени, а также эпохи бронзы и энеолитической трипольской культуры. Скифская керамика и бронзовые наконечники стрел, несомненно, связаны с функционировавшим

поблизости известным Трахтемировским городищем VI в. до н.э., для обитателей которого Монастырек был ближней периферией, местом хозяйственной деятельности.

Подобные функции Монастырек выполнял и в период существования трипольской культуры, о чем говорят обнаруженные здесь скопления раковин Унио, для сезонного промысла которых трипольские рыбаки переселялись сюда из удаленных от берегов Днепра поселений.

В эпоху бронзы – в период среднеднепровской культуры и в более позднее время существования культуры многоваликовой керамики на Монастырьке возникают уже стационарные поселения. Это подтверждают многочисленные находки керамики, прясел, топоров и других материалов упомянутых культур.

Целью настоящей работы является публикация материалов Монастырька, относящихся к различным периодам истории населения Среднего Поднепровья. Рамки публикации расширены помещением в книге данных по статистическому анализу керамики VIII–X вв., металлографическому анализу кузнечных изделий, палеоботаническому анализу злаков, антропологическому анализу погребений XII–XIII вв. и лингвистическому анализу названия города Заруб, сделанных соответственно В.А.Петрашенко, В.Д.Гопаком, Г.А.Пашкевич, П.М.Покасом и С.Е.Максимовым.

В работе авторы высказали и свою точку зрения по кардинальным, в значительной своей части – дискуссионным вопросам хронологии и истории раннеславянского населения Поднепровья, тем более, что материалы Монастырька дают для этого реальные основания.

Археологические памятники у с.Монастырек исследовались экспедицией Института археологии АН УССР в течение полевых сезонов 1974, 1979, 1980, 1982–1985 гг., работавшей под руководством Е.В.Максимова, который также провел здесь разведочные раскопки в 1959 и 1960 гг., в ходе которых было установлено наличие раннеславянского поселения XIII–X вв. В составе экспедиции работали в разные годы Н.В.Блажевич, В.Д.Гопак, В.П.Дудкин, И.Б.Зеленецкая, С.Е.Максимов, В.В.Нерода, Г.А.Пашкевич, В.А.Петрашенко, А.Н.Петрашенко, А.С.Ригин, Л.Е.Скиба, Р.В.Терпиловский, О.В.Шматченко, А.М.Шовкопляс, Л.А.Цындровская, Н.В.Юркова и др.

ГЛАВА I
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БЛИЗ с.МОНАСТЫРЕК

ТОПОГРАФИЯ ПАМЯТНИКОВ

Хутор Монастырек до образования Каневского водохранилища находился в центральной части Среднего Поднепровья на правом берегу Днепра между селами Трахтемиров и Зарубинцы Каневского района Черкасской области. Здесь Днепр образует излучину, на восточном конце которой располагалось с.Зарубинцы, а на западном — с.Трахтемиров. В центре этой излучины размещались хут.Монастырек и древние поселения близ него. Напротив этого комплекса находится устье р.Трубеж, неоднократно упоминаемой в летописи.

Сохранившееся до наших дней название этой местности Трубы (или Сурмы — по-украински) происходит от наименования реки Трубеж, в то время как название села Зарубинцы, несомненно, восходит к летописному Зарубу — таких случаев на Поднепровье известно немало, например с.Триполье от древнерусского города Треполь, с.Балыко-Щучинка — от Чучина и др.

Другое наименование урочища — Городки — отражает реальный факт наличия здесь земляных валов и рвов, являющихся остатками оборонительных сооружений древнего городища.

Городище это состоит из двух частей. Меньшая часть имеет форму овала, вытянутого вдоль течения реки по линии восток — запад. Размеры городища, названного нами Восточным, составляет 50 х 130 м, общая площадь 6,5 тыс. м^2. К этому городищу с запада, с напольной стороны, примыкает другое городище — Западное, размерами 80 х х 180 м, длинная ось которого ориентирована на север—юг, т.е. перпендикулярно к Днепру (рис. 1). Широкие археологические исследования были осуществлены на Восточном городище, в то время как на Западном городище и примыкающем к нему селище раскопки носили разведочный характер (рис. 1).

Площадка Восточного городища к началу раскопок была сильно задернована, покрыта редким кустарником и единичными деревьями. Она имеет естественный уклон к юго-востоку (рис. 2) с современным перепадом высоты до 2 м, а в древности, несомненно бóльшим, что создавало для жителей значительные неудобства. Поэтому еще в древнее время, главным образом в эпоху Киевской Руси, были произведены нивелировочные работы, и часть грунта была передвинута с запада на восток и с севера на юг. Именно этим объясняется значительная разница в толще (мощности) культурного слоя на северо-западном и юго-восточном концах городища и, следовательно, в уровне залегания материка на разных его участках (рис. 2).

На западной — напольной — стороне городища сохранился вал высотой со стороны площадки до 2 м и шириной до 10 м. Внешняя сторона вала очень крутая, внутренняя — пологая. За валом в естественной балке вырыт глубокий ров. Этот напольный вал не заметен по другим сторонам городища, однако проведенные здесь траншеи дают основание говорить о наличии на городище достаточно сложной и мощной фортификационной системы.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ МОНАСТЫРЬКА

Археологические памятники, находящиеся в окрестностях Монастырька, издавна привлекали внимание исследователей. В разные годы здесь проводили обследования Н.Ф.Беляшевский [1889 г.], В.В.Хвойка [1899 г.], Т.С.Пасек [1945 г.], М.К.Каргер [1948, 1949 гг.], В.Г.Петренко [1953 г.], Е.В.Максимов [1959, 1960 гг.], П.П.Толочко [1970 г.], М.П.Кучера [1971 г.] и др.

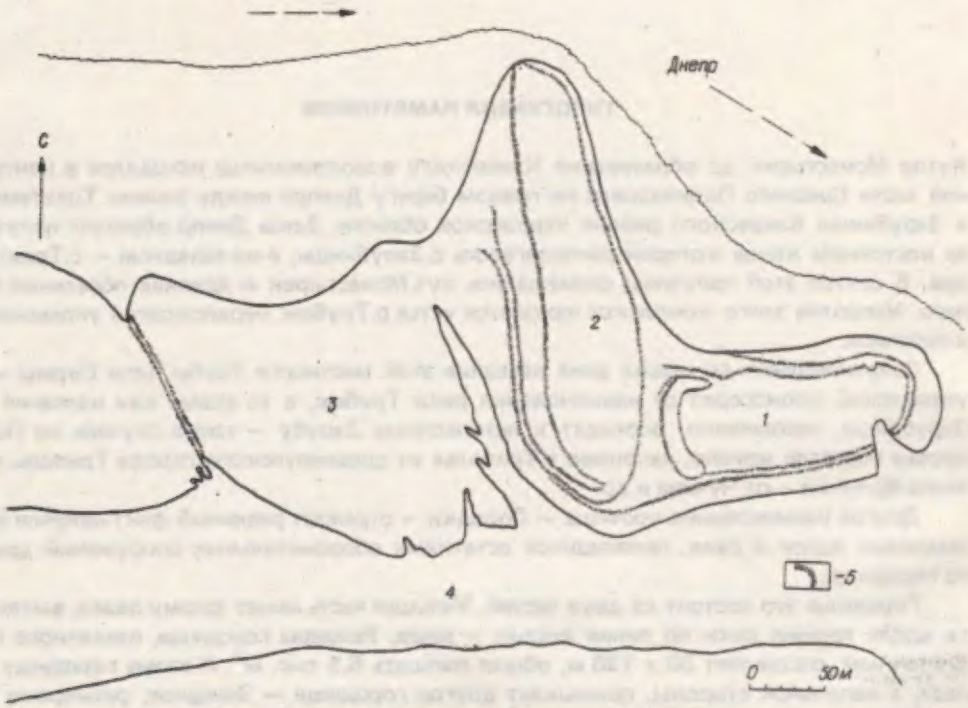


Рис. 1. Схематический план городища Монастырек:
1 — Восточное городище; *2* — Западное городище; *3* — селище; *4* — овраг; *5* — линии расположения укреплений.

Во время изучения остатков Зарубского монастыря в урочище Церковище М.К.Каргер предпринял попытку определить местонахождение летописного Заруба. Его внимание привлекло городище, возвышавшееся над Церковищем. Однако проведенные им разведочные раскопки не дали материалов древнерусского времени, в результате чего исследователь отказался от высказанной им ранее мысли об отождествлении этого городища с летописным Зарубом [Каргер, 1950, с.33].

Небольшие по масштабу раскопки, проведенные Е.В.Максимовым в 1959 и 1960 гг., установили, что на городище, кроме ранее известных здесь материалов эпохи медибронзы, скифского и зарубинецкого времен, имеются также жилища VIII—X вв. с печами-каменками, керамикой и другими предметами этого периода.

В 1974 г. начались раскопки городища Каневской экспедицией ИА АН УССР, продолженные в 1979, 1980, 1982—1985 гг. Раскопкам предшествовала геомагнитная разведка, проведенная В.П.Дудкиным, результаты которой позволили выбрать наиболее перспективные в археологическом отношении участки. В первый полевой сезон удалось открыть 15 жилищ и более 40 хозяйственных ям. Выяснилось, что кроме жилища VIII—X вв. на городище имеются также жилища XII—XIII вв. с глинобитными печами и материалами этого времени. Указанные обстоятельства позволили Е.В.Максимову высказать мысль об отождествлении городища с летописным городом Зарубом.

В последующие полевые сезоны велись планомерные раскопки с целью полного исследования памятника. В результате на Восточном городище удалось раскрыть более 5000 м^2 площади, на которой было обнаружено 45 жилищ: 5 — зарубинецкой культу-

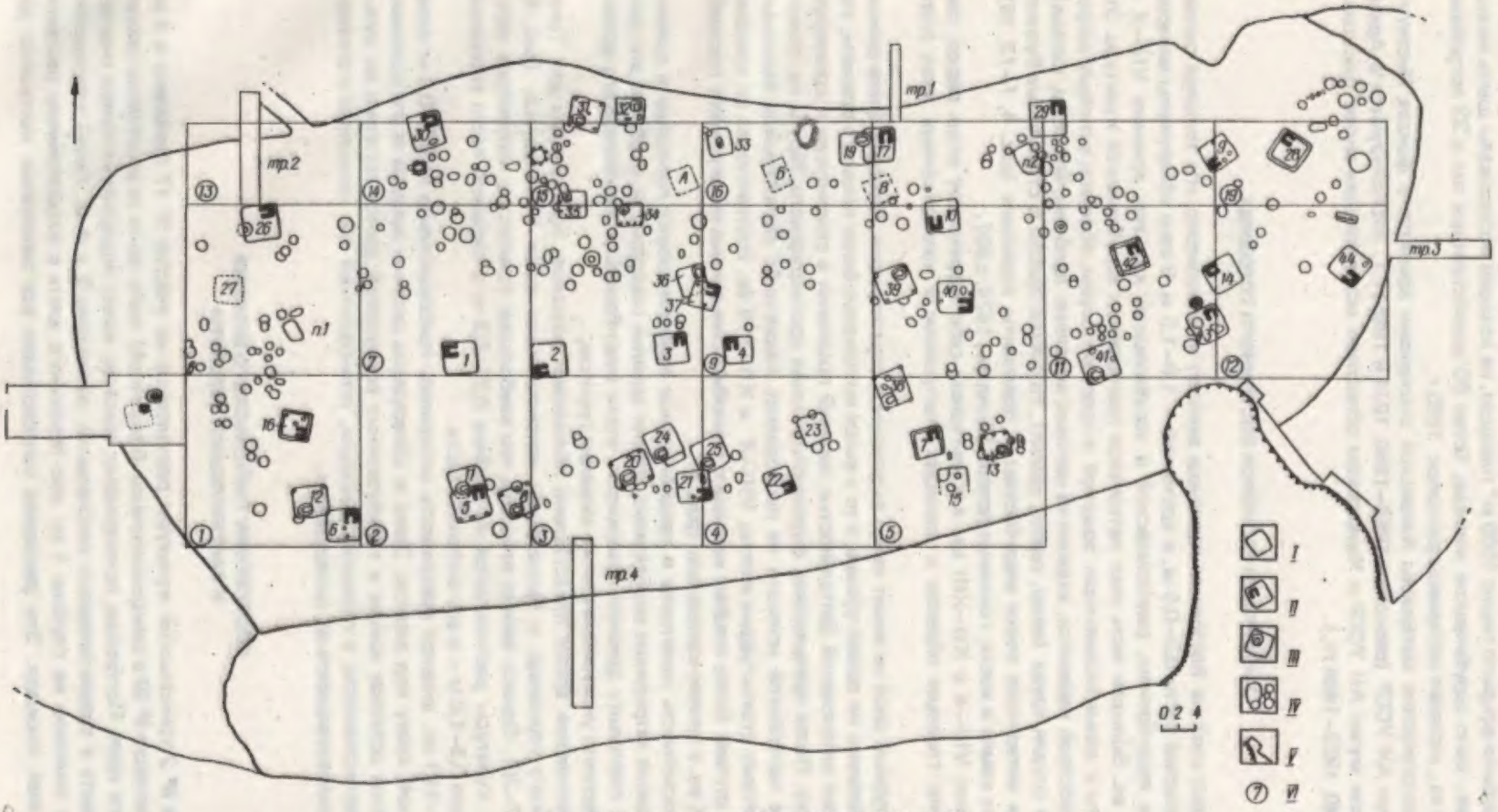


Рис. 3. План раскопок Восточного городища:
I — жилища зарубинецкой культуры; II — жилища VIII—X вв.; III — жилища древнерусского времени; IV — постройки и хозяйственные ямы; V — зачистка стенок оврага; VI — номер участка.

ры, 23 – VIII–X вв. и 17 – XII–XIII вв. Здесь же находились более 260 хозяйственных ям, постройки зарубинецкого времени и трипольской культуры (рис. 3). На западном городище было вскрыто около 1500 м^2 площади, на которой исследованы шесть жилищ VIII–X вв., одно зарубенецкое жилище, более 60 хозяйственных ям и 23 погребения XII–XIII вв., включая материалы раскопок 1985 г.

Археологические материалы Каневской экспедиции хранятся в фондах Института археологии АН УССР (раскопки 1959–1960, 1974 и 1985 гг.), экспонируются в Археологическом музее АН УССР и Черкасском областном историческом музее (раскопки 1979, 1980, 1982–1984 гг.).

МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК ВОСТОЧНОГО ГОРОДИЩА

Культурный слой на Восточном городище залегает неравномерно, его толщина составляет в западной части 0,3–0,5 м, в восточной – 1,0–1,5 м. В слое обнаружены материалы эпохи меди-бронзы, раннескифской и зарубинецкой культур, времени VIII–X и XII–XIII вв. Бóльшая часть этих материалов принадлежит зарубинецкой культуре. Это фрагменты и целые экземпляры лощеной и простой посуды, обломки античных амфор и краснолаковой керамики, изделия из цветных металлов (фибулы, браслеты, кольца), железные орудия труда (ножи, серпы, шилья), глиняные прясла и стеклянные бусины.

Среди материалов эпохи меди-бронзы – фрагменты керамики (рис. 4, *1–13, 16*), изделия из камня и кости, глиняные прясла [Бондарь, 1974, с.89].

Изделия VIII–X и XII–XIII вв. в культурном слое встречаются очень редко, они обнаружены главным образом в жилищах, постройках и хозяйственных ямах этого времени.

Культурный слой не имеет четко выраженной стратиграфии. Находки более ранних эпох встречались на одном уровне, а то и выше материалов более позднего времени, что объясняется интенсивной деятельностью жителей поселения в славянскую и древнерусскую эпоху. После прекращения функционирования древнерусского Заруба на городище кроме неглубокой вспашки не проводилось каких-либо значительных земляных работ, поэтому стратиграфия жилищ VIII–X и XII–XIII вв. соответствует их времени и в ряде случаев более поздние жилища с глинобитными печами перекрывают постройки VIII–X вв. с печами-каменками (рис. 3).

Многослойность памятника и неоднократные перепланировки городища в древнерусское время затруднили определение уровня древней поверхности, особенно для ранних эпох, поскольку древняя поверхность эпохи меди-бронзы и зарубинецкого времени была частично уничтожена или же засыпана грунтом.

Раннескифское время представлено обломками горшков, характерных для Трахтемировского городища, и бронзовыми наконечниками стрел VI в. до н.э. (рис. 4, *14–15, 17–20*). Однако можно отметить, что наибольшее количество материалов зарубинецкой культуры располагается на глубине 0,25–0,3 м в западной части городища и на глубине 0,5–1,0 м – в его восточной части.

В XI–XIII вв. дневная поверхность находилась приблизительно на 0,2–0,3 м ниже современной, сразу под дерном. Здесь и обнаружены развалы сосудов этого времени.

Описание остатков жилых и хозяйственных сооружений дается согласно их культурной принадлежности, в порядке нумерации, установленной при раскопках и отражающей последовательность их исследования.

СООРУЖЕНИЯ ТРИПОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ И ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Постройка № 2 трипольской культуры расположена на участке № 17 примерно в 4 м к югу от жилища № 29 в северо-восточной (приречной) части мыса на расстоянии около 10 м от его края. Постройка, по-видимому, жилище, имеет подпрямоугольные очертания, вытянута в северо-западном направлении, размерами 2 х 4 м. Пятно заполнения постройки замечено на глубине 1 м; оно пепельного цвета с вкраплениями раковин Унио по всей площади. Эти раковины сопровождали все заполнение постройки до

Таблица 1. **Хозяйственные ямы эпохи меди-бронзы и зарубинецкой культуры**

Номер ямы	Местоположение	Форма	Размеры, м	Глубина от совр. поверх.	Характеристика материала
		Ямы эпохи меди-бронзы			
50	Участок № 3	Овальная	0,9x1,3	0,9	Ракушки, керамика эпохи бронзы
108	Участок № 17	"	1,4x2,0	1,4	То же
109	Там же	Круглая	0,8	1,65	То же
122	"	"	1,0	1,3	Ракушки, керамика трипольской культуры
181	Участок № 8	"	1,26	0,75	Костяная мотыжка, керамика, ракушки, пряслице трипольской культуры
204	Участок № 9	Круглая	2,10	1,0	Камни, керамика трипольской культуры
247	Участок № 11	"	1,4	0,9	То же
		Ямы зарубинецкой культуры и эпохи бронзы			
2	Жилище № 5	Круглая	1,6	1,6	Керамика зарубинецкой культуры*
3	Жилище № 8	"	0,65	0,55	КЗК
4	Вблизи жилища № 7	Овальная	0,7x0,9	1,25	КЗК и бронзовый брусок
5	Перекрывает яму № 4	Круглая	0,7	1,2	КЗК
7	Вблизи жилища № 9	"	1,2	1,15	Керамика, шлак, кости животных
9	Там же	"	1,0	1,5	То же
16	Участок № 1	"	1,0	1,3	КЗК
17	Вблизи жилища № 17	"	1,20	1,7	КЗК
19	Участок № 10	"	0,8	1,1	КЗК
26	Участок № 1	Круглая	1,1	0,9	КЗК
29	Там же	"	0,65	1,3	КЗК
30	"	"	1,2	1,0	КЗК
31	Участок № 5	Овальная	0,9x1,2	1,2	КЗК
32	Там же	Круглая	1,2	1,4	КЗК и эпохи бронзы
33	"	Овальная	1,0x1,3	1,10	КЗК
35	"	"	1,0x1,2	1,10	КЗК
37	Жилище № 1	Круглая	0,55	0,6	КЗК и эпохи бронзы
39	Жилище № 15	Овальная	0,3x1,05	1,65	КЗК и эпохи бронзы
41	Участок № 16	Круглая	1,0	0,75	То же
42	Там же	"	0,9	0,7	"
43	Участок № 14	"	1,1	0,8	"
44	Участок № 15	"	1,0	0,5	"
45	Там же	"	0,9	0,5	КЗК
46	Участок № 14	"	1,1	0,5	КЗК
47	Там же	"	1,1	0,8	КЗК
48	"	"	1,2	0,5	КЗК, фрагмент тигля ЗК
53	Участок № 4	Круглая	0,8	0,65	КЗК и эпохи бронзы
56	Жилище № 25	"	1,4	0,8	То же
57	Участок № 3	"	1,5	0,4	Фрагмент лощеной миски, пепел
59	Там же	"	1,4	0,40	Кости животных, КЗК
60	Жилище № 23	"	1,2	1,2	То же
61	Там же	"	1,0	0,7	"
62	"	"	0,8	0,75	"
63	"	"	0,7	0,7	"
64	"	"	1,0	0,65	"
65	Участок № 1	"	1,0	0,82	"
66	"	"	0,8	0,85	Кости животных, КЗК
67	Участок № 6	"	1,0	0,8	"
68	Участок № 1	Овальная	1,0x1,7	0,95	"
71	Участок № 6	Круглая	0,85	0,60	"
72	Там же	"	1,0	0,85	"
73	"	"	0,6	0,63	"
74	"	Овальная	1,0x1,4	0,70	"
77	"	"	0,8x1,0	1,2	"

* Далее КЗК.

Продолжение табл. 1

Номер ямы	Местоположение	Форма	Размеры, м	Глубина от совр. поверх.	Характеристика материала
78	Участок № 6	Круглая	0,8	0,85	Кости животных, КЗК
80	Там же	"	1,10	1,20	Кости животных, пряслице, костная проколка
81	"	Овальная	1,0x1,40	1,0	КЗК, кости животных
83	Там же	Круглая	1,10	1,10	То же
84	"	Овальная	1,0x1,8	1,10	"
88	"	Круглая	1,10	1,35	"
90	Участок № 12	"	0,8	0,95	"
92	Там же	"	1,0	1,20	"
93	Участок № 19	"	1,10	0,75	"
97	Там же	"	1,2	1,6	"
98	"	"	1,25	1,6	"
99	"	"	1,0	1,4	"
100	"	"	0,8	0,5	Развалы корчаг и мисок ЗК, амфоры
101	"	Овальная	1,2x1,8	1,3	КЗК, кости животных
102	"	Круглая	1,2	1,3	То же
103	"	"	1,2	1,3	"
107	Вблизи постройки № 3	"	1,0	1,0	"
110	Вблизи жилища № 29	"	1,1	1,0	"
111	Там же	"	0,8	0,45	Развалы зарубинецкой посуды
112	Участок № 10	"	1,0	0,93	КЗК, кости животных
115	Вблизи постройки № 3	"	1,0	0,7	Кости животных, КЗК, бронзовое спиральное кольцо
116	Там же	"	1,0	0,9	КЗК
118	Там же	"	1,20	0,7	То же
120	Там же	"	1,6	0,9	КЗК трипольской культуры, кости животных
123	Участок № 17, 18	"	0,8	1,0	КЗК
124	Участок № 10	Круглая	0,8	1,0	КЗК
125	Участок № 18	"	1,0	0,85	КЗК и трипольской культуры
126	Там же	"	1,0	1,0	КЗК
128	"	"	1,0	0,75	То же
129	"	"	1,10	0,8	"
130	Участок № 19	"	1,40	0,85	"
131	Участок № 18	"	1,20	0,75	"
132	Там же	Овальная	1,40	0,75	"
133	"	Круглая	1,3	1,2	"
135	"	"	1,0	0,8	"
136	"	"	1,1	0,9	"
137	"	"	1,2	0,95	"
139	"	"	0,9	0,55	"
140	Участок № 15	"	1,0	0,8	"
141	Участок № 14	"	1,4	0,5	"
142	Там же	"	1,0	0,5	"
143	Участок № 15	"	1,1	0,85	КЗК и эпохи бронзы
145	Участок № 14	Овальная	1,0x1,2	0,5	То же
146	Там же	Круглая	1,2	0,7	"
147	"	"	1,05	0,6	КЗК
148	"	"	0,9	0,65	"
149	Там же	"	0,9	0,65	"
152	"	"	1,0	1,0	"
154	Участок № 15	Овальная	1,1x1,4	0,35	"
155	Участок № 14	Круглая	1,2	0,5	"
156	Участок № 7	"	0,8	0,55	"
157	Участок № 15	"	1,1	0,45	"
159	Там же	"	1,3	0,5	"
162	"	"	1,3	0,8	"
164	Жилище № 32	"	1,3	0,8	КЗК, фрагмент фибулы I в.н.э.
166	Участок № 7	Круглая	1,0	0,6	КЗК
167	Участок № 7, 14	"	1,4	0,7	То же

Окончание табл. 1

Номер ямы	Местоположение	Форма	Размеры, м	Глубина от совр. поверх.	Характеристика материала
168	Участок № 7	Круглая	1,2	0,45	КЗК
169	Участок № 7	Овальная	1,4x1,5	0,6	То же
170	Там же	Круглая	1,3	0,7	"
172	"	"	0,8	0,75	КЗК, печина, каменный растиральник
173	Участок № 8	"	1,4	0,4	КЗК
174	Участок № 7	"	1,05	0,95	То же
175	Там же	"	1,10	0,75	"
176	Участок № 6	"	1,0	0,7	КЗК в большом количестве
177	Участок № 8	"	1,0	0,60	КЗК
178	Там же	Овальная	0,8x0,9	0,66	То же
180	"	Круглая	1,2	0,85	"
182	Участок № 9	"	1,0	0,60	"
186	Участок № 7	"	1,1	0,60	"
188	Там же	"	1,1	0,9	Каменный растиральник и КЗК
191	"	Овальная	1,4x1,15	1,0	КЗК
192	"	Круглая	1,05	0,65	То же
195	"	Овальная	0,85x1,30	0,9	"
196	Участок № 9	"	1,0x1,3	0,9	"
197	Участок № 8	"	0,75x1,0	1,3	КЗК
199	Там же	Круглая	1,25	1,05	"
200	Участок № 9	"	0,70	0,8	"
201	Там же	"	0,60	1,26	"
202	"	"	0,80	1,1	"
203	"	"	1,0	1,3	"
205	Участок № 7 и 8	"	1,0	0,9	"
207	Участок № 8	Овальная	1,2x1,4	1,1	"
208	Там же	Круглая	0,9	0,6	"
211	Участок № 8	"	1,2	1,0	"
212	Там же	"	1,0	0,7	"
213	"	Овальная	1,1x1,4	1,15	"
214	"	Круглая	1,4	0,75	"
216	Участок № 10	"	1,3	1,0	КЗК и эпохи бронзы
217	Там же	"	1,0	0,8	То же
218	"	"	1,0	1,0	"
219	"	"	1,1	0,85	КЗК
220	"	"	1,0	0,75	То же
222	"	"	0,9	0,65	"
223	"	Овальная	1,10x1,30	1,20	КЗК и эпохи бронзы
224	"	Круглая	110	1,15	То же
226	Участок № 11	"	1,20	1,10	"
227	Участок № 10	"	1,0	0,60	"
228	Там же	"	1,0	0,75	"
229	"	"	1,10	1,20	"
230	"	"	1,0	0,75	"
231	"	"	0,70	0,80	КЗК
232	"	Овальная	0,8x0,9	0,65	То же
233	Участок № 11	Круглая	1,0	0,95	"
234	Участок № 10	"	0,8	0,65	"
235	Участок № 11	"	1,0	0,5	КЗК и эпохи бронзы
236	Участок № 10	Овальная	1,0x1,2	0,9	КЗК
237	Там же	Круглая	1,0	0,8	То же
240	Участок № 11	"	0,9	0,6	"
241	Там же	"	1,0	0,8	"
245	"	Овальная	1,3x1,4	0,8	КЗК и эпохи бронзы
246	"	Круглая	1,2	1,25	КЗК
248	"	"	0,9	0,8	То же
249	"	"	0,75	0,7	КЗК и эпохи бронзы
253	Жилище № 43	"	1,20	1,55	Керамика и железная пряжка зарубинецкой культуры
254	То же	Овальная	0,35x0,40	1,4	Керамика и прясло зарубинецкой культуры
255	Участок № 12	Круглая	0,60	1,55	Развалы зарубинецкой посуды
257	Там же	"	1,0	1,1	КЗК
258	"	"	1,0	0,8	Развалы зарубинецкой посуды, рыболовные крючки, нож, серп
259	"	"	0,8	1,45	КЗК
262	Участок № 1	"	1,2	0,95	То же
263	Там же	"	1,1	1,0	"
264	"	"	0,95	1,15	"

уровня пола, который находился на глубине 1,5 м. Здесь встречены обломки керамики с большим количеством толченых раковин в тесте, фрагменты трипольских шаровидных сосудов и обломки более крупных горшков с широким дном. В центре постройки найдены два каменных ядра. По всей площади попадались кости животных.

Жилище № 15 зарубинецкой культуры расположено на расстоянии 4 м к югу от жилища № 7. На глубине 0,75 м от современной поверхности по скоплению обожженной глины были прослежены северная и западная стены. За пределами северной стены обнаружена каменная вымостка открытого очага. На этой же глубине в пределах заполнения жилища и вблизи него находилось большое количество зарубинецкой керамики — обломки верхних частей кухонных и столовых чернолощеных горшков, фрагменты глиняных сковородок, днища лепных сосудов. За пределами жилища, вблизи западной его стены обнаружены фрагменты железного серпа и ножа. Размеры жилища устанавливаются лишь по двум стенам: западной (3,20 м) и северной (3,00 м). В центре жилища на полу (глубина пола 1,0 м от современной поверхности) располагались две ямы диаметром 0,5 м и 0,3 м, заполненные темным грунтом с вкраплениями угля. Это обстоятельство и небольшие размеры ям указывают на их очажное предназначение. На полу жилища обнаружен материал зарубинецкой культуры, а также куски печины с отпечатками плетня.

Жилище № 23 зарубинецкой культуры расположено в 5 м к северо-востоку от жилища № 22. Пятно жилища выявлено на глубине 0,5 м и имело близкую к квадрату форму. Жилище ориентировано по сторонам света (рис. 5). Материковый пол находился на глубине 0,80—1,0 м от современной поверхности. Печи в жилище не было, отмечена лишь сильная обожженность пола в центре. Вблизи юго-восточного угла западной стены, в северо-западном углу и по середине северной стены находились хозяйственные ямы. В южной стене располагалась полукруглой формы материковая ступенька.

Заполнение состояло из темного грунта, сильно прожженного в центральной части. По углам котлована обнаружены завалы глиняной обмазки. В заполнении встречено большое количество костей животных, около 30 обломков кухонной и чернолощеной зарубинецкой посуды, несколько обломков керамики эпохи бронзы и древнерусского времени. На глубине 0,6 м найдено глиняное пряслице зарубинецкого типа.

Жилище № 27 зарубинецкой культуры расположено на участке № 6 в 10 м к северу от жилища № 26. Оно сохранилось лишь частично и имело размеры не менее 3,0 х 3,0 м. На глубине 1,0 м от современной поверхности по всей площади пятна жилища в темном грунте встретилось большое количество костей животных и фрагментов керамики зарубинецкой культуры. На этой же глубине обнаружены завалы глиняной обмазки, что указывает на уровень пола жилища. Зарубинецкий материал представлен обломками кухонных сосудов, фрагментами чернолощеных мисок, в том числе — днищами с поддонами, а также заготовками для прясел из стенок амфор, фрагментами античных амфор.

Постройка № 2 зарубинецкой культуры расположена на участке № 19 примерно в 10 м к востоку от жилища № 28. Она круглой формы, диаметром 2,20 м и глубиной 1,10 м от современной поверхности. Пятно заполнения удалось выявить в нижней части постройки, на глубине 1,0 м от современной поверхности. Оно состояло из темного грунта, выделявшегося на коричневом фоне предматерика. Постройка, видимо, была наземного типа, слегка (около 10 см) углубленная в материк. На полу обнаружен материал исключительно зарубинецкого времени. Здесь найден фрагмент корчаги, верхняя часть кухонного горшка, кости животных и фрагменты венчиков чернолощеных сосудов. Описание хозяйственных ям и их содержимого предлагается ниже (табл. 1).

ПОСТРОЙКИ VIII—X вв.

Жилище № 1 расположено на участке № 7. В плане оно имело прямоугольную форму, размеры жилища 3,5 х 4 м, глубина пола 0,80—1,35 м. Вдоль стен котлована сохранились обуглившиеся остатки деревянной обшивки жилища в виде плоских плах шириной 10—15 см. Во всех четырех углах находились ямки от столбов глубиной 0,95—1,60 м от современной поверхности и диаметром 15—40 см. В северо-западном углу размещалась печь-каменка. Внешние размеры печи 1,5х1,5 м. Топка в плане овальная (0,5 х 0,9 м).

Рис. 6. Планы жилищ № 1 и № 4:
Керамика из жилища № 4.
I — горелое дерево; II — камни; III — зола.

Под состоял из пережженного грунта, угольков и мелких камней, свод не сохранился. В трех углах печи зафиксированы ямки от столбов глубиной 1,25—1,7 м от современной поверхности и диаметром 0,15 м (рис. 6, *1*).

В юго-западном углу за пределами стен расположена яма овальной формы размерами 1,3 х 1,5 м, глубиной 1,75 м от современной поверхности. В заполнении находился

Рис. 7. Жилище № 2. План и разрез:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — горелое дерево; IV — камни; V — зола.

разновременный материал, в основном — зарубинецкой культуры. Западнее расположена еще одна яма ступенчатой формы размерами 1,0 x 2,9 м, глубиной 1,75 м от современной поверхности. На дне ямы обнаружен панцырь черепахи. У южной стены располагалась яма округлых очертаний диаметром около 1 м, глубиной 1 м, без материала.

В заполнении жилища найдены фрагменты лепной и круговой керамики, главным образом горшков. При расчистке печи обнаружен фрагмент лепной сковородки.

Жилище № 2 находилось на расстоянии 6 м к востоку от жилища № 1. Оно было углублено в землю на 0,8–1,3 м. Форма жилища в плане прямоугольная, размеры около 4,7 x 4,9 м (рис. 7, *1*). От стен сохранились обугливщиеся плахи. Печь-каменка плохой сохранности находилась в юго-западном углу и представляла собой подковообразную вымостку из камня, в центре которой располагался овальной формы под, состоя-

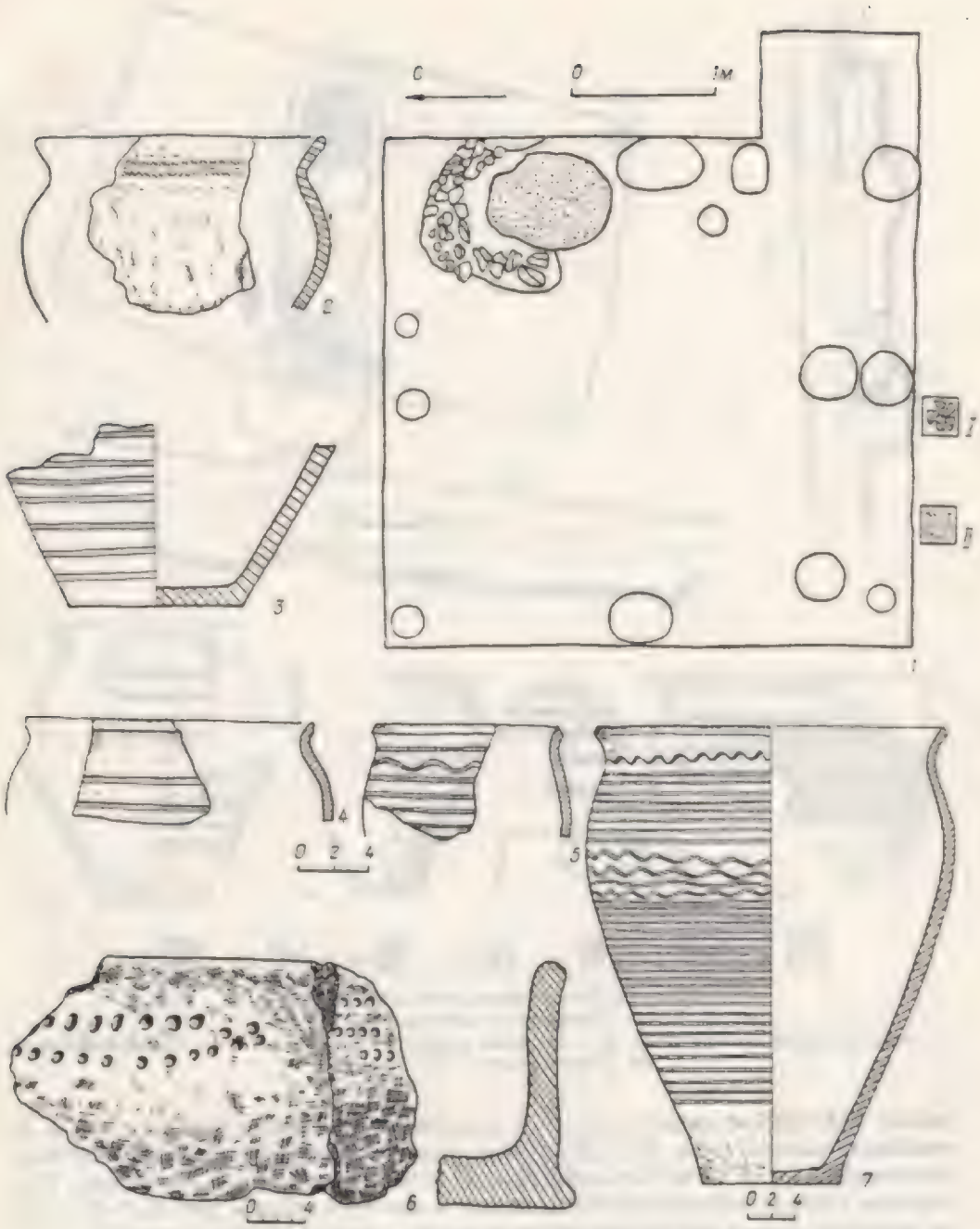


Рис. 9. Жилище № 3. План. Материалы, найденные в жилище:
I — камни; II — зола.

вший из пережженного грунта и пепла. Размеры печи можно установить лишь приблизительно по столбовым ямкам, расположенным в трех углах. Внешние размеры печи 1,75 x 1,75 м. В заполнении жилища преобладала круговая керамика, представленная фрагментами верхних частей горшков с манжетовидным утолщением IX–X вв. (рис. 7, *2–6*). Почти в центре жилища на полу обнаружена бронзовая монета — фейс Ал-Маммуна Багдади, сына халифа Гарун-аль-Рашида, чеканенная в 814 г. н.э. (рис. 8).

Жилище № 3 расположено в 10 м к востоку от жилища № 2 на участке № 8. Постройка глубиной 0,8–1,15 м от современной поверхности была прямоугольной формы, размерами 3,2 x 3,5 м (рис. 9, *1*). Вдоль всех стен зафиксировано по три ямки от столбов диаметром 0,15–0,5 м. В северо-восточном углу находилась печь-каменка. От нее сохранилось небольшое количество камней, составляющих основание печи. Под овальной

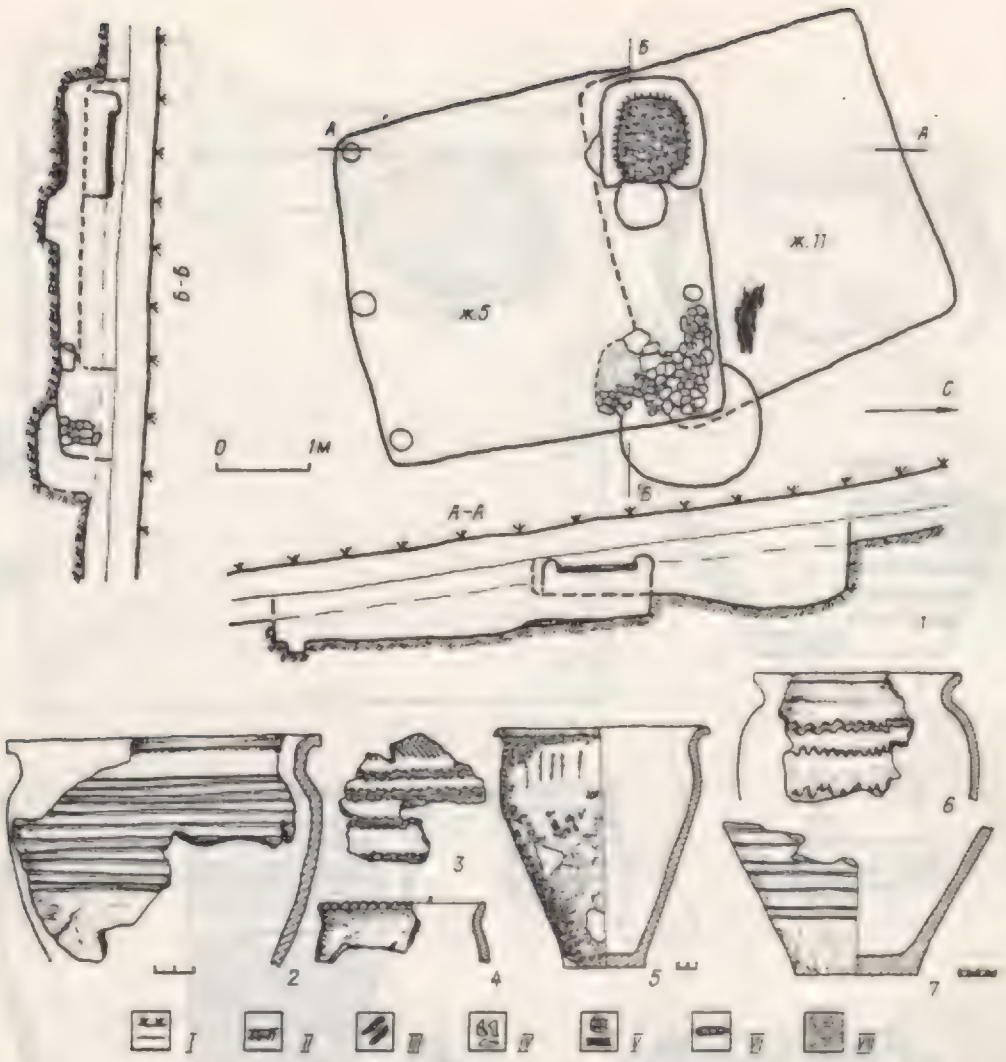


Рис. 10. План и разрезы жилищ № 5 и № 11:
Керамика из жилища № 5.
I — дерн, чернозем; II — материк; III — сгнившее дерево; IV — камни; V — под глинобитной печи; VI — обожженная глина; VII — зола.

формы (0,6 x 0,85 м) представлял собой углистое пятно. Размеры печи 1,1 x 1,25 м. За пределами северной стены были обнаружены четыре хозяйственные ямы круглой формы размером около 1,1 м, глубиной 0,55—1,22 м. Никаких находок в них не было. В заполнении жилища найдены фрагменты лепных и круговых сосудов (рис. 9, *2—6*), а также развал кругового сосуда, орнаментированного волной и врезными линиями, который удалось реставрировать (рис. 9, *7*).

Жилище № 4 находится на участке № 9 в 4 м от жилища № 3. Оно углублено на 0,6 м от современной поверхности, имеет квадратную форму со стенами размером 3 м (рис. 6, *2*). Во всех углах жилища находились столбовые ямы. На расстоянии около 1 м от юго-западного угла жилища расположена столбовая яма, возможно, имеющая отношение к дверному проему. Печь расположена в северо-западном углу. В ее конструкции использованы камень и глина — топочная камера сооружена из камня, а стены печи обмазаны толстым слоем глины, свод состоял из камня и глины. Размеры печи 0,9 x 1,25 м. Печь вплотную примыкала к стенам постройки. За северной стеной жилища находится овальной формы яма размерами 1 x 1,1 м, глубиной 0,6 м от современной поверхности. В заполнении жилища встретились фрагменты лепной и круговой посуды VIII—X вв. (рис. 6, *3, 4*).

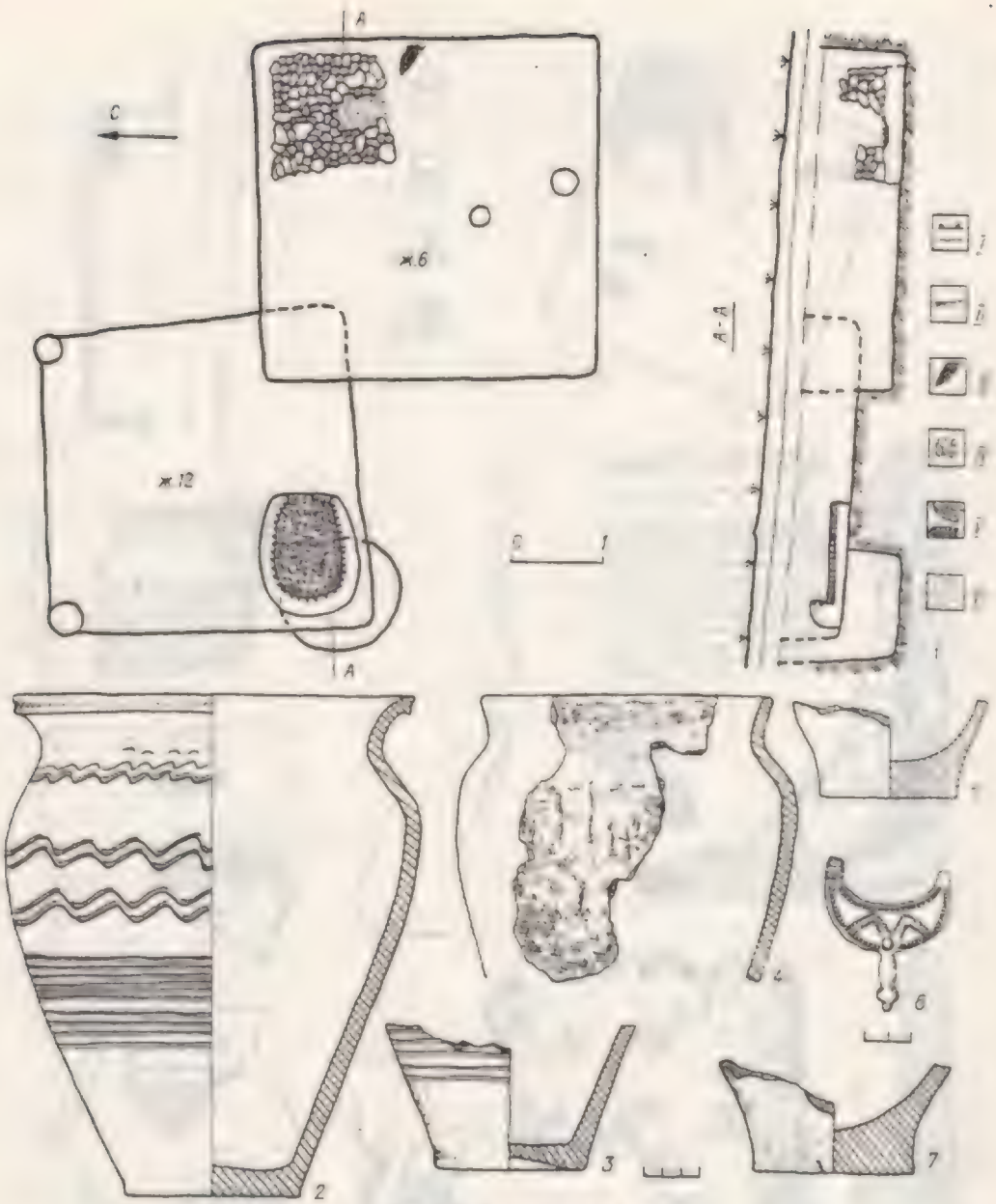


Рис. 11. План и разрез жилищ № 6 и № 12:
Находки из жилища № 6.
I — дерн, чернозем; II — материк; III — горелое дерево; IV — камни; V — под глинобитной печи; VI — зола.

Жилище № 5 расположено на участке № 2 на расстоянии 10 м от южного края городища. Оно имело прямоугольную форму, размеры 3,5 x 3,8 м, глубину 0,8–1 м (рис. 10, *1*).

Вдоль южной, северной и западной стен находились ямки от столбов глубиной 0,9–1,1 м от современной поверхности, диаметром 0,1–0,15 м. Печь-каменка размещалась в северо-восточном углу. Она находилась на невысокой (10–15 см) гумусированной подсыпке и имела форму куба со стороной около 1 м. Под состоял из сильно пережженного грунта, углей и пепла. Его размеры приблизительно 0,5 x 0,6 м, устье повернуто к югу. В заполнении были фрагменты (90 экз.) лепной и круговой посуды VIII–X вв. (рис. 10, *2–7*). Среди них — развал лепного горшка (рис. 10, *5*), а также обломки верхних частей круговых горшков с манжетовидным утолщением венчика (рис. 10, *2*).

Рис. 12. Жилище № 7. План и разрез, фрагменты керамики и противня:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — камни; IV — горелое дерево.

Жилище № 6 расположено в 10 м к западу от жилища № 5 на участке № 1. В плане оно почти квадратное, размеры 3,6 х 3,7 м (рис. 11, *1*), ориентировано стенами по сторонам света. Пол материковый, неровный, углублен на 1,05–1,35 м от современной поверхности.

По середине южной стены располагалась столбовая яма, глубиной 0,20 м от уровня пола, вторая такая же яма была в центре жилища. В северо-восточном углу помещалась печь-каменка, сооруженная на гумусированной подсыпке высотой 0,25 м от пола. Размеры печи 1,2 х 1,3 м, устье обращено к югу. Под размером 0,4 х 0,5 м состоял из пережженного грунта, пепла и угольков. Топка печи сооружена из крупных камней продолговатой формы, но тыльная ее часть состояла из мелких камней, кусков обожженной глины и гумусированного грунта. Жилище погибло от пожара, вблизи восточной стены котлована сохранились остатки сгоревших плах.

Рис. 13. Жилище № 9. План и разрез, находки:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — камни.

При разборке печи в завале камней обнаружены нижние части лепных и примитивно-круговых горшков, фрагменты глиняных противней. В некоторых горшках сохранились остатки обуглившейся пищи (каши).

На полу обнаружен развал кругового горшка, орнаментированного волнистыми и врезными линиями, а также фрагменты лепных и круговых горшков VIII–X вв. (рис. 11, *2–7*). В верхней части заполнения жилища на глубине 0,4 м найдена бронзовая серьга с подвеской, украшенная псевдозернью (рис. 11, *6*).

Жилище № 7 расположено на участке № 7 на расстоянии 10 м от края городища. В плане жилище прямоугольное, размерами 2,8 × 3,2 м, ориентировано углами по сторонам света (рис. 12, *1*). Пол материковый, хорошо утрамбованный, глубиной 1,4–1,7 м от современной поверхности. Во всех углах находились небольшие (0,15 м в диаметре) ямки от столбов. Столбовая яма больших размеров (около 0,30 м) расположена у северо-западной стены печи, вблизи устья. По всему обводу жилища сохранились остатки забутовки, заполнявшей пространство между стенами котлована и деревянными стена-

Рис. 14. Арабский серебряный дирхем из жилища № 9.

ми жилища. Заполнение жилища состояло из углистого грунта с многочисленными остатками горелого дерева. Это же дерево в большом количестве встречалось при расчистке пола жилища. Печь-каменка находилась в северо-восточном углу. От нее сохранилась лишь нижняя часть, от верхней части печи был бесформенный завал камней, заполнявший половину жилища. Размеры печи по обводу стен 1,2 x 1,2 м. Под имел размеры 0,4 x 0,6 м и находился несколько ниже пола жилища. Печь плотно примыкала к стенкам котлована. Она была сложена из большого количества мелких камней; крупные камни находились лишь у основания печи, ограничивая устье. Во время разработки печи между камнями обнаружены мелкие фрагменты керамики и куски обожженной глины.

В заполнении жилища большое количество фрагментов керамики эпохи бронзы, зарубинецкой культуры и VIII–X вв. Керамика VIII–X вв. (около 120 фрагментов) была обнаружена вблизи печи и на полу. Она представлена обломками верхних частей лепных и круговых горшков, их днищами, а также обломками противня. Вся круговая керамика богато украшена врезными линиями, "волной" и "семечковидными" углублениями, расположенными по шейке горшка (рис. 12, *2–11*).

Жилище № 9 находилось на участке № 19. Оно прямоугольной формы, размерами 3,2 x 3,4 м, ориентировано углами по сторонам света (рис. 13, *1*). Пол неровный, материковый, углублен на 1,05–1,15 м от современной поверхности. На глубине 0,5–0,7 м у юго-западной стены обнаружено скопление шлака, камней и фрагментов круговой керамики VIII–X вв. Под ним находилась печь-каменка, от которой сохранилось небольшое количество камней основания печи, размеры которой составляли 1,3 x 1,5 м. Под почти не сохранился. По середине северо-восточной и юго-западной стен зафиксированы ямы от столбов диаметром 0,20–0,25 м. Еще одно углубление круглой формы находилось в восточном углу жилища.

В заполнении обнаружены материалы эпохи меди-бронзы, зарубинецкой культуры и VIII–X вв. Среди зарубинецкого материала следует отметить бронзовую фибулу позднелатенской схемы со сплошным приемником I в. н.э. На полу найдено 64 фрагмента лепных сосудов VIII–X вв., горшков с высоким плечем, насечками и пальцевыми вдавливаниями по краю венчика, а также сковородок (рис. 13, *2–10*). Здесь же были найдены несколько предметов из железа, в том числе стержень, фрагмент ножа и кольцо для крепления косы к рукояти (рис. 13, *11*). На полу вблизи печи обнаружен аббасидский дирхем Ал-Мандри, чеканенный в 144 г. Хиджры (761–762 гг. н.э.) (рис. 14).

Жилище № 10 расположено на участках № 10 и № 17. Имело квадратную форму с длиной стен 3,8 м (рис. 15, *1*). Ориентировано стенами по сторонам света. На глубине 0,6–0,5 м от современной поверхности площадь жилища была покрыта слоем глины толщиной 0,20–0,30 м, представляющей собой остатки обмазки кровли. Под этим завалом на глубине 1,0–1,20 м от современной поверхности находился материковый пол. Печь-каменка расположена в северо-восточном углу. От нее сохранилось лишь основание, представляющее собой прямоугольную вымостку размерами 1,4 x 1,5 м. Камни лежали на невысокой (0,10 м) гумусированной подсыпке. Под состоял из угольков и пепла, помещался на уровне пола жилища. Близ печи были обнаружены фрагменты глиняных вальков, видимо, входивших в конструкцию свода.

В заполнении жилища обнаружены фрагменты керамики зарубинецкой культуры. Здесь же была найдена бронзовая фибула I в. н.э.

По полу и близ печи-каменки встречены также до 40 фрагментов лепной и круговой керамики VIII–X вв., среди которой преобладали обломки верхних частей круговых горшков с манжетовидным утолщением венчика (рис. 15, *2–10*).

Рис. 15. Жилище № 10. План и разрез, материалы:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — камни; IV — глина рухнувшей кровли.

Жилище № 14 — самое глубокое на городище (глубина 1,4—1,9 м) — расположено на участке № 12. Пятно жилища обнаружено на глубине 0,35—0,6 м по завалу глиняной обмазки от стен и кровли, который шел вдоль северо-западной и северо-восточной стен и образовывал южный угол жилища. Котлован прямоугольной формы ориентирован углами по сторонам света. Длина северо-западной стены 3,8 м, северо-восточной, юго-западной и юго-восточной стен — по 3,5 м.

На глубине 1,9 м от современной поверхности обнаружены остатки сильно разрушенной печи-каменки. В заполнении жилища на глубине 0,5 м от современной поверхности обнаружен многочисленный разновременный материал, среди которого — развал зарубинецкой миски "почепского" типа с вертикальным венчиком. С наружной стороны дна изображен крест, а с внутренней — пальцевая вмятина. На глубине 0,8 м найдена янтарная бусина. Скопление керамики VIII—X вв. обнаружено в центре жилища на глубине 1,5 м. На глубине 1,4—1,9 м заполнение имело вид лессовых и гумусных прослоек.

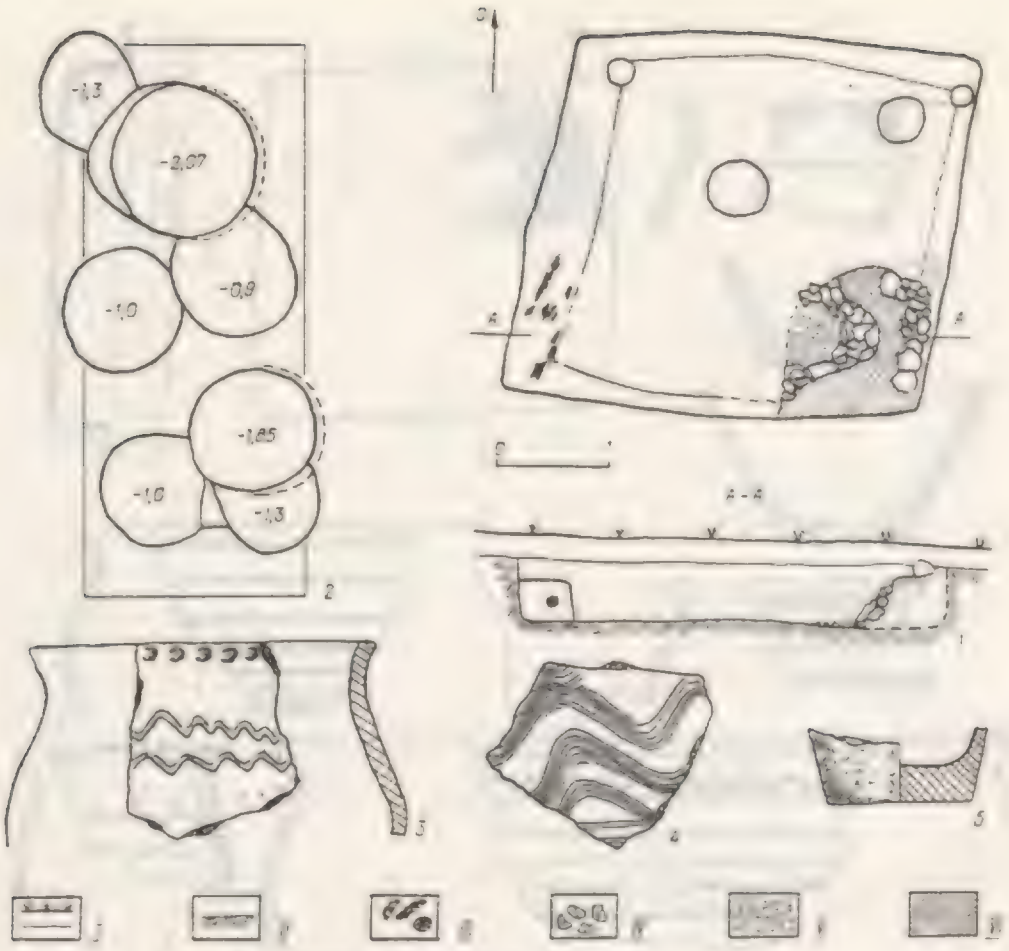


Рис. 16. План и разрез жилища № 16, план комплекса ям.
Керамика из жилища № 16:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — горелое дерево; IV — камни; V — зола; VI — материковая глина.

В развале печи-каменки обнаружены фрагменты глиняного противня и нижняя часть небольшого примитивного кругового горшка.

Жилище № 16 находится на участке № 1 в 6 м к северу от жилища № 12. В плане оно квадратное, длина каждой стены 3 м, размеры котлована 3,40 х 3,60 м; жилище ориентировано стенами по сторонам света (рис. 16, *1*). На полу заметны следы забутовки гумусированным грунтом. Эта забутовка заполняла пространство между земляной стеной котлована и деревянной обшивкой стен жилища. На полу, в северо-западном и северо-восточных углах, обнаружены небольшие округлые в плане столбовые ямки. Пол материковый, его глубина 0,8—1,3 м от современной поверхности. Вдоль западной стены в забутовке котлована на глубине 0,75 м находились куски сгоревшего дерева. Почти в центре жилища была небольшая округлая в плане яма (0,6 м в диаметре), глубина 1,8 м от современной поверхности, заполненная темным гумусированным грунтом. Она, вероятно, не имеет отношения к жилищу. Еще одна яма подобного типа (0,40 м в диаметре) расположена вблизи северо-восточного угла. В юго-восточном углу находилась печь-каменка со сводом из глиняных вальков. Размеры ее стен 1,1 х 1,2 м. Она сохранилась на высоту 0,60 м от пола жилища и представляла собой сооружение кубовидной формы. Топочная камера сложена из плоских крупных камней в нижней части и более мелких — в верхней. Вся остальная часть печи сделана из материковой глины. Топку, вероятно, вырезали в этой плотной глине, а затем облицевали камнями. В развале камней были обнаружены глиняные вальки-конусы от свода. Овальной формы под находился на уровне пола и представлял собой слегка подмазанную глиной площадку размерами 0,5 х 0,6 м. Печь плотно примыкает к стенкам котлована. В темном заполнении встречен разновременный материал (эпохи меди-бронзы, скифского времени — брон-

Рис. 17. План и разрезы жилищ № 17 и № 19, находки из жилища № 17:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — камни; IV — зола; V — под глинобитной печи; VI — материковая глина; VII — горелое дерево.

зовый наконечник стрелы с "шипом" VI в. до н.э., зарубинецкой культуры и VIII—X вв.). На полу найдено 16 фрагментов лепной и круговой керамики VIII—X вв. (рис. 16, *3—5*).

Жилище № 17 находится на участке № 17 в 3 м к югу от края городища. В западной части его перекрывает древнерусское жилище № 19. В плане постройка прямоугольной формы (3,4 x 3,6 м), ориентирована стенами по сторонам света (рис. 17, *1*). Пол материковый, ровный, расположен на глубине 1,2—1,5 м от современной поверхности. Столбовых ям не обнаружено. На глубине 0,5 м от современной поверхности и на полу замечены остатки сгоревшего дерева.

В северо-восточном углу расположена печь-каменка с длиной стен 1,4 x 1,45 м. Она отстоит от стен жилища примерно на 0,2 м. Печь сооружена на невысокой (0,10 м) глиняной подсыпке. Устье имеет подпрямоугольную форму размером 0,50 x 0,80 м. Оно из крупных плоских камней. Тыльная часть печи состоит из мелких камней. Под выложен мелкими камнями и слегка подмазан глиной.

Заполнение состояло из темного гумусного грунта, в котором встретился разновременный материал. На полу и при расчистке печи-каменки обнаружены фрагменты

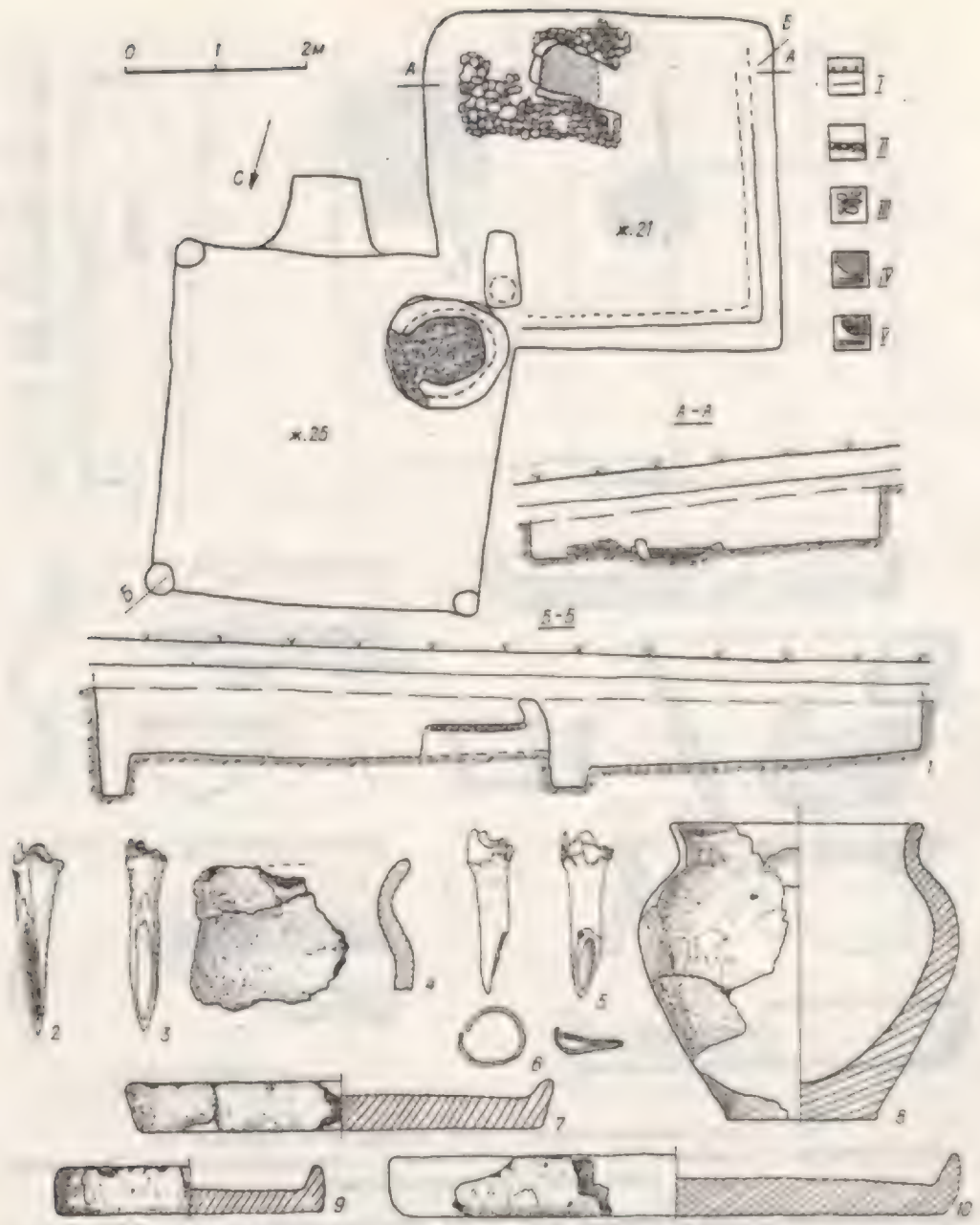


Рис. 18. План и разрезы жилищ № 21 и № 25, материалы из жилища № 21:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — камни; IV — глиняная подмазка пода печи-каменки; V — под глинобитной печи.

лепной и круговой керамики VIII–X вв. (рис. 17, *2–9*). На глубине 0,45 м найден железный нож с прямой спинкой (рис. 17, *10*).

Жилище № 21 расположено на участке № 3 в 3 м к востоку от жилища № 20. Пятно жилища обнаружено на глубине 0,65 м. На этой глубине в восточной части котлована проявился завал камней от печи-каменки, который занимал всю восточную половину жилища. Северо-восточный угол котлована перекрывала более поздняя постройка с глинобитной печью (жилище № 25). Котлован жилища имел размеры 3,40 × 3,40 м, а само жилище — 3,0 × 3,20 м (рис. 18, *1*). Пространство между котлованом и стенами сруба забутовано лессом, забутовка едва отличалась от материковой глины, хотя в ней и были заметны слабо выраженные прослойки сероватого (пепельного) грунта. Только на уровне пола, который находился на глубине 1,10 м от современной поверхности, были

прослежены темные полосы вдоль западной и северной стен жилища, видимо, следы венца сруба. Столбовых ям в жилище не найдено, поскольку яма, которая находилась в северо-восточном углу, относится к жилищу № 25. Эта столбовая яма вписывается в продолговатую яму корытообразной формы, назначение которой неясно. Это углубление отмечено на полу жилища № 21 по докрасна обожженной глине, которая вкраплениями шла на глубину одного штыка. Пол материковый, пятнистый.

Печь-каменка плохой сохранности находилась в юго-восточном углу. Ее первоначальное положение удалось восстановить лишь по остаткам хорошо сохранившегося пода. Размеры печи по внешнему обводу стен 1,30 x 1,70 м, размеры пода 0,5 x 0,7 м. Печь сложена из небольших камней песчаника в количестве до 400 штук. По краю были положены более крупные камни; под подмазан глиной. В жилище заметны следы пожара.

Заполнение состояло из темного грунта, в котором встречались фрагменты разновременной керамики. Наиболее интересные находки отмечены близ пола и при разборке печи. На глубине 1,0—1,10 м найдены фрагменты глиняного противня, лепных сковородок, до 30 обломков стенок лепных сосудов VIII—X вв., несколько донышек, развал глиняного горшка с защипами по краю и грубым днищем, фрагмент верхней части грубого лепного сосуда, возможно, миски или сырницы, две костяные проколки. Этот материал в основном находился среди завала камней печи-каменки (рис. 18, *2—5, 7—10*).

Недалеко от печи, на полу прослеживалось скопление обугленных зерен. Они лежали компактной группой у южной стены жилища, в завале камней печи; отпечатки зерен были заметны и на фрагментах противня. Вблизи устья печи обнаружен комок спрессованных и обугленных зерен округлой формы. На нем также заметны волокна от дерева.

При разборке печи найдено височное кольцо с разомкнутыми концами (рис. 18, *6*).

Жилище № 22 расположено на участке № 4 в одном ряду с жилищем № 21, в 6 м к востоку от него. Пятно котлована выявлено на глубине 0,5 м от современной поверхности. По всему обводу котлована шла полоса светлой глины шириной 0,20—0,25 м, представляющая собой забутовку пространства между стенами котлована и жилища. Размеры жилища 3,20 x 3,60 м (рис. 19, *1*), глубина 1,20 м от современной поверхности. Пол материковый, ровный, пятнистый. Округлые в плане столбовые ямы находились по середине южной и северной стен (рис. 20).

Печь-каменка отличалась хорошей сохранностью. Она представляла собой компактное скопление камней, расположенных в юго-восточном углу постройки. Печь сооружена на гумусированной подсыпке толщиной до 25 см. Первоначальные размеры печи по внешнему обводу ее стен 1,20 x 1,30 м. Не только стены, но и свод был выложен из камней. Между камнями в нескольких местах обнаружена глеевая глина, которая использовалась в качестве связующего материала при постройке печи. В северной части сооружения камни были небольшими. Крупные камни (15—20 см) находились между тыльной стеной печи и подом. Под ограничивался тремя крупными камнями, поставленными на ребро. Он имеет размеры 0,40 x 0,60 м и подмазан глиной, находился ниже подсыпки, на уровне пола. Печь плотно примыкает к стенкам жилища. Постройка сохранила следы пожара.

Заполнение состояло из темного грунта. В верхней части заполнения встречен разновременный материал. Более однородные находки, относящиеся к VIII—X вв., находились на уровне пола и среди камней печи. Среди фрагментов керамики есть лепные и примитивные круговые сосуды, а также круговые горшки курганного типа, костяные проколки (рис. 19, *3—8*). На полу вблизи печи обнаружены фрагменты глиняной жаровни. На глубине 1,0 м и на полу собраны обломки от одного горшка — довольно большого сосуда, по форме напоминающего раннероменскую, а по орнаментации — среднеднепровскую керамику (рис. 19, *2*). У восточной стены найден рыболовный крючок. На полу, как и в жилище № 21, обнаружены скопления обгоревших зерен.

Жилище № 26 расположено на участке № 6 у подножья северного вала. Темное пятно заполнения было обнаружено на глубине 0,5 м. На этой глубине в северо-восточном и юго-западном углах были заметны следы докрасна обожженной глины от завала кровли и стен.

Во всех четырех углах хорошо сохранились обуглившиеся плахи деревянной обшивки стен, благодаря чему совершенно четко определились контуры всей постройки, ориентированной стенами по сторонам света (рис. 21, *1*).

Рис. 19. План и разрез жилища № 22, находки:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — камни; IV — зола; V — глиняная подмазка пода печи; VI — развал керамики; VII — фрагмент глиняного противня-жаровни.

Размеры котлована 4,3 × 4,5 м, размеры деревянной клетки жилища 3,70 × 3,90 м, глубина 1,55 м.

На глубине 0,65 м от современной поверхности было расчищено обуглившееся бревно длиной 1,20, шириной 0,25–0,30 м. В одном из концов бревна было отверстие круглой формы. На этой глубине и до глубины 0,95 м в нижней части жилища встречались отдельные куски обуглившегося дерева. На полу, в восточной части жилища сохранился завал обгоревших плах. Он представлял собой перекрывающие друг друга доски шириной от 0,10 до 0,20 м, толщиной 5–7 см. Этот завал занимал сравнительно большую площадь шириной 1,20 м, длиной 2,20 м и едва ли может быть связан с остатками рухнувших стен или дощатым перекрытием кровли. Это, скорее всего, остатки полатей-лежанок, располагавшихся вблизи печи.

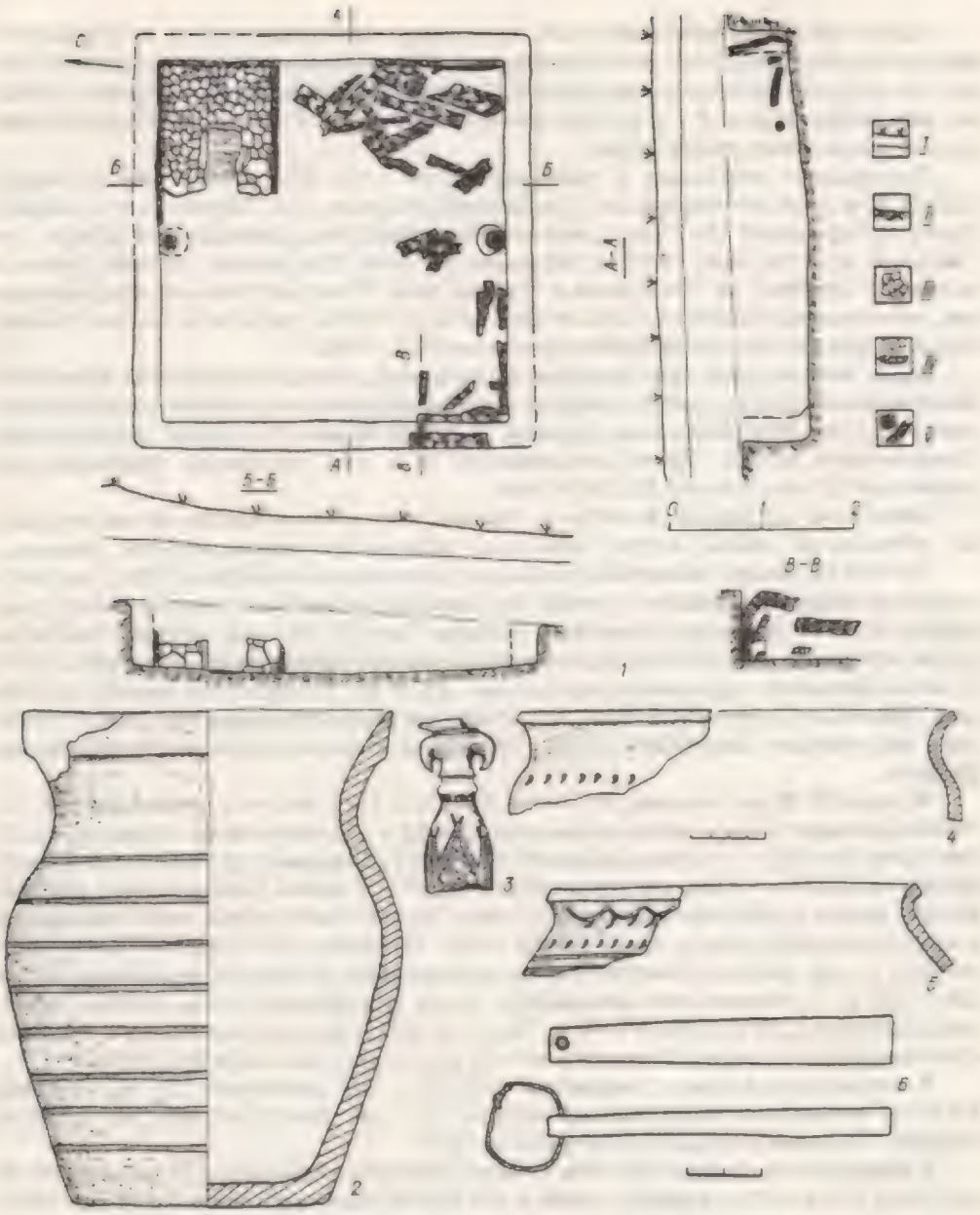


Рис. 21. Жилище № 26. План и разрезы, находки:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — камни; IV — каменная вымостка пода печи; V — горелое дерево.

По всему обводу жилища сохранилась деревянная обшивка стен. Вдоль восточной, южной и северной стен шли два ряда таких плах, вдоль западной стены — три плахи. По середине западной стены обнаружена яма, частично уходившая за пределы постройки. Она была выявлена по рыхлому заполнению, цвет которого, однако, не отличался от желтого материкового пола. Яма не имеет отношения к постройке. Она была засыпана землей и древесным углем. При расчистке ямы с южной стороны в торце котлована зафиксировано три бревна, расположенных одно над другим. Плоской своей частью они примыкали к стенке котлована, а выпуклой были обращены во внутрь постройки.

Таким образом, в этом жилище впервые встречена конструкция из двойного ряда деревянных стен в углубленной части постройки. Эта обшивка состояла из расколотых пополам бревен диаметром 0,15—0,20 м. Обуглившиеся плахи в забутовке котлована зафиксированы также вдоль восточной и северной стен.

Кровля была деревянно-земляной. Скопление обожженной глины встречалось по всей площадке жилища при его разборке, но особенно много ее было по углам. Столбовых ям по углам жилища не обнаружено. Один столб вкопан по середине южной стены, его яма имела глубину 1,7 м от современной поверхности и диаметр около 0,30 м, диаметр обуглившегося столба 0,20 м.

Печь-каменка находилась в северо-восточном углу. Она сохранилась на высоту 0,20—0,25 м и плотно примыкала к деревянной обшивке стен. Основание печи располагалось на невысокой (5—7 см) гумусированной подсыпке, размеры ее по обводу стен 1,25 x 1,35 м. Устье печи (0,45 м) обращено на запад. Под слегка подмазан глиной и несколько углублен по отношению к стенкам печи. Топка выложена из крупных камней, поставленных на ребро. Тыльная часть печи, за топкой, состояла из мелких камней, между которыми заметна прослойка из обожженной глины.

Вдоль южной стены печи, выходившей во внутрь жилища, сохранилась деревянная плаха шириной 0,15 м, плотно прижатая к каменной стене печи, наличие которой указывает на то, что печь обшивалась деревом. В юго-западном углу стояло днище лепного тонкостенного сосуда. Вблизи юго-западного угла печи находилась предпечная яма диаметром 0,7 м и глубиной 0,20 м от пола.

Заполнение котлована состояло из темного грунта с включением обгорелого дерева, обожженной глины, костей животных, фрагментов разновременной керамики.

На полу встречены немногочисленные, но выразительные находки VIII—X вв. Это — железный предмет, возможно, сулица; под завалом деревянных плах восточной стены найден оселок с продетым бронзовым кольцом (рис. 21, *6*); при разборке печи обнаружен небольшой круговой сосуд, орнаментированный врезными линиями (рис. 21, *9*), а также фрагменты круговых горшков (рис. 21, *4, 5*). В заполнении жилища встретилась уникальная костяная поделка — фрагмент накладки, оформленной с одной стороны в виде птичьего клюва (рис. 21, *3*). На лицевой стороне сохранился стилизованный рисунок.

Жилище № 28 расположено на участке № 19 и в 4 м к востоку от жилища № 9. Постройка прямоугольной формы размерами 2,9 x 3,2 м, ориентирована углами по сторонам света (рис. 22, *1*). Пятно заполнения котлована обнаружено на глубине 0,8 м. Внутренняя часть пятна имела интенсивно-темный цвет, по краям заметны следы обуглившегося дерева и обожженной докрасна глины. Завалы глины лучше всего сохранились в северо-западном углу и вдоль южной стены. По обводу стен заметна белого цвета полоска — след забутовки котлована. Пол материковый, пятнистый, расположен на глубине 1,65 м от современной поверхности. Вдоль юго-западной стены на полу лежала плаха шириной 0,15 м, длиной 0,76 м. Плахи от обшивки стен сохранились в западном и восточном углах жилища. В восточном углу две плахи лежали одна над другой.

У юго-восточной стены находилась столбовая яма диаметром 0,25 м, глубиной 0,9 м от уровня пола. Напротив нее располагалась еще одна столбовая яма такой же глубины. По углам жилища ям от столбов не было.

В северном углу находилась печь-каменка хорошей сохранности. Ее размеры по обводу стен 1,20 x 1,40 м, размеры топки 0,40 x 0,60 м, высота сохранившихся стен топки 0,40 м. Устье со всех сторон ограничено крупными плоскими камнями. Печь имела мощную тыльную стену шириной 0,80 м, которая вплотную примыкала к деревянному каркасу жилища. Вдоль западной тыльной стены печи сохранилась деревянная плаха, плотно прижатая к каменной стенке печи. Разборка тыльной стороны печи показала, что камни здесь были положены на глиняном растворе.

Заполнение состояло из интенсивного темного гумуса, включавшего древесный уголь и глину (в углах постройки). В верхнем слое заполнения попадались фрагменты керамики разного времени, здесь же обнаружен железный нож (рис. 22, *2*). На глубине 1,3 м у южной стены встречена стенка горшка, орнаментированная врезными линиями. В развале печи найдены глиняные пряслица. В забутовке котлована за печью был фрагмент венчика с манжетовидным утолщением (рис. 22, *3—7*).

В заполнении столбовой ямы у северо-западной стены найдена трубчатая полая кость со следами обработки, а на полу — дно от лепного сосуда.

Жилище № 29 расположено на границе участков № 17, 18 у подножья северного вала, в 2—3 м от края городища. Пятно заполнения прослежено на глубине 0,3—0,5 м, где весь котлован был перекрыт локальными скоплениями докрасна обожженной гли-

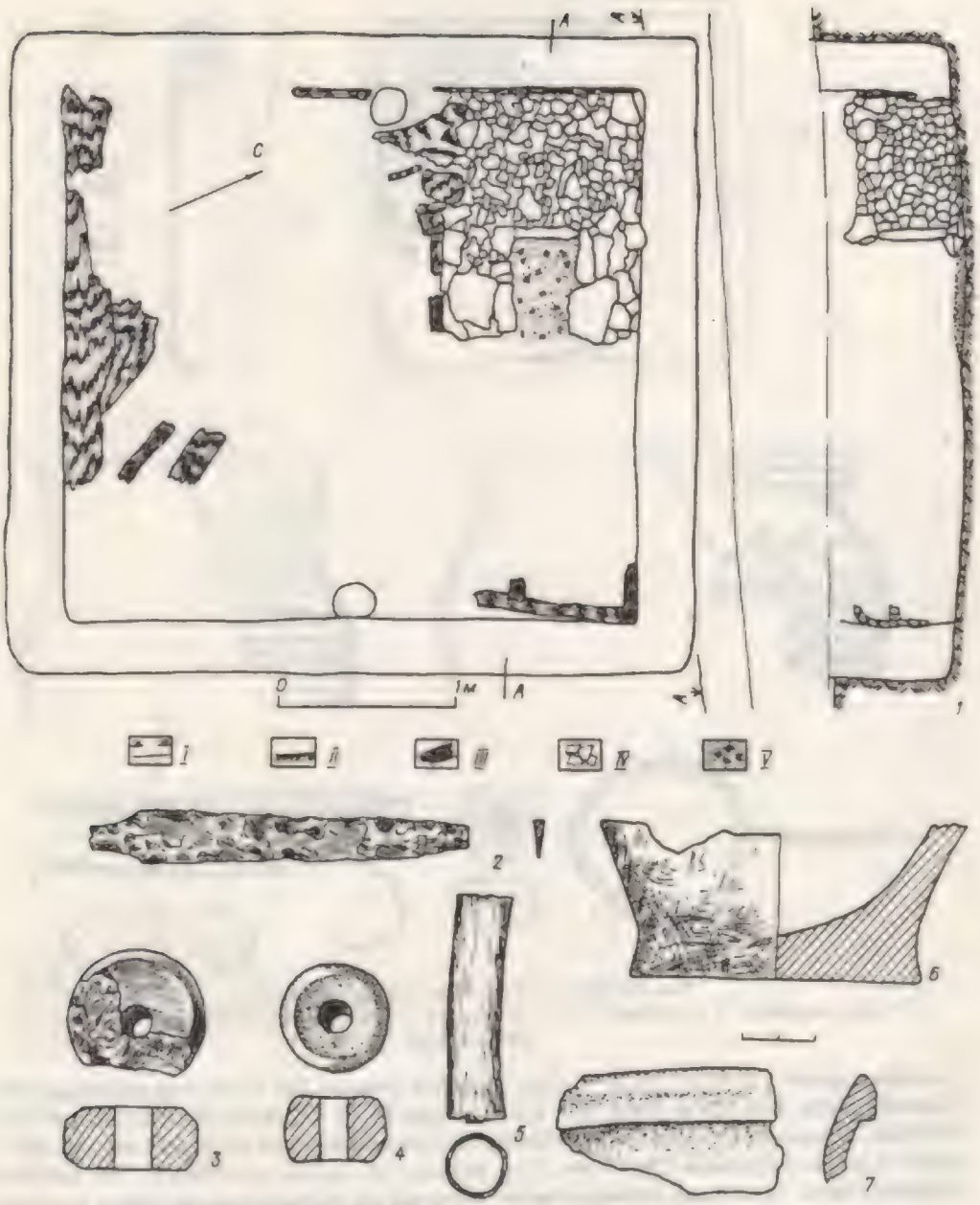


Рис. 22. Жилище № 28. План и разрез, материалы из жилища:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — горелое дерево; IV — камни; V — зола, угли.

ны, концентрировавшейся по углам и вдоль стен постройки. Размеры жилища по деревянной обшивке стен составили 3,8×4,0 м, размеры котлована на 0,20 м превышают размеры обшивки (рис. 23, *1*). Глубина жилища по северной стенке раскопа 1,3 м, по южной — 1,10 м от современной поверхности. По обводу стен сохранились обуглившиеся плахи. Здесь, как и в жилищах № 26 и 28, при постройке деревянных стен дома применялись распиленные пополам бревна диаметром 15—20 см. Прослежено три ряда таких бревен в углубленной части постройки. Ориентировано жилище стенами по сторонам света. В юго-западном углу и по середине северной и южной стен обнаружены столбовые ямы глубиной соответственно 1,4; 1,9; 1,7 м от современной поверхности. Слева от устья печи расчищена предпечная яма диаметром 1,5 м, глубиной 0,10 м от уровня пола.

В северо-восточном углу находилась печь-каменка, устье которой сложено из крупных камней, а тыльная часть — из мелких. Размеры печи по обводу стен 1,10×1,15 м,

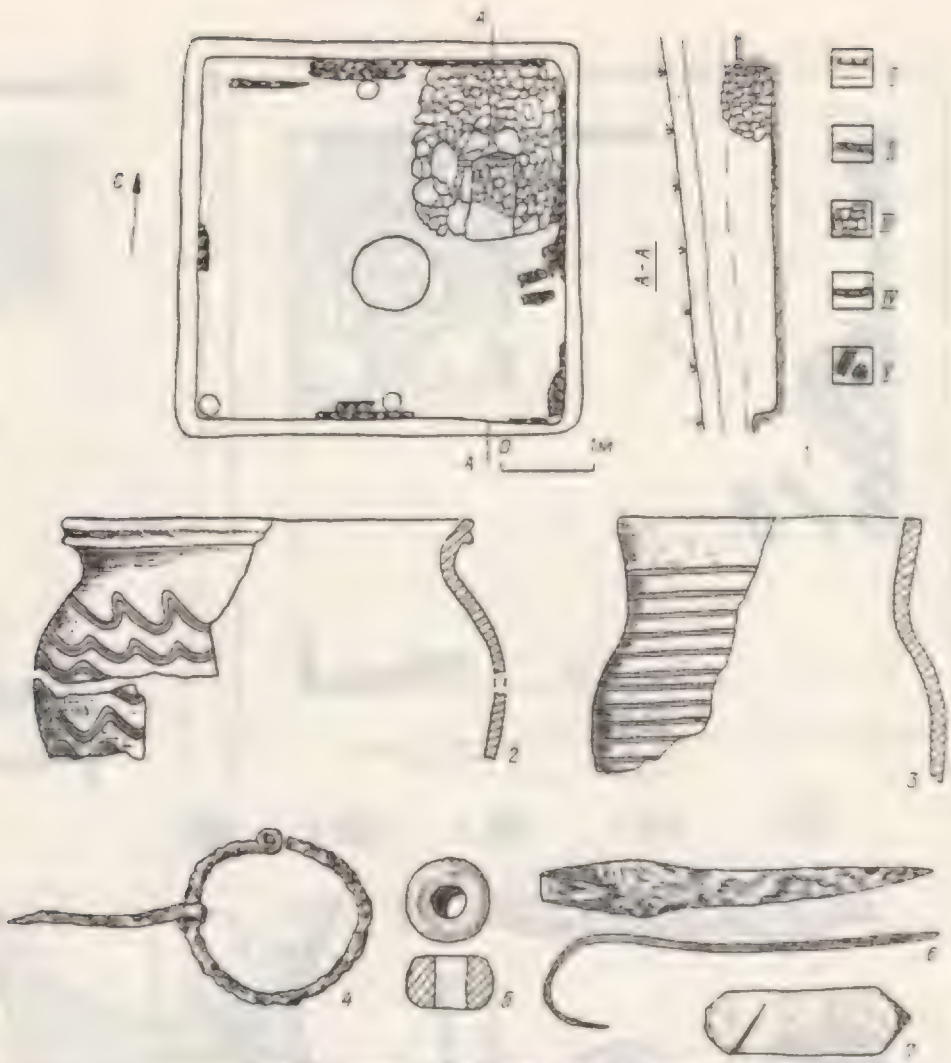


Рис. 23. Жилище № 29. План и разрез, находки:
I –дерн, чернозем; II — материк; III — камни; IV — каменная вымостка пода печи; V — горелое дерево.

размеры топки — 0,40 x 0,80 м. Высота топочной камеры 0,5 м, высота сохранившейся тыльной части печи 0,6 м. Печь, как и в жилищах № 26, 28, была обшита деревянными плахами. Следы такой обшивки особенно хорошо сохранились на фасаде печи справа от устья и вдоль восточной стены печи. Печь сложена на глиняном растворе. При разборке тыльной части печи была зафиксирована прокаленная докрасна глина между камнями, вплоть до основания печи. Печь была сооружена на полу, под слегка подмазан глиной.

Заполнение котлована представляло собой темный грунт с включением сильно обожженной глины и древесного угля. На глубине 0,3–0,7 м шел разновременный материал, среди которого встречена стеклянная бусина (рис. 23, *5*). Характер заполнения существенно не менялся до уровня пола. При разборке печи найдены фрагменты круговой керамики (рис. 23, *2, 3*). Развал нижней части кругового сосуда находился под восточной стенкой жилища. Вблизи печи найдена железная подковообразная фибула (рис. 23, *4*), глиняное прясло из глея, каменный оселок. За пределами жилища, вблизи южной стены на глубине 0,5 м найден железный ложкорез (рис. 23, *6*).

Жилище № 30 расположено вблизи северного вала, на участке № 14. Темное пятно котлована жилища зафиксировано на глубине 0,5 м от современной поверхности. Часть постройки уходила в северную стенку раскопа, под вал. Котлован прямоугольной

Таблица 2. Хозяйственные ямы VIII—X вв.

Номер ямы	Местоположение	Форма	Размеры, м	Глубина от совр. поверх.	Характеристика материала
1	Жилище № 5	Круглая	0,65	0,20	Развалы горшков и костяная проколка VIII—X вв.
6	Вблизи жилища № 9	"	1,3	1,8	Керамика VIII—X вв., камни, кости рыб и животных
8	Там же	"	1,6	2,05	То же
11	Участок № 1	"	1,5	2,0	То же, железный нож
13	Жилище № 13	Овальная	1,15x1,5	1,15	Керамика VIII—X вв., железный нож
15	Жилище № 12	Круглая	1,5	2,0	Заполнена обуглившимся зерном
34	Вблизи жилища № 33	Овальная	0,5x1,0	1,7	Кости животных, камни и керамика VIII—X вв.
38	Жилище № 18	Круглая	0,50	0,2	Фрагмент стенки горшка VIII—X вв.
51	Участок № 4	Овальная	1,0x1,30	0,7	Керамика VIII—X вв.
52	Участок № 3	"	1,05x1,1	1,05	То же и эпохи бронзы
54	Жилище № 20	Круглая	2,0	2,0	Разновременная керамика
58	Участок № 3	"	1,50	0,7	Керамика VIII—X вв.
58а	Перекрывает яму № 58	Круглая	1,0	0,5	Керамика VIII—X вв.
69	Участок № 1 и 6	"	1,4	1,3	Керамика, стеклянная бусина, нож, бронзовая серьга, пряслице VIII—X вв. (рис. 31, *1—6*)
69а	Примыкает к яме № 69	Овальная	0,9x1,0	1,10	Керамика VIII—X вв. и зарубинецкой культуры
70	Участок № 6	"	1,6x1,8	2,3	Керамика, костяной гребень VIII—X вв. (см. рис. 34, *7—14*)
79	Участок № 6	Овальная	1,2x1,3	1,7	Керамика, кости животных, костяная проколка VIII—X вв. (рис. 32, *1—9*)
82	Там же	Круглая	1,3	2,3	Керамика VIII—X вв.
85	"	Овальная	1,0x1,7	2,35	То же
87	Вблизи жилища № 26	Круглая	1,0	1,9	"
89	Участок № 6	"	2,0	1,7	Керамика, костяной гребень, железный нож VIII—X вв. (рис. 33, *1—31*)
91	Участок № 12	Круглая	0,95	1,65	Керамика VIII—X вв.
96	Участок № 19	"	1,6	1,2	То же
104	Участок № 17	"	1,4	1,7	То же и пряслице VIII—X вв.
106	Там же	"	1,20	1,7	Керамика VIII—X вв.
117	Вблизи постройки № 3	"	1,20	1,2	То же
121	Участок № 17	"	1,30	1,9	Керамика, бронзовый бубенчик, стеклянная бусина, нож, проколка VIII—X вв. (рис. 33, *4—7*)
138	Участок № 18	"	1,3	1,7	Керамика VIII—X вв.
151	Участок № 14, 15	"	1,2	0,70	То же
160	Участок № 15	"	1,3	0,6	"
163	Там же	"	1,0	0,8	"
179	Участок № 7	"	1,0	1,25	Разновременная керамика
185	Участок № 8	Круглая	1,7	1,4	Разновременная керамика
187	Участой № 9	Овальная	1,1x1,3	0,95	Керамика VIII—X вв.
189	Там же	Круглая	1,25	1,05	Керамика, наконечник стрелы VIII—X вв.
193	Участок № 7	"	1,4	1,6	Керамика VIII—X вв.
206	Участок № 8	"	1,5	1,35	Разновременный материал и керамика VIII—X вв.
209	Там же	Овальная	1,35x1,55	2,1	Керамика, бронзовое колечко VIII—X вв.
210	"	"	1,1x1,25	1,3	Керамика VIII—X вв.
215	"	Круглая	1,6	2,1	Керамика и костяные проколки VIII—X вв.

Окончание табл. 2

Номер ямы	Местоположение	Форма	Размеры, м	Глубина от совр. поверх.	Характеристика материала
221	Участок № 10	Овальная	0,9x1,15	0,85	Керамика, шлак VIII—X вв.
225	Там же	Круглая	1,10	1,0	Керамика VIII—X вв.
238	"	Овальная	0,85x1,30	0,75	То же
250	Участок № 11	Круглая	1,2	1,8	Разновременная керамика и фрагменты керамики VIII—X вв.
251	Участок № 8	"	1,2	1,65	То же
260	Вблизи жилища № 43	"	1,6	1,45	Керамика и костяная проколка VIII—X вв.

формы размерами 3,80 x 4,40 м, ориентирован стенами по сторонам света. Деревянная обшивка стен не сохранилась, однако на глубине 0,5 м при выявлении пятна жилище был отчетливо заметен двойной контур котлована, образованный забутовкой пространства между деревянными стенами и материком. Ширина этой забутовки 20—25 см. Таким образом, размеры жилища составляли 3,60 x 4,20 м. Глубина его пола от современной поверхности в центре — 1,5 м, в южной части — 1,3—1,35 м, в северной — от гребня вала — около 2 м. Пол ровный, материковый, имеет пятнистую окраску. В северо-западном углу отмечен перегнивший деревянный столб диаметром 0,20 м. Он выходит за пределы котлована, поэтому неясно, связан ли он с жилищем, тем более, что в остальных углах ям от столбов не было. Скорее всего, он входил в конструкцию вала, перекрывающего северную часть жилища.

В северо-восточном углу обнаружена печь-каменка плохой сохранности. От нее остались лишь нижние камни и обожженное пятно пода, покрытое древесным углем. Под слегка подмазан глиной. Приблизительные размеры печи по внешнему обводу ее стен 1,3 x 1,4 м.

Жилище по своим конструктивным особенностям относится к VIII—X вв. Однако материала этого времени здесь не найдено. У южной стены жилища приблизительно по середине зафиксирована корытообразной формы яма размером 0,4 x 0,6 м, углубленная в пол на 0,4 м (табл. 2). В профиле восточной стены замечена темная линза рва размерами 0,7 x 2,4 м. Как оказалось, этот ранний ров перекрывался всеми более поздними жилищами, находившимися вблизи северной оконечности поселения; он зафиксирован в жилищах № 31, 32, 33 и является оборонительным сооружением зарубинецкого времени.

Заполнение жилища состояло из темного грунта, содержащего фрагменты разновременной керамики. В первом штыке заполнения находились камни, кости животных, фрагменты стенок кухонных зарубинецких горшков. На втором и третьем штыках материал отсутствовал.

Жилище № 37 расположено на границе участков № 8 и 9, частично оно перекрывалось жилищем № 36. Размеры прямоугольного котлована 3,40 x 3,50 м. Между стенкой котлована и деревянной обшивкой стен жилища отчетливо прослеживалась по всему обводу грунтовая забутовка (рис. 24, *1*; 25). Вдоль южной, восточной и западной стен сохранилась обуглившаяся деревянная облицовка. Она представляла собой распиленные бревна толщиной 3—5 см и 15—20 см в диаметре. Часть бревен западной стены сохранились "in situ". Одна из упавших плах находилась на высоте 0,30 м от пола, ее длина 0,95 м, ширина 0,30 м, толщина 5—7 см. В торце двух хорошо сохранившихся плах видно, что они уложены выпуклой частью к внутреннему пространству. Сравнительно хорошо сохранился также юго-западный угол деревянной стены. Плахи вплотную примыкали друг к другу плоскими торцами, образуя прямой угол (рис. 25). На торцах каких-либо пазов для соединения плах не замечено, поэтому способ крепления обшивки к стенам котлована остался невыясненным.

Почти по середине южной стены находилась столбовая яма диаметром 0,30 см, глубиной 0,40 м от пола жилища. Вдоль южной стены, кроме обуглившихся плах, прижатых к котловану, выявлен завал докрасна обожженной глины. Он начинался на глубине 0,25 м от начала материка и шел до пола, видимо, это остатки глиняной обмазки кровли и стен.

Рис. 24. План и разрезы жилищ № 36 и № 37; находки из жилища № 37.
I — дерн, чернозем; II — материк; III — камни; IV — зола; V — горелое дерево; VI — под глинобитной печи с каменной вымосткой; VII — обожженная глина.

В восточной части жилища обнаружена обуглившаяся плаха длиной 0,50 м, которая лежала в слое докрасна обожженной глины толщиной около 30 см. Возможно, это остатки упавшей кровли. Пол находился на глубине 1,40 м от современной поверхности и 0,9 м от начала материка.

В северо-восточном углу располагалась печь-каменка с размерами стен 1,40 х 1,40 м (рис. 24, *1*). Устье выложено из круглых камней, поставленных на ребро. Тыльная часть печи сооружена из мелких камней. Ширина топки 0,50 см, длина 0,70 м, высота сохранившихся стен топки 0,30 м. Под представляет собой слой пепла с включением мелких угольков. Основание печи находится на гумусированной подсыпке высотой 5–7 см, а под несколько углублен в пол. Печь плотно примыкала к деревянным стенам жилища. На печи были небольшие фрагменты обуглившегося дерева, видимо, упав-

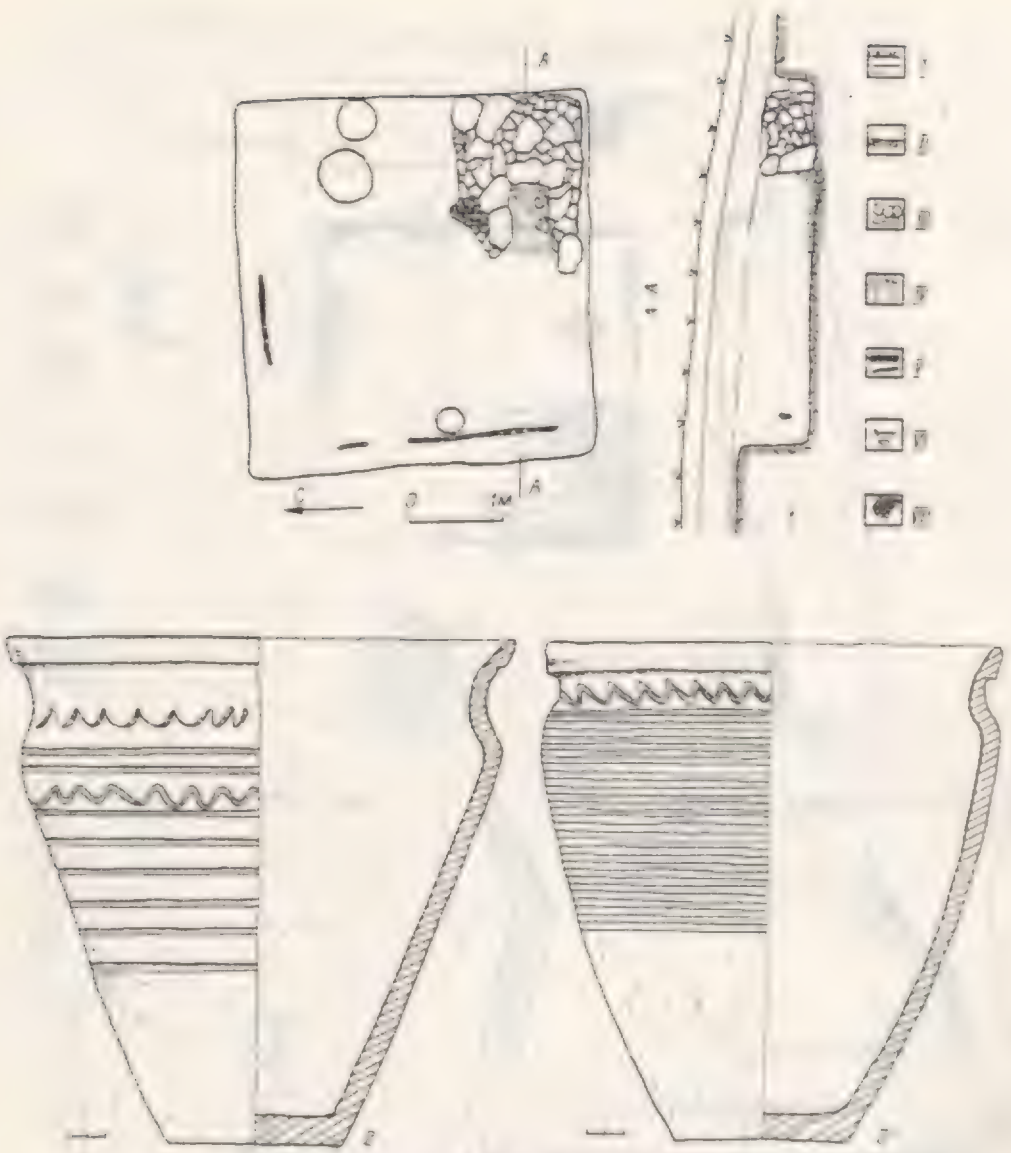


Рис. 26. Жилище № 40. План и разрез, находки:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — камни; IV — зола; V — горелое дерево; VI — керамика; VII — обожженная глина.

шие сверху. Вдоль южной стены сохранились небольшой фрагмент обуглившейся плахи, прижатой к камням, остатки деревянной обшивки печи-каменки.

В первом штыке заполнения почти не было археологического материала. Грунт черного цвета, насыщен золой, углем, обожженной глиной, большим количеством обугливщегося дерева. При зачистке пола у южной стены обнаружен железный нож (рис. 24, *5*), у северной стены — фрагмент глиняного пряслица (рис. 24, *6*). При разборке печи найдено несколько фрагментов лепных сосудов (рис. 24, *2, 3*), костяная проколка, у устья — развал лепной глиняной сковородки (рис. 24, *7, 4*).

Жилище № 40 расположено на участке № 10. Пятно заполнения котлована зафиксировано на глубине 0,5 м от современной поверхности. Жилище глубиной 1,25 м от современной поверхности и 0,75—0,8 м (в центре) — от начала материка, размерами 3,60 х х 3,80 м, ориентировано стенами строго по сторонам света. Пол неровный, линзовидной формы. Столбовых ям по углам жилища не обнаружено. У западной стены на расстоянии 0,30 м от нее, примерно посередине, находится круглая яма диаметром 0,30 м, глубиной 0,3 м от пола. У восточной стены жилища зафиксирована круглая яма диаметром

0,4 м, глубиной 0,35 м от пола жилища неизвестного назначения. Рядом с ней находилось скопление докрасна обожженной глины, имевшее круглые очертания, размером 0,5 м, толщиной около 10 см (рис. 26, *1*).

Вдоль западной и южной стен на расстоянии 0,25 м от них найдены остатки обуглившихся плах. В юго-западном углу была печь-каменка, размерами по обводу стен 1,40 х х 1,70 м. Она сложена из очень крупных камней, что способствовало сравнительно хорошей ее сохранности (рис. 27). Ширина тыльной стены до топки 0,9 м, длина топки 0,75 м, ширина 0,4 м. Устье прямоугольной формы обращено к востоку. Основание печи находилось на полу, под слегка углублен. Топка на глубину 0,40 м была заполнена гумусированным песком с включением древесного угля, а также камней, сползших сюда с верхней площадки печи. Ниже, на толщину около 10 см, шел слой пепла, еще ниже, до материка на толщину 10—15 см, – слой песка, образовавшегося при разрушении каменного свода печи, сложенного из песчаника.

У южной стены топки обнаружены развалы двух круговых горшков IX—X вв., с манжетовидным утолщением венчика и орнаментом в виде врезных линий и "волны" (рис. 26, *2, 3*).

У северной стены печи обнаружено скопление глиняной массы, напоминающей керамическое тесто, возможно, это остатки еще не обожженного сосуда или же заготовка керамической массы. В заполнении котлована на первом и втором штыках обнаружены фрагменты венчиков круговых горшков IX—X вв. (2), фрагменты лепных сосудов (4) VIII—X вв., железный нож и гвоздь. При зачистке пола найдены два каменных оселка, кости животных (30), обломки жаровни-противня.

Жилище № 42 расположено на участке № 11. Пятно заполнения котлована выявлено на глубине 0,5—0,6 м от современной поверхности. Оно имело характерный двойной контур, образованный забутовкой котлована. Постройка ориентирована углами по сторонам света, размеры стен котлована 4,20 х 4,20 м. По всему обводу стен жилища на расстоянии 0,30—0,50 м от стен котлована сохранились обуглившиеся плахи (рис. 28). Вдоль северной стены лежала такая же плаха шириной около 10 см, плотно прижатая к стене котлована. У этой же стены на полу находились обломки обуглившихся плах, упавших сверху. В северо-западном углу отмечены следы обуглившегося дерева, но угол деревянной обшивки не сохранился. Вдоль западной стены лежали куски обуглившихся плах, упавших сверху. Вдоль южной стены, ближе к юго-восточному углу, находилась обуглившаяся плоская доска длиной около 1,0 м, шириной 0,30 м. Посередине этой доски отмечено трапециевидной формы отверстие (рис. 29, *1*); возможно, оно связано с креплением деревянной обшивки стен. Вдоль восточной стены лежала обуглившаяся плаха толщиной 5 см.

Печь-каменка находилась в северо-восточном углу. Она прямоугольной формы, размерами 1,20 х 1,40 м. Печь сохранилась сравнительно хорошо, за исключением западной стороны, опавшей во внутрь жилища. Печь сложена из некрупного камня, положенного, видимо, на глиняном растворе. В тыльной части печи между камнями зафиксирована обожженная глина оранжевого цвета. Печь сооружена на полу жилища, устье направлено на юг, ширина его 0,30 м. Под овальной формы размерами 0,50 х 0,70 м, слегка углублен в пол жилища и подмазан глиной. На западной стенке и перед ней, справа от устья отмечены остатки обуглившегося дерева, плотно прижатые к стенкам печи, остатки деревянной обшивки печи-каменки.

На расстоянии 0,30 м от южной стены и почти вплотную к западной примыкает столбовая яма размером 0,30 м, глубиной 0,5 м от пола. Такие же ямы находились посередине южной, северной, западной и восточной стен. Все ямы расположены за пределами деревянной обшивки (рис. 29, *2*).

Пространство между деревянной обшивкой и северной стеной котлована равнялось около 0,50 м. Оно было заполнено гумусированным лессом с большим количеством камней.

Складывается впечатление, что жилище строилось на месте более ранней постройки, котлован которой был несколько больше, чем требовалось для данного жилища. Возможно, с этой ранней постройкой и связаны столбовые ямы, расположенные за пределами деревянной обшивки стен. Заполнение жилища состояло из небольшого, но выразительного материала. На полу у западной стены стоял целый лепной сосуд (рис. 29, *3*). Второй почти целый круговой горшок находился сверху на печи (рис. 29, *5*). На полу

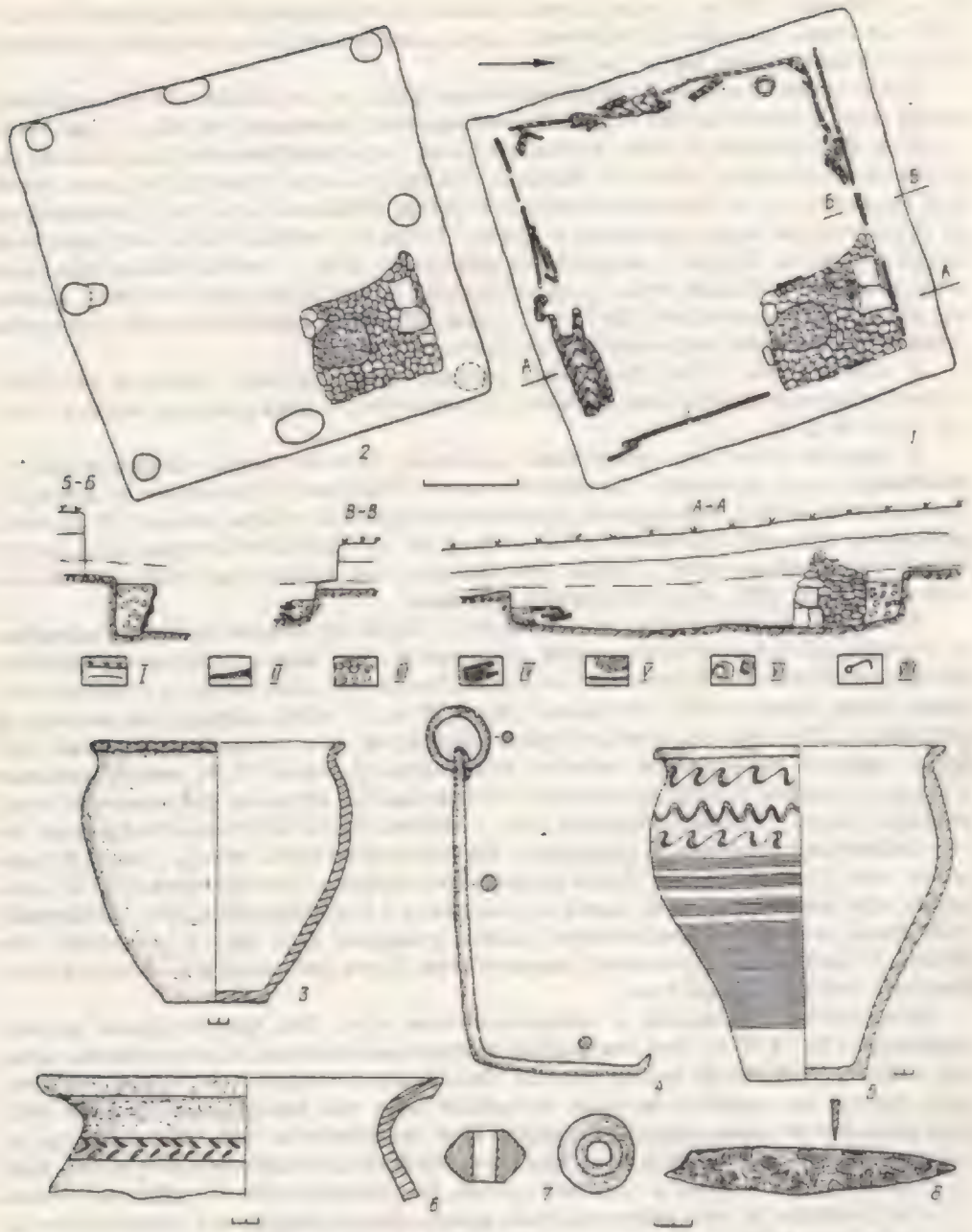


Рис. 29. Жилище № 42. Планы и разрезы, материалы:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — камни; IV — горелое дерево; V — глинянная подмазка пода печи; VI — горшки; VII — ключ.

в юго-восточном углу под горелым деревом найдены два каменных точила, костянные проколка и поделка-ворварка, покрытая точечным орнаментом. Здесь же встречено пряслице биконической формы (рис. 29, *7*). Посередине западной стены на полу лежала железная поделка в виде ключа (рис. 29, *4*). Она представляла собой изогнутый под прямым углом круглый в сечении стержень с кольцом на одной стороне и загнутым краем на другой.

Жилище № 43 расположено на участке № 11. Пятно от котлована жилища выявлено на глубине 1,0 м от современной поверхности в предматериковом слое. Постройка прямоугольной формы размерами 3,60×4,0 м, ориентирована стенами по сторонам света. Жилище опущено в материк на глубину 0,5 м, глубина от современной поверхности до пола 1,55 м. Пол материковый, хорошо утрамбован. В северо-западном, севе-

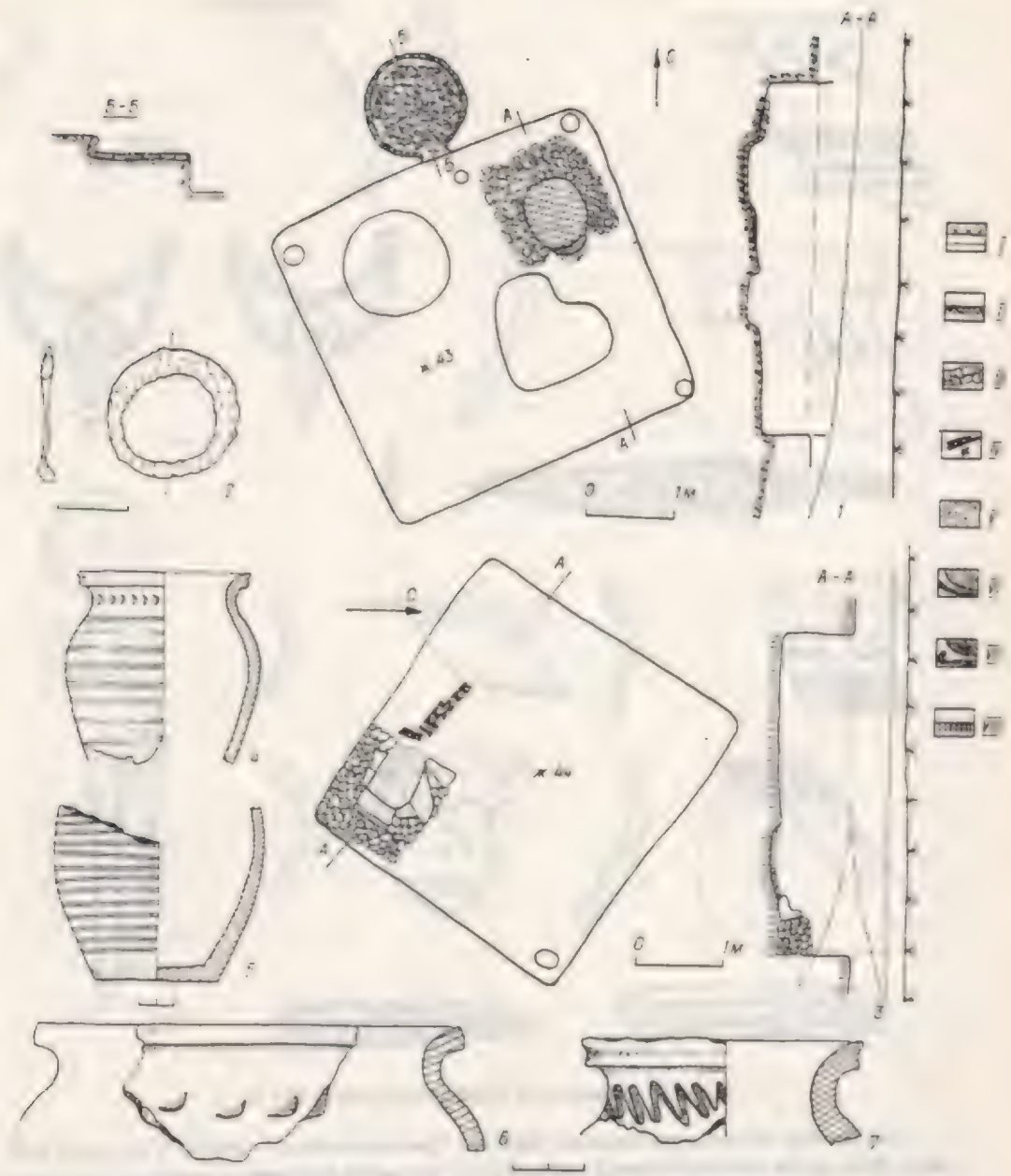


Рис. 30. Планы и разрезы жилищ № 43 и № 44. Находки из жилища № 44:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — камни; IV — горелое дерево; V — зола; VI — глинянная подмазка пода печи-каменки; VII — под глинобитной печи с каменной вымосткой; VIII — погребенный чернозем.

ро-восточном и юго-восточном углах прослежены ямы от столбов диаметром 0,20 м и глубиной от пола около 0,30 м.

В северо-восточном углу обнаружены остатки печи-каменки. Сохранился лишь обожженный под со следами глиняной подмазки и небольшого количества камней от основания стенок. Приблизительные размеры печи по внешнему периметру стен 1,20 х х 1,40 м. Устье обращено на юго-восток (рис. 30, *1*).

По середине северной стены находилась еще одна печь, выходившая за пределы котлована. Это круглое в плане сооружение диаметром 1,10 м, углубленное в материк на 0,30 м, с ровными прокаленными на 5—7 см стенами. Под ровный, выложен у основания камнями, подмазан глиной и хорошо прокален. Печь имела глинобитный свод, о чем свидетельствуют многочисленные куски печины, сконцентрированные в слое вокруг нее.

Рис. 31. Предметы из хозяйственных ям № 69 и 70.

Заполнение жилища состояло из темного гумусированного грунта, в котором встечены фрагменты разновременной керамики, в том числе фрагменты лепных и круговых горшков VIII–X вв., орнаментированные поперечными линиями и "волной", обломок железного ножа VIII–X вв. и кольцо (рис. 30, *2*). В пределах жилища открыты хозяйственные ямы № 253 и 254.

Жилище № 44 исследовано на участке № 12. Заполнение котлована выявлено на глубине 0,7 м от современной поверхности по интенсивному темному слою, слабо выделяющемуся на фоне серого культурного слоя. Особенностью этого объекта было то, что постройка опущена не в материк, как обычно, а в гумус. Жилище имело прямоугольную форму размерами 3,40 х 3,60 м, ориентировано углами по сторонам света с небольшим отклонением. Плотный, утрамбованный пол находился на глубине 1,40 м от современной поверхности. В жилище зафиксированы слабые следы пожара в виде угольков, кусочков обуглившегося дерева и обломки плахи, сохранившейся на полу перед печью (рис. 30, *3*).

Печь-каменка находилась в южном углу жилища и ориентирована устьем на запад. Размеры по обводу каменных стен составляют 1,20 х 1,40 м, размеры топки 0,40 х 0,60 м.

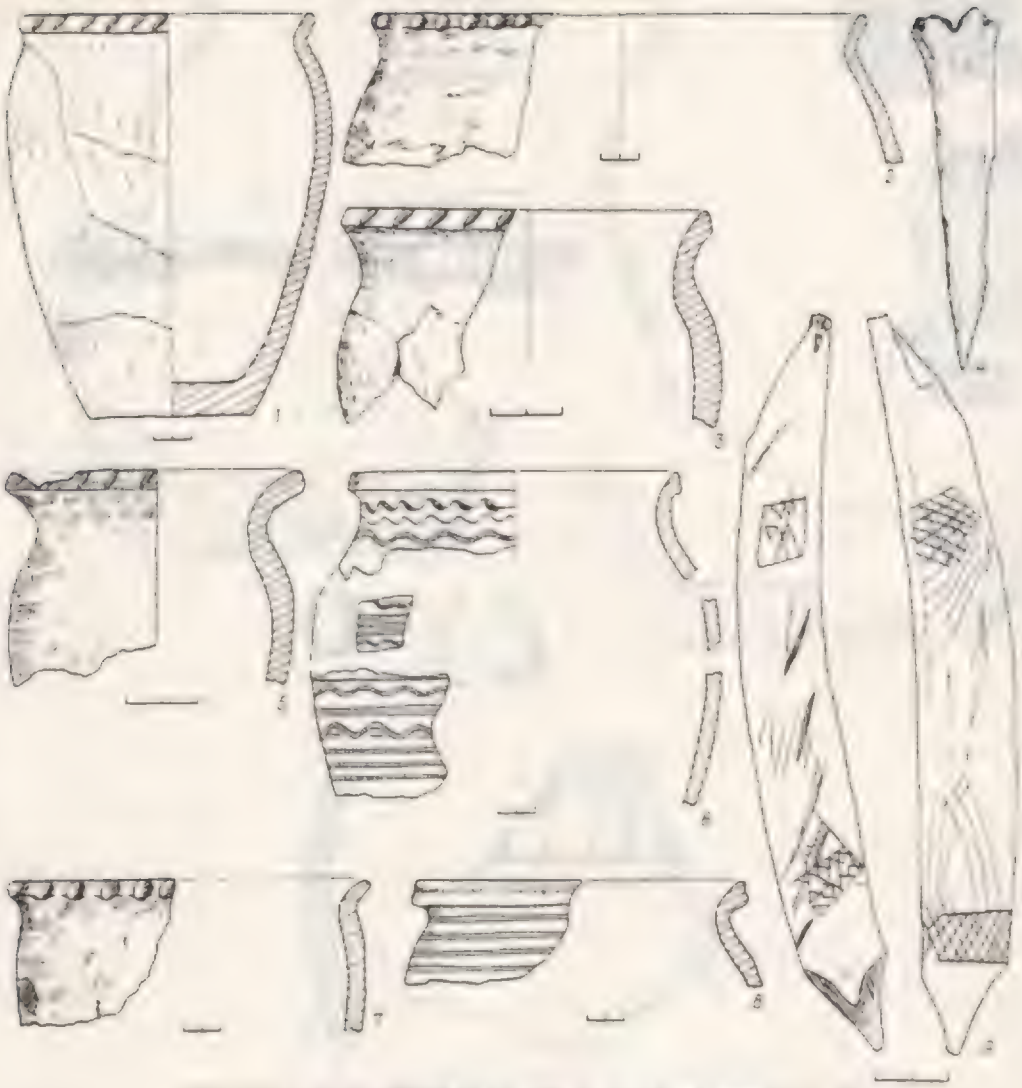


Рис. 32. Материалы из хозяйственной ямы № 79.

Топочная камера сложена из крупных плоских камней, свод — из мелких. Под не был подмазан глиной, состоял из золы и мелких угольков.

Заполнение включало разновременную керамику, кости животных, камни. На полу в центре жилища найден обломок жернового камня, возле печи — обломки горшков VIII—X вв. (рис. 30, *4—7*). Описание хозяйственных ям и их содержимого дано на табл. 2.

СООРУЖЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ВРЕМЕНИ

Жилища и хозяйственные ямы XII—XIII вв. *Жилище № 8* находилось на участке № 2, в 3 м к востоку от жилища № 5. Котлован прямоугольной формы 3,2 х 3,6 м ориентирован углами по сторонам света (рис. 34, *1*). Пол неровный, находился на глубине 0,8—1,35 м от современной поверхности. В трех углах постройки обнаружены ямки диаметром около 0,20 м. Глинобитная печь обнаружена в южном углу. Она примыкала тыльной частью к юго-западной стенке жилища и на 0,40 м отстояла от юго-восточной. Печь сооружена на лессовом останце высотой 0,20 м, устье обращено на северо-восток (рис. 35). Размеры печи 1,1 х 1,3 м, под хорошо обожжен, сохранился полностью (0,80 х х 1,0 м). Свод сохранился лишь на высоту 0,25—0,30 м. По середине юго-восточной стены находилась материковая ступенька размерами приблизительно 0,80 х 1,0 м.

Рис. 33. Находки из хозяйственных ям № 89, № 121 и культурного слоя.

В заполнении обнаружено небольшое количество материала, в основном зарубинецкой культуры, на полу встречены мелкие фрагменты древнерусской керамики.

Жилище № 11 примыкало к жилищу № 5, частично перекрывая его юго-восточный угол (рис. 10, *1*). В плане оно было прямоугольным, с длиной стен 3,2 х 3,3 м, ориентированных по сторонам света. Пол глиняный, материковый, довольно ровный, углублен на 0,8—1,05 м от современной поверхности. В юго-восточном, юго-западном и северо-западном углах и по середине южной стены обнаружены круглые столбовые ямки. В северо-западном углу располагалась глинобитная печь. Она сооружена на глиняной подсыпке высотой 0,20 м, размеры печи 1,0 х 1,10 м. Стены сохранились на высоту 0,25 м. Под округлой формы, толщиной 0,10 м, ровный и сильно обожженный. Устье печи обращено на восток. Перед печью находилась округлая яма 0,50 м в диаметре, глубиной 0,10 м от пола жилища. В темном гумусированном заполнении жилища было найдено немного обломков разновременной керамики.

Жилище № 12 перекрывает юго-восточный угол жилища № 6 (рис. 11, *1*). Постройка в плане прямоугольной формы, размерами 3,4 х 3,6 м, ориентирована стенами по сторонам света. Материковый пол углублен в центральной части до 1,0 м от современной поверхности. В северо-западном углу глубина пола достигла 1,9 м за счет повышения площадки городища — здесь сохранился оборонительный вал, шедший вдоль восточного края городища.

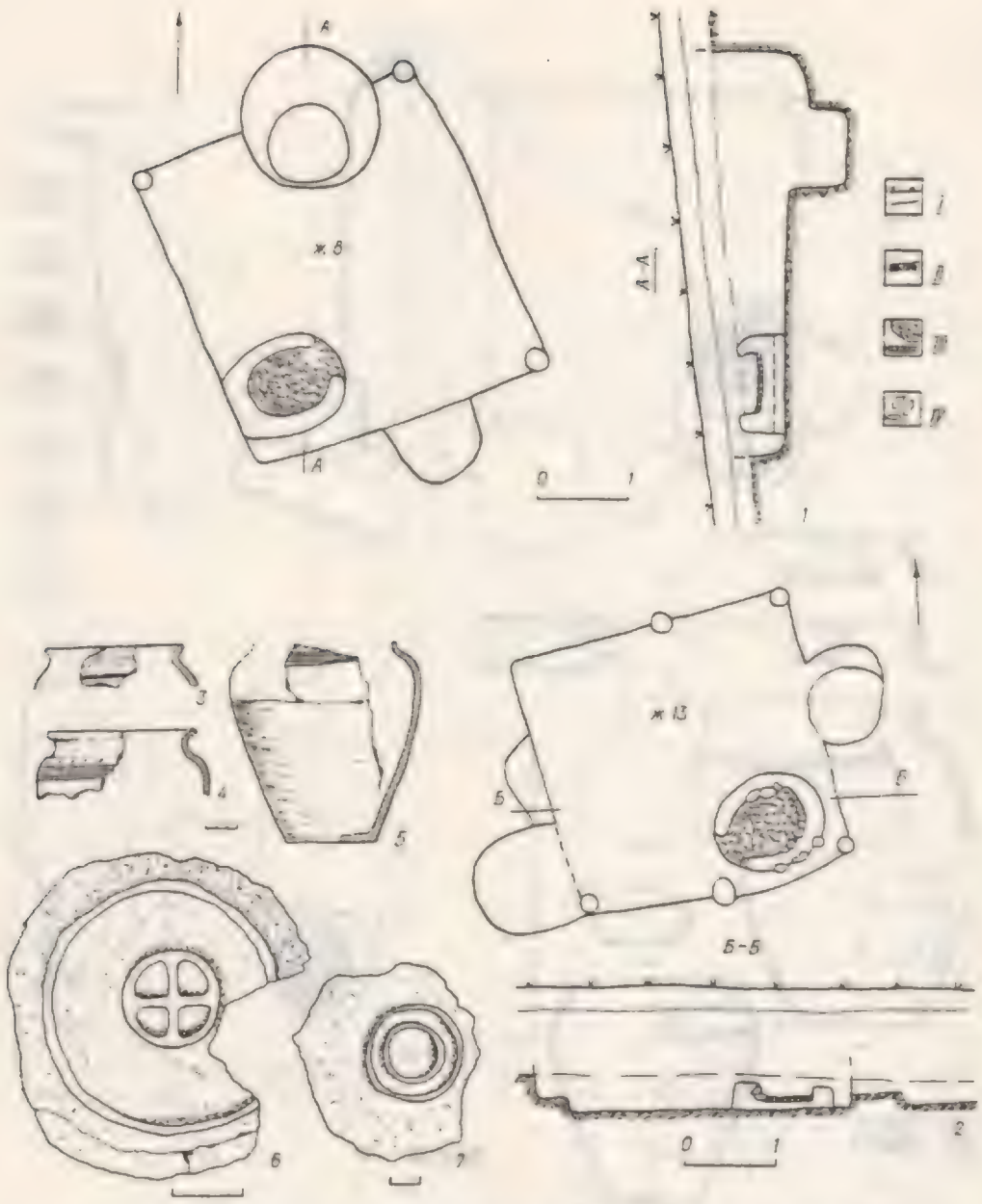


Рис. 34. Планы и разрезы жилищ № 8 и № 13. Предметы из жилища № 13:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — под глинобитной печи; IV — камни.

В северо-западном и северо-восточном углах жилища обнаружены небольшие округлые столбовые ямки. В юго-западном углу располагалась глинобитная печь на невысокой глиняной подсыпке. Размеры печи 1,0 х 1,2 м. Свод не сохранился, округлой формы под сильно обожжен.

В заполнении жилища встречен разновременный материал. На полу найдены обломок тонкого стеклянного браслета и фрагменты древнерусской керамики.

Жилище № 13 расположено на участке № 5 в 6 м к востоку от жилища № 7. Котлован прямоугольной формы (3,0х3,25 м), ориентирован стенами по сторонам света (рис. 34, *2*). Глиняный материковый ровный пол был на глубине 1,35—1,65 м от современной поверхности. В северо-восточном, юго-восточном и юго-западном углах, а также по середине южной и северной стен обнаружены округлые столбовые ямы диаметром 0,15—0,20 м.

В юго-восточном углу жилища была глинобитная печь диаметром 1,0—1,2 м. Под печи размерами 0,7 х 1,0 м находился на невысоком (5—7 см) останце. Под

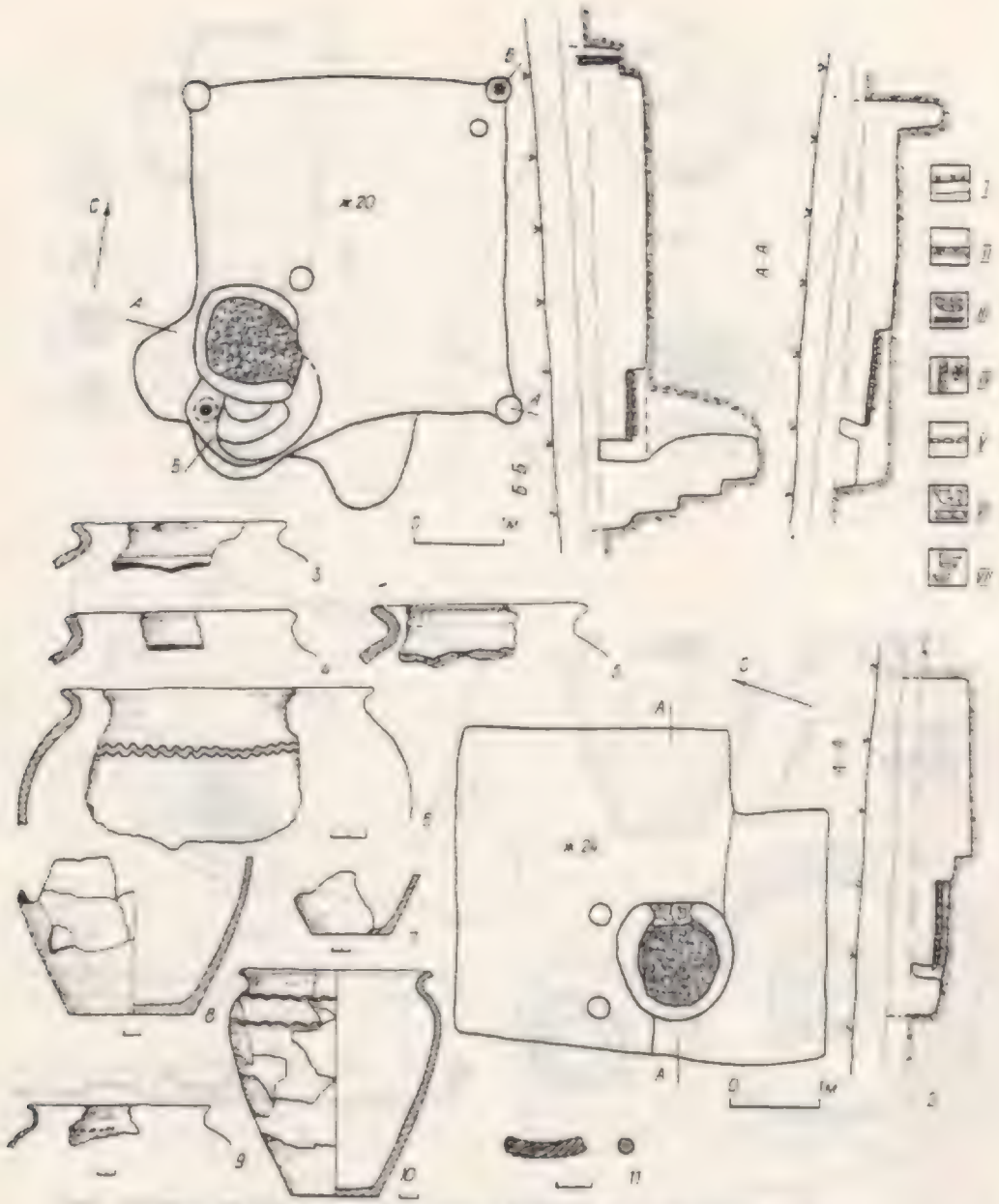


Рис. 36. Планы и разрезы жилищ № 20 и № 24, керамика из жилищ:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — под глинобитной печи; IV — сгнившие столбы; V — каменная вымостка пода; VI — под раннего строительного периода; VII — керамика.

хорошо обожжен. По периметру пода располагались камни. Устье печи обращено на запад.

По середине западной стены сохранилась небольшая ступенька длиной около 0,80 м и шириной 0,40 м, возможно, отмечающая вход.

В заполнении постройки найден большой разновременный материал, в том числе много костей животных. Интересна бронзовая ручка от ситулы рубежа нашей эры. На полу встречены стенки тонкостенных древнерусских горшков, дно такого горшка с клеймом (рис. 34, *3, 4, 6, 7*), развал небольшого горшка (рис. 34, *5*).

Жилище № 19 частично перекрывает жилище № 17. Постройка прямоугольной формы, размерами 3,4 x 3,6 м, глубиной около 1,0 м от современной поверхности, ориентирована стенами по сторонам света (рис. 17, *1*). Столбовых ям не обнаружено. Вдоль южной стены сохранился фрагмент гнилого дерева. В северо-восточном углу размеща-

лась глинобитная печь подковообразной формы размерами 0,7 х 1,0 м. Толщина стен печи 10—15 см. Она сооружена на глиняной подсыпке высотой 30—35 см, устье печи обращено на запад. Под плохо сохранился.

Заполнение состояло из темного грунта, включавшего небольшое количество разновременной керамики.

Жилище № 20 расположено на участке № 3 в 9 м к востоку от жилища № 8. Оно ориентировано стенами по сторонам света. Размеры стен 3,40 х 3,65 м (рис. 36, *1*). Пол на глубине 1,10 м материковый, ровный, подмазан глиной, которая легко отслаивалась при зачистке пола. Во всех углах жилища находились округлые в плане столбовые ямы диаметром 0,15—0,30 м. В северо-восточном углу таких ям было две, они вплотную примыкали друг к другу. В одной из этих ям, расположенной непосредственно в углу жилища, обнаружены остатки перегнившего столба; куски перегнившего дерева отмечены и в ямках у южной стены. Примерно по середине южной стены находилась материковая ступенька полукруглой формы. Глинобитная печь расположена в юго-западном углу. Она сооружена на подсыпке высотой до 25 см и сохранилась на высоту 0,5 м. Полностью сохранился под размерами 0,9 х 1,10 м. Он представлял собой хорошо обожженную глиняную площадку. Устье размером 0,6 м обращено на восток. Перед тем как обмазывать глиной площадку пода, ее выложили мелкими камешками.

У южной стены печи и частично под ней обнаружена хозяйственная яма, засыпанная при рытье котлована. За тыльной стеной печи располагалась небольшая площадка-лежанка полукруглой формы. Заполнение жилища состояло из грунта темного цвета, а с глубины 0,9 м — светло-желтого, который почти не отличался от материка. Этот грунт находился в северной части жилища. Он мог быть остатками рухнувшей обмазки кровли или обмазки стен, возвышавшихся над углубленной частью постройки. Следов пожара не обнаружено.

В заполнении найдена разновременная керамика — с глубины 0,6—0,8 м: обломки стенок лепных сосудов зарубинецкого времени, эпохи бронзы, несколько фрагментов стенок сосудов раннесредневекового времени и два обломка стенок круговых сосудов древнерусского времени.

На полу обнаружены несколько фрагментов древнерусских горшков и обломок стеклянного браслета (рис. 36, *11*).

Жилище № 24 расположено на участке № 4 в 2 м к северо-востоку от жилища № 20. Пятно заполнения котлована выявлено на глубине 0,4—0,5 м. Оно имело форму прямоугольника со срезанным юго-восточным углом и ориентировано стенами по сторонам света. Длина западной стены 4 м, северной — 3,40, восточной — 2,40 м. Глубина жилища 1,35 м от современной поверхности. На глубине 0,7 м установлено, что жилище имело лежанку (рис. 36, *2*). Вдоль южной стены на ширину 1 м вплотную к печи примыкал прямоугольной формы выступ; пол жилища был расположен на 0,5 м ниже его уровня (рис. 37). Пол подмазывался глиной, так как имел ровный цвет, без пятен. У северной стены печи находились две столбовые ямы глубиной 0,10 м от уровня пола.

Глинобитная печь подковообразной формы расположена у западной стены жилища и плотно примыкала своей южной стороной к лежанке (рис. 38). Размеры пода 0,8 х 0,9 м, свод не сохранился, стены зафиксированы на высоту 0,30 м от уровня пода, который представлял собой сильно обожженную ровную площадку, с некрупными камнями по краям. Кроме этого хорошо сохранившегося пода выше его на 0,06 м в стене печи по всему ее обводу шла полоска толщиной 2—2,5 см обожженной глины — след еще одного пода, существовавшего в последний период жизни жилища.

Заполнение состояло из темного грунта, в котором находился разновременный материал. На глубине 0,7 м найдены фрагменты керамики зарубинецкой культуры, эпохи бронзы и древнерусского времени, на глубине 0,8 м — фрагмент плинфы. На полу встречено 15 мелких обломков древнерусских горшков (рис. 36, *3—9*). В поду печи находились стенки древнерусского горшка, нижняя часть которого стояла в устье печи. В центре днища горшка просверлена дырочка, как в сырницах (рис. 36, *10*).

Жилище № 25 расположено на границе участков № 4, 5, оно перекрывает своим юго-западным углом часть жилища № 21 (рис. 39). Пятно жилища № 25 было выявлено на глубине 0,5 м, а в юго-западном углу — подковообразный след глинобитной печи. Котлован имел размеры 3,80 х 4,0 м и ориентирован стенами по сторонам света (рис. 18, *1*). По середине южной стены сбоку от печи находилась материковая ступенька размерами

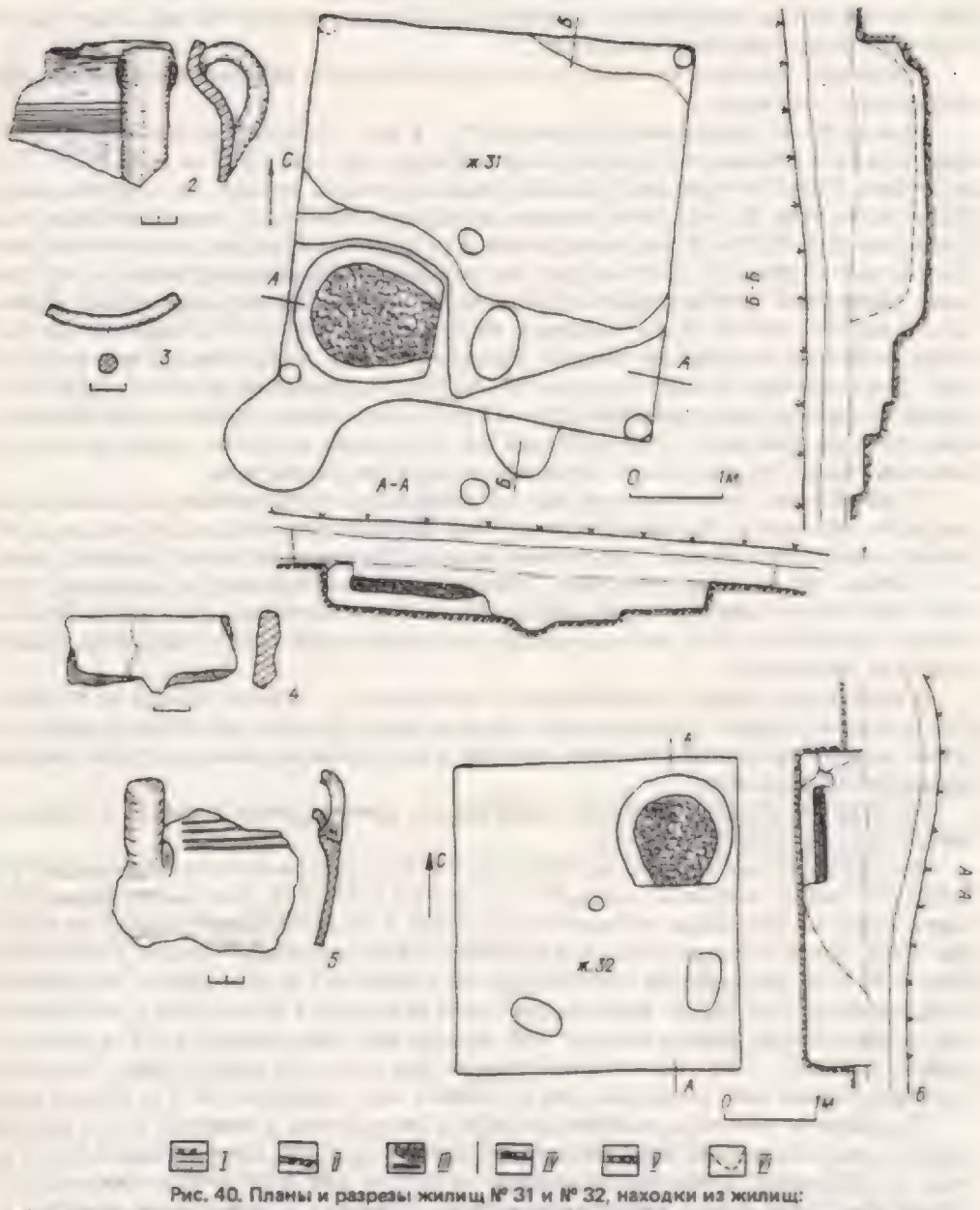


Рис. 40. Планы и разрезы жилищ № 31 и № 32, находки из жилищ:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — под глинобитной печи; IV — каменная вымостка пода; V — нижний под; VI — граница заполнения рва зарубинецкой культуры.

0,80 x 0,10 м. Во всех четырех углах жилища были столбовые ямы. Пол ровный, слегка подмазанный глиной, его глубина 1,50 м от современной поверхности.

Круглая глинобитная печь находилась в юго-западном углу, диаметр ее 1,20 м. Она сохранилась на высоту 0,60 м от уровня пола. Печь сооружена на глиняном останце высотой 0,40 м. Под размерами 0,70 x 1,0 м хорошо обожжен.

Заполнение представляло собой темный грунт, в котором встречались единичные фрагменты разновременной керамики, много костей животных. На глубине 0,9 м находился толстостенный широкогорлый сосуд, напоминающий архаичные горшки, доживающие до XIV в. На полу встречены три фрагмента стенок и один венчик тонкостенного древнерусского горшка, а также единичные находки керамики эпохи бронзы, зарубинецкого времени и VIII–X вв.

Жилище № 31 расположено в прирезке к участку № 15, у самого подножья северного вала. Пятно жилища оконтурилось на глубине 0,5–0,6 м от современной поверх-

ности, на уровне материка. Размеры котлована 3,80 x 4,20 м. Ориентирован стенами по сторонам света (рис. 40, *1*). Во всех четырех углах постройки были столбовые ямы круглой формы диаметром 0,15–0,20 м, глубиной 0,15–0,20 м от пола жилища. Примерно по середине южной стены отмечено подковообразное углубление размерами 0,6 x 0,6 м – остатки входа. К юго-восточному углу жилища примыкала круглая яма диаметром около 1,0 м, глубиной 0,7 м от материка.

В юго-западном углу находилась глинобитная печь подковообразной формы размерами 1,40 x 1,50 м. Стены печи сохранились на высоту 0,20 м. Под хорошо обожжен, размеры его 1,0 x 1,3 м. Устье обращено к востоку. Печь сооружена на материковом останце высотой 0,30 м. Перед печью находится овальной формы яма размерами 0,5 x x 0,8 м, глубиной 0,1 от уровня пола. В южной части жилища пол находился на глубине 1,1 м от современной поверхности. Северная часть постройки попала на зарубинецкий ров, поэтому на этой глубине часть жилища была заполнена темным гумусом. После выборки заполнения рва жилище приобрело ступенчатую конфигурацию (рис. 40, *1*). Однако пол жилища едва ли мог иметь такую форму, скорее всего, он был ровным и приходился в северной части на заполнение рва.

Материала в жилище обнаружено мало. На уровне пола были кости животных, фрагменты стенок круговых сосудов древнерусского времени (7), фрагменты зарубинецкой керамики. При зачистке пола обнаружены фрагмент плинфы, венчика кругового сосуда с ручкой XII–XIII вв. (рис. 40, *2*), фрагмент сосуда с поливой (рис. 40, *4*). В яме перед печью также найден фрагмент стенки с поливой желто-зеленого цвета.

Жилище № 32 находилось вблизи жилища № 31, на расстоянии около 3 м к востоку от него. Пятно заполнения выявлено на глубине 0,5 м, от современной поверхности на уровне материка. Размеры котлована 3,10 x 3,20 м, глубина в центральной части 0,9 м от современной поверхности. Жилище ориентировано стенами по сторонам света (рис. 40, *6*). Пол ровный, материковый. В северо-восточном углу располагалась глинобитная печь подковообразной формы, диаметром 1,10 x 1,20 м, размеры пода 0,8 x 0,9 м. Под рыхлый, плохой сохранности. Толщина стен печи 20 см, внутренняя поверхность этих стен обожжена на глубину 8–10 см. Высота сохранившихся стен от пода 10 см. Печь сооружена на останце гумусированного грунта высотой 20 см, которым был заполнен оборонительный ров зарубинецкого времени, шедший вдоль северного края городища.

В углах жилища столбовых ям не было. Небольшая круглая яма размером 0,20 м находилась вблизи юго-западного угла печи. У восточной стены на расстоянии около 0,20–0,25 м от нее была корытообразной формы яма размерами 0,4 x 0,6 м, глубиной 0,15 м от пола. Аналогичная яма зафиксирована в юго-западной части жилища (рис. 40, *6*). Назначение этих ям неясно.

Заполнение жилища представляло собой темный грунт, в первом штыке которого встречались фрагменты обгорелого дерева и несколько невыразительных обломков керамики.

Во втором штыке были фрагменты кухонных горшков зарубинецкой культуры (13), лощеных зарубинецких сосудов (2), орнаментированных стенок сосудов эпохи бронзы, кости животных (10), обломок стенки древнерусского сосуда.

При зачистке пола обнаружены стенки круговых горшков XII–XIII вв. (рис. 40, *5*) и фрагмент ручки, обломки стенок сосуда с поливой желто-зеленого цвета, которые склеились с фрагментами сосуда с поливой из жилища № 31.

В одной из ям на полу был обнаружен фрагмент верхней части древнерусского сосуда.

Жилище № 33 находилось у северного края городища на участке № 16. Котлован квадратной формы размерами 3,1 x 4,3 м, глубина в центре от современной поверхности 1,5 м, от материка – 0,9 м. Темное пятно заполнения котлована оконтурилось на глубине 0,5–0,6 м. Стены постройки отвесные, ровные, столбовых ям не было (рис. 41, *1*).

В северо-западном углу жилища, за его пределами, находился очаг, расположенный в подбое, форма его овальная. Глубина очага от верхнего угла жилища 0,6 м, ширина устья 0,5 м, высота устья 0,35 м. Внутри очаг имел куполообразную форму, лессовый свод был докрасна обожжен. Под покрыт слоем обожженной глины толщиной 4–5 см. В глубине очага найден обломок плинфы, у устья лежал фрагмент сработанного жерно-

Рис. 41. Планы и разрезы жилищ № 33 и № 34, находки из жилищ:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — под глинобитной печи; IV — горелое дерево; V — нишеобразная печь; VI — зола; VII — камни.

ва. Перед устьем прослежено углистое пятно размерами 0,20 x 0,60 м, толщиной 8 см. Заполнение очага состояло из темного гумусированного грунта с мелкими углями.

В центре постройки находилось прямоугольной формы углубление (глубиной 10 см от пола), размерами 0,9 x 1,4 м, по середине которого зафиксировано овальное пятно обожженной глины размерами 0,35 x 0,7 м, толщиной 5 см (рис. 41, *1*). В обожженной глине встречены обломки плинфы и фрагменты древнерусской керамики, железный гвоздь и фрагмент железного изделия (рис. 41, *5, 6*).

На глубине 0,25 м от материка в северной части котлована находился на черном гумусе завал камней, в котором обнаружены фрагмент ножа и венчик древнерусского горшка (рис. 41, *2, 4*). Заполнение представляло собой темный гумусированный грунт, содержавший мелкие камни, кости животных, фрагменты зарубинецкой керамики эпохи бронзы и VIII–X вв. В центре котлована найдены древнерусская бронебойная стрела и обломок стеклянного браслета черного цвета (рис. 41, *3, 8*). На глубине 0,8 м

от материка обнаружены бронзовая фибула I в. н.э. и два сильно коррозированных железных предмета неопределенного назначения (рис. 41, *7*). На этой глубине прослежены прослойки насыпного лесса, возможно, остатки завала кровли.

Жилище № 34 расположено на границе участков № 8, 15. Темное пятно заполнения зафиксировано на глубине 0,3—0,5 м от современной поверхности. Размеры квадратного котлована 3,0 x 3,0 м. Его глубина в центре жилища 1,15 м от современной поверхности и 0,7 м от начала материка. Вдоль южной и восточной стен находились столбовые ямы круглой формы, диаметром 15—20 см, глубиной 15—20 см от пола жилища (рис. 41, *11*). В северо-западном углу выявлена глинобитная печь подковообразной формы диаметром 1,10 x 1,20 см. Она сооружена на материковой подсыпке высотой 0,20 м. Устье шириной 0,4 м обращено на юго-восток. Под размерами 0,80 x 1,15 м хорошей сохранности. Стенки свода сохранились лишь с южной стороны на высоту 0,15—0,20 м от уровня пода. В северо-западном углу жилища за печью находилась круглая площадка (яма?) диаметром 1,0 м, назначение которой неясно.

В первом штыке заполнения встречен разновременный материал, аналогичный находкам из культурного слоя. На полу жилища у устья печи найдена нижняя часть кругового древнерусского сосуда, у южной стены печи — верхняя часть древнерусского горшка (рис. 41, *9*). При зачистке пола у южной стены обнаружен фрагмент гладкого стеклянного браслета голубого цвета (рис. 41, *10*).

Жилище № 35 расположено в 4 м к западу от жилища № 34. Особенностью этого жилища являлось округлой формы пятно заполнения котлована, зафиксированное на глубине 0,3—0,5 м. При выборке заполнения на глубине 0,5 м прослеживались юго-восточный угол, южная и восточная стены прямоугольного котлована. Таким образом, прямоугольный котлован жилища вписался в яму округлых очертаний (рис. 42, *1*). Размеры прямоугольного котлована: южная стена 3,1 м, северная 2,7 м, западная 2,9 м, восточная 3,0 м, размеры округлого котлована 3,6 x 4,3 м. Пол жилища в центре находится на глубине до 1,20 м от современной поверхности и 0,6—0,7 м от материка. По середине западной стены отмечена округлая яма, видимо, след от входа, глубиной 0,35 м от материка, размерами 0,6 x 0,65 м. В стенке жилища у краев входа были две столбовые ямы, возможно, от опорных столбов для двери.

Глинобитная печь расположена в северо-западном углу. Она сооружена на гумусированной лессовой подсыпке высотой 0,4 м от пола жилища. Размеры подсыпки 0,9 x x 1,0 м, размеры круглого пода 0,8 x 0,9 м. Основанием пода служила вымостка из мелких камней на гумусированной подсыпке. От свода сохранилась полусферическая стенка высотой 0,4 м от уровня пода. Устье направлено на юг, его ширина 0,6 м.

Как и в жилищах № 31 и 34, здесь за пределами котлована в углу жилища за печью расположена круглая яма диаметром около 1,0 м, глубиной 0,10—0,15 м от материка. Заполнение в верхней своей части состояло из темного грунта, интенсивно горелого в центре. На глубине 0,5—0,6 м от материка обнаружены немногочисленные фрагменты зарубинецкой посуды и кости животных. При разработке печи найден развал гончарного древнерусского сосуда, а при зачистке пола в центре жилища — фрагмент плинфы, вблизи дверного проема обнаружено железное кольцо — ручка от двери (рис. 42, *2*).

Жилище № 36 находится на участке № 8. Юго-восточный угол его перекрывал более раннее жилище № 37. Пятно котлована размерами 3,20 x 3,40 м зафиксировано на глубине 0,5 м. Глубина жилища в его центральной части 1,20 м от современной поверхности и 0,7 м от материка. Столбовых ям не было (рис. 24, *1*). В северо-восточном углу находилась глинобитная печь хорошей сохранности (рис. 25). Она сооружена прямо на полу, на расстоянии 20 см от стен котлована. Печь подковообразной формы, размеры ее 0,9 x 1,10 м, устье обращено к югу, ширина его 0,4 м. Под у основания вымощен мелкими камнями, размеры пода 0,85 x 1,0 м. Стенки свода, укрепленные несколькими крупными камнями, сохранились на высоту 0,55 м.

В заполнении котлована найдены фрагменты древнерусской керамики, небольшие куски плинфы, кости животных, обломок придонной части древнерусской амфоры с рифлением.

Жилище № 38 расположено на участке № 5. Пятно постройки зафиксировано на глубине 0,5 м. Жилище прямоугольной формы размерами 3,30 x 4,20 м, глубиной 0,9 м от современной поверхности и 0,4 м от материка. Пол материковый, ровный, стенки котлована прямые. Котлован ориентирован стенами по сторонам света с отклонением при-

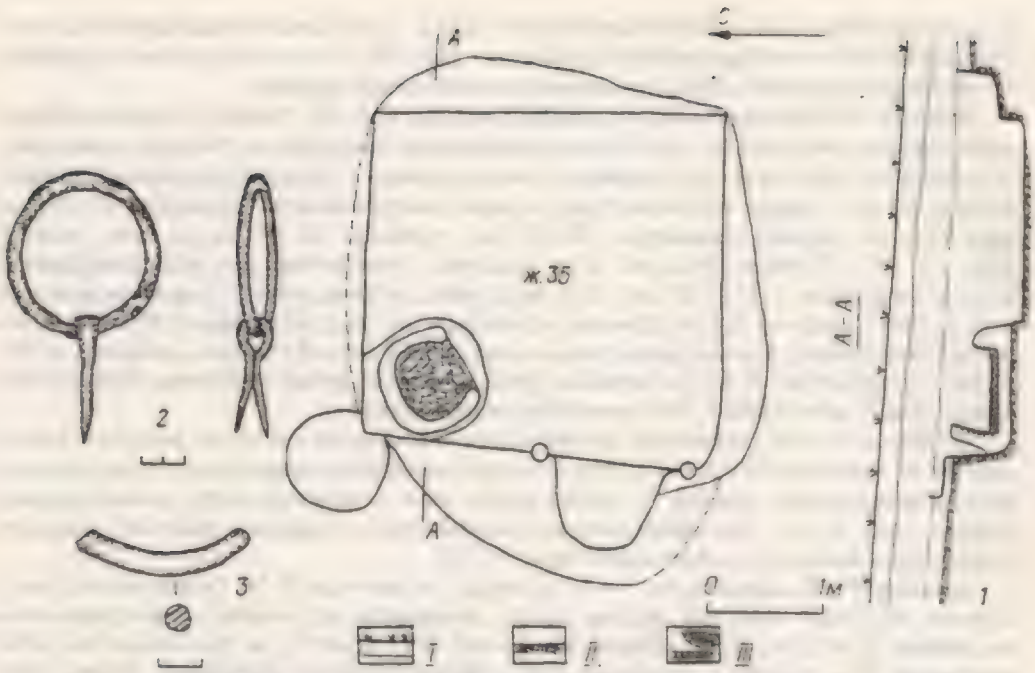


Рис. 42. План и разрез жилища № 35, находки из жилища:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — под глинобитной печи.

мерно в 20°. Во всех четырех углах постройки находились ямы, выходящие за пределы котлована, диаметром около 30 см, глубиной 0,5 м от уровня пола. В юго-западном углу было скопление обожженной глины, видимо, остатки глинобитной печи. Диаметр глиняного завала 0,6 м. Он расположен на невысоком (10 см) глиняном останце, размерами 1,20 x 1,50 м. К северу от очага находилась округлая яма размером 0,45 м и глубиной 0,5 м от уровня пола. У северной стены расположена еще одна яма размером около 0,7 см, глубиной 0,20 м от пола.

Заполнение представляло собой серого цвета грунт, в котором встречено небольшое количество разновременного материала, в основном зарубинецкой культуры и эпохи бронзы. В западной части жилища на глубине 0,3 м найден целый небольшой зарубинецкий лепной сосуд с прямой горловиной. На полу никаких материалов не обнаружено. По конструкции постройка относится к древнерусскому времени.

Жилище № 39 расположено на участке № 10. Пятно заполнения котлована зафиксировано на глубине 0,5—0,6 м. Жилище прямоугольной формы размерами 3,0 x 3,5 м, глубиной 0,4—0,55 м от материка и 1,45 м в центре от современной поверхности. Ориентировано стенами по сторонам света с отклонением на 20°. По середине южной стены находится округлой формы яма (вход) размерами 0,9 x 1,0 м. Во всех четырех углах жилища расположены круглые ямы от столбов, диаметром около 0,25—0,3 м, глубиной 0,3—0,4 м от уровня пола. Ямы выходят за пределы котлована. Яма такого же типа размещалась и посередине западной стены (рис. 43, *1*).

В северо-восточном углу расположена глинобитная печь, сравнительно хорошей сохранности. Стены печи сохранились на высоту 0,55—0,75 м, они сооружены из материковой (лессовой) глины и укреплены по обводу крупными камнями. Внешние размеры печи 1 x 1,20 м. Она подковообразной формы, устье обращено на запад. Под имел толщину 5—7 см и находился на уровне пола жилища. Размеры его 0,85 x 1,10 м. Ширина устья 0,35 м. Под вымощен мелкими камешками.

Заполнение котлована жилища состояло из разновременных археологических материалов. В первом штыке заполнения обнаружены кости животных (10), камни (2), фрагменты керамики эпохи бронзы (5), зарубинецкой культуры (14), фрагменты днищ гончарных сосудов древнерусского времени (4). Во втором штыке встречено небольшое количество керамики зарубинецкой культуры. При зачистке пола обнаружена нижняя часть гончарного сосуда древнерусского времени, а также бронзовое ритуальное кольцо с шишечками зарубинецкой культуры.

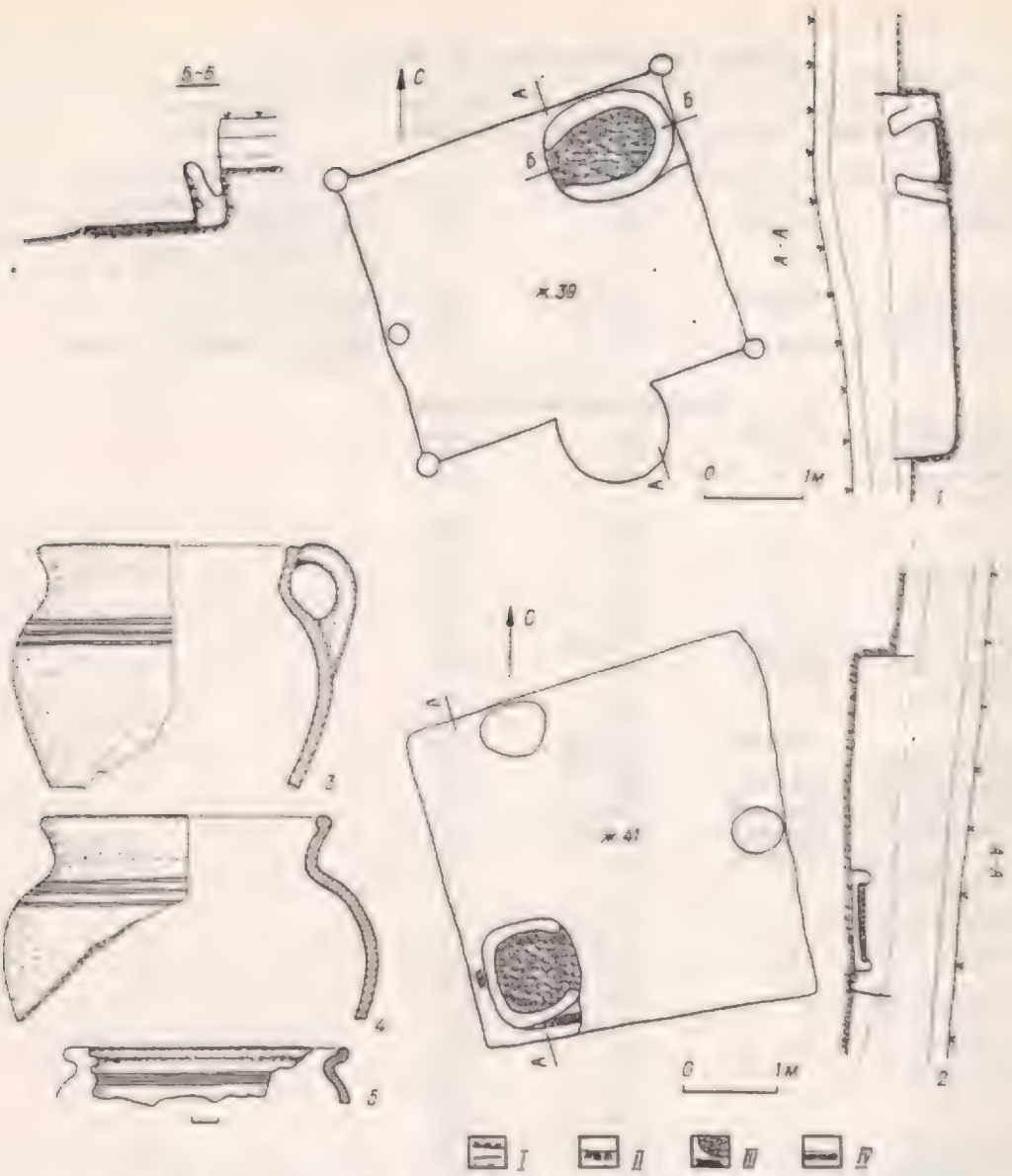


Рис. 43. Планы и разрезы жилищ № 39 и № 41, керамика из жилища № 41:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — под глинобитной печи; IV — каменная вымостка пода печи.

Жилище № 41 находится на участке № 11. Пятно заполнения котлована обнаружено на глубине 0,7—0,85 м от современной поверхности. Постройка неправильной прямоугольной формы. Размеры стен: северной 3,3 м, южной 3,4 м, восточной 4,1 м, западной 3,6 м. Глубина котлована в центре 1,3 м от современной поверхности и 0,45 м от материка (рис. 43, *2*).

В юго-западном углу находилась глинобитная печь, сооруженная на материковой подсыпке высотой 0,15—0,20 м, прямоугольной формы с заокругленными краями размерами 1 х 1,20 м. На подсыпке располагались под толщиной 5—7 см и остатки стен, сохранившиеся на высоту 5—8 см. Под округлой формы, ровный, диаметром 0,9 м. Устье печи направлено на восток, ширина его 0,7 м. С западной стороны между печью и стеной котлована сохранились остатки истлевшей деревянной плахи от стены котлована. Кроме того, в жилище прослежены две неглубокие ямы (табл. 3). Одна из них диаметром 0,7 м непосредственно примыкает к северной стене жилища на расстоянии 0,7 м от северо-западного угла и углублена на 0,2 м в пол жилища. Вторая яма располагалась в центре восточной стены котлована на расстоянии 10 см от нее. Диаметр ее

Таблица 3. Хозяйственные ямы XII—XIII вв.

Номер ямы	Местоположение	Форма	Размеры, м	Глубина от совр. поверх.	Характеристика материала
94	Участок № 19	Овальная	0,95x1,5	0,80	Разновременная керамика
95	Там же	Круглая	0,82	0,9	Серп, горшок, свинцовая пластина, железный обруч XII—XIII вв. (рис. 44, *1, 2, 4, 6*)
105	Участок № 17	Овальная	1,7x2,0	1,25	Керамика XII—XIII вв.
256	Участок № 12	"	1,0x2,0	1,25	Полусгнившая колода
265	Участок № 1	Круглая	1,3	2,3	Керамика, железное долото XII—XIII вв.
		Хозяйственные ямы без находок			
10	Жилище № 8	Круглая	1,6	1,65	
12	У жилища № 13	"	1,2	1,3	
18	Вблизи жилища № 10	"	1,3	1,35	
20	Там же	"	1,25	0,75	
21	"	"	1,10	0,7	
22	Участок № 9	"	1,2	1,3	
23	Участок № 1	"	1,2	1,5	
24	Там же	"	1,0	1,0	
25	Участок № 5	Овальная	1,2x0,80	1,30	
27	Вблизи жилища № 10	Круглая	0,9	0,8	
28	Там же	"	0,6	0,65	
36	"	Овальная	0,75x0,9	0,70	
40	Жилище № 15	"	0,9x1,05	1,65	
49	Участок № 14	Круглая	0,9	0,4	
55	Жилище № 21	Овальная	0,5x0,9	0,25	
75	Постройка № 1	Овальная	1,45x1,7	1,0	
76	Там же	Круглая	1,2	1,0	
113	Постройка № 3	"	1,1	1,1	
114	Там же	"	1,0	0,7	
119	Участок № 18	"	1,0	1,0	
127	Там же	"	1,3	1,0	
134	"	"	1,0	0,8	
144	Участок № 14	"	1,3	0,3	
150	Участок № 15	"	1,0	0,4	
153	Участок № 14	"	1,1	0,6	
158	Участок № 15	"	0,9	0,8	
161	Там же	"	1,3	0,75	
165	"	"	1,06	0,6	
171	Участок № 8	"	1,0	0,45	
183	Участок № 7	"	1,0	0,5	
184	Участок № 9	"	0,85	0,8	
190	Участок № 7	"	1,10	0,75	
194	Там же	"	1,0	0,3	
198	"	Овальная	1,45x1,8	0,95	
242	Участок № 11	Круглая	1,0	0,75	
243	"	"	1,1	0,65	
244	Там же	"	0,85	0,8	

0,5 м, глубина 0,2 от пола жилища. Характерно, что в обоих случаях дно ям не горизонтально, а понижается к стенам жилища.

Заполнение котлована в первом и втором штыках состояло из разновременного материала (эпохи бронзы, зарубинецкой культуры, древнерусского времени). В этом слое обнаружены фрагмент стеклянного браслета (рис. 42, *3*), мелкие фрагменты очень коррозированных железных изделий.

При зачистке пола обнаружены верхние части древнерусских круговых сосудов (3) (рис. 43, *3—5*), фрагменты железного шила и миски с поливой. Вблизи печи на полу найдены два обломка плинфы.

Постройка № 1 расположена на участке № 6 между жилищами № 16 и 26. Она имела корытообразную форму размерами 1,5 x 2,0 м, вытянутую по линии север-юг. Пятно заполнения прослеживалось на глубине 0,3—0,5 м. Пол и стены материковые. Построй-

Рис. 44. Находки из постройки № 1 (*3, 5–13*) и хозяйственной ямы № 95 (*1, 2, 4, 6*).

ка пострадала от пожара: сохранились остатки обуглившегося дерева вдоль западной стенки.

Заполнение представляло собой темный пережженный грунт. На глубине 0,80—1,0 м шел завал древесного угля, сконцентрированного в центре постройки. В верхнем слое встречены кости животных и фрагменты разновременной керамики.

На глубине 1,30 м (уровень пола) обнаружен преимущественно материал древнерусского времени: развал верхней части кругового горшка XII в., шиферное прясло, фрагмент бронзовой пряжки (рис. 44, *3*), два фрагмента стенок поливной миски (рис. 44, *5*). На глубине 1,35 м в северной части постройки находился завал камней, содержащий фрагменты древнерусской керамики (рис. 44, *9–11*), донышко небольшого поливного сосуда (рис. 44, *7*), часть хребта и тазовые кости лошади. На этой же глубине, в центре постройки, найден бронзовый светильник — фрагмент хороса и верхняя часть корчаги (рис. 44, *12, 13*).

Культурный слой на Западном городище менее мощный, чем на Восточном, толщина его колеблется в пределах 0,3–0,6 м. Насыщенность культурного слоя материалом слабая – здесь встречаются единичные фрагменты керамики VIII–X вв. и несколько меньшее по сравнению с Восточным городищем количество керамики зарубинецкой культуры, а также керамика эпохи бронзы. Все материалы VIII–X вв. сконцентрированы в заполнении жилищ этого времени.

Сооружения зарубинецкой культуры. *Постройка № 4* (зарубинецкая) обнаружена в 65 м от северного и в 80 м от восточного склона городища, в непосредственной близости от линии оборонительных сооружений, которые защищали городище со стороны западного плато.

Заполнение сооружения в виде темного пятна на светло-желтом фоне материкового грунта было зафиксировано на глубине 0,4 м от современной поверхности. Постройка имела прямоугольную форму, ее размеры составляли 2,0 x 4,0 м, ориентация – по сторонам света, длинной осью на север-юг. Глубина ровного горизонтального пола 1,2 м, в материк постройка была опущена на 0,3 м. Вход в виде ступеньки глубиной 0,6 м от поверхности и шириной 0,8 м находился с южной стороны.

Время постройки определяли фрагменты чернолощеной и кухонной зарубинецкой керамики, встреченные в нижней части заполнения этого сооружения и на его полу. Конструктивные особенности сооружения также указывают на его принадлежность к зарубинецкой культуре.

ПОСТРОЙКИ VIII–X вв.

Жилище № 1. Пятно жилища обнаружено во время шуфровки. Котлован квадратной формы со стенами длиной 4,0 м ориентирован углами по сторонам света (рис. 45, *1*).

Глубина пола около 1,3 м. Почти по всему обводу жилища сохранились обуглившиеся плахи деревянной обшивки стен. Во всех углах постройки, а также по середине стен были небольшие столбовые ямы. Кроме того, в северном и восточном углах, а также по середине северо-восточной и северо-западной стен сохранились обуглившиеся столбики на высоту 0,40–0,50 м от уровня пола. Столбовая яма есть и в центре жилища. Ширина обугленных плах примерно 10–20 см, толщина 4–5 см. Пространство между котлованом и деревянными стенами было забутовано материковой глиной. Печь-каменка находилась в южном углу, она сооружена на невысокой подсыпке из мелкого песчаника.

Размеры печи 1,2 x 1,2 м. Под (0,40 x 0,60 м) слегка подмазан глиной. Вся поверхность печи была покрыта обожженной глиной от рухнувшей при пожаре деревянно-земляной кровли. Скопление глиняной обмазки отмечено также по углам жилища. На полу в северном углу и вдоль северо-западной стены обнаружен развал кругового горшка (рис. 45, *5*). При разборке заполнения встречались отдельные фрагменты лепной и круговой керамики VIII–X вв. (рис. 45, *2–4*). Заполнение котлована представляло собой темный гумусированный слой с многочисленными остатками горелого дерева и обожженной глины.

Жилище № 2 расположено в квадратах 3 БВГ, 4 БВГ. Обнаружено на глубине 0,4–0,5 м по серому заполнению котлована, четко проявившемуся на желтом фоне материка. По всему контуру котлован имел характерную белесую полосу – след от забутовки. Постройка ориентирована углами по сторонам света. Она прямоугольной формы размерами 3,5 x 3,75 м, глубина в центре 1,10 м от современной поверхности и 0,7 м от материка. Деревянная обшивка стен не сохранилась, хотя в заполнении и на полу обнаружены куски обугленного дерева. Пол материковый, неровный, в центре понижается. Печь-каменка находилась в северном углу. Она сравнительно хорошей сохранности, размеры ее по обводу стен 1,20 x 1,40 м, устье обращено на юг. Толщина тыльной стены 40–50 см. Топочная камера выложена крупными валунами размерами 0,20 x x 0,40 м. Тыльная часть и боковые стены состояли из мелких камней, укрепленных глиняным раствором. Крупные камни, составляющие основание печи, лежат прямо на полу. С внутренней стороны жилища печь была облицована деревом. В юго-западном углу печи с внешней стороны сохранился обугленный столбик, подпирающий опечек.

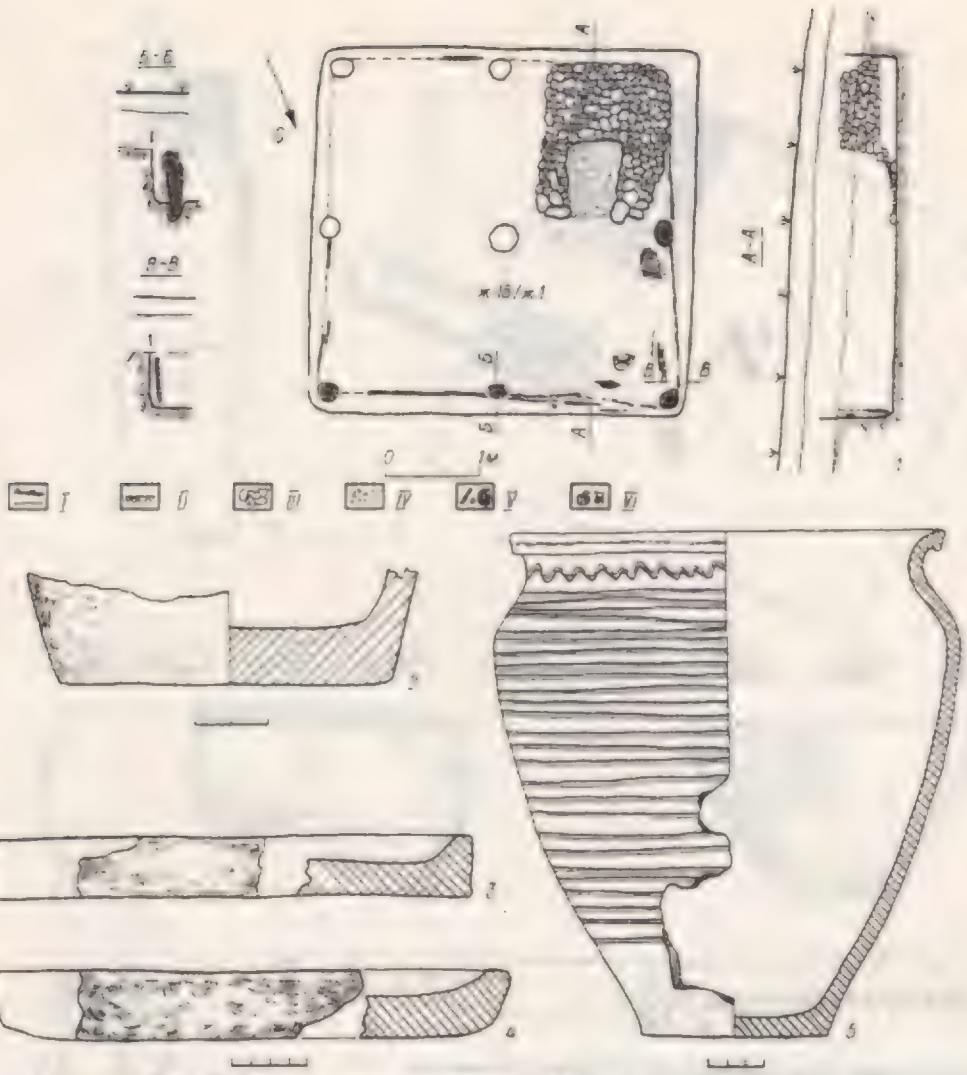


Рис. 45. Западное городище, жилище № 1. План и разрезы, керамика:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — камни; IV — зола; V — горелое дерево; VI — керамика.

Тыльной северной и западной стенами печь плотно примыкает к котловану. Размеры топочной камеры 0,60×0,35 м, форма овальная. Под был заполнен слоем пережженного пепела и песка, образовавшегося из песчаника под воздействием огня. Основание пода слегка подмазано глиной. Восточную стену жилища перерезает погребение № 5 (рис. 46, *1*; 47).

В заполнении на глубине 0,5 м найдена поделка из цветного металла, возможно, оковка какого-то сосуда (рис. 46, *6*). На глубине 0,75—1,0 м у северной стенки обнаружен развал верхней части лепного сосуда с защипами по краю венчика. В центре жилища встречены фрагменты стенок примитивного кругового горшка с линейным орнаментом. У южной стены обнаружен железный нож (рис. 46, *2, 3, 5*). У пола количество обгорелого дерева увеличилось, особенно в центре жилища, где был завал толщиной 10—15 см. При зачистке пола у северной стены обнаружен костяной гребень (рис. 46, *4*).

Жилище № 3 расположено на расстоянии около 45 м к западу от репера 1. Пятно от котлована обнаружено на глубине 0,3—0,4 м. Хорошо проявились восточная, южная и северная стены. С запада к жилищу примыкало пятно жилища № 5. Поэтому западную стенку удалось выявить по завалу камней в южном углу жилища. Они принадлежали печи-каменке, находившейся первоначально в восточном углу. Печь сильно разрушена, камни разбросаны по всему жилищу. Жилище ориентировано углами по сторонам света. Размеры котлована 3,40×3,50 м, глубина в центре 1,0 м от современной поверхности,

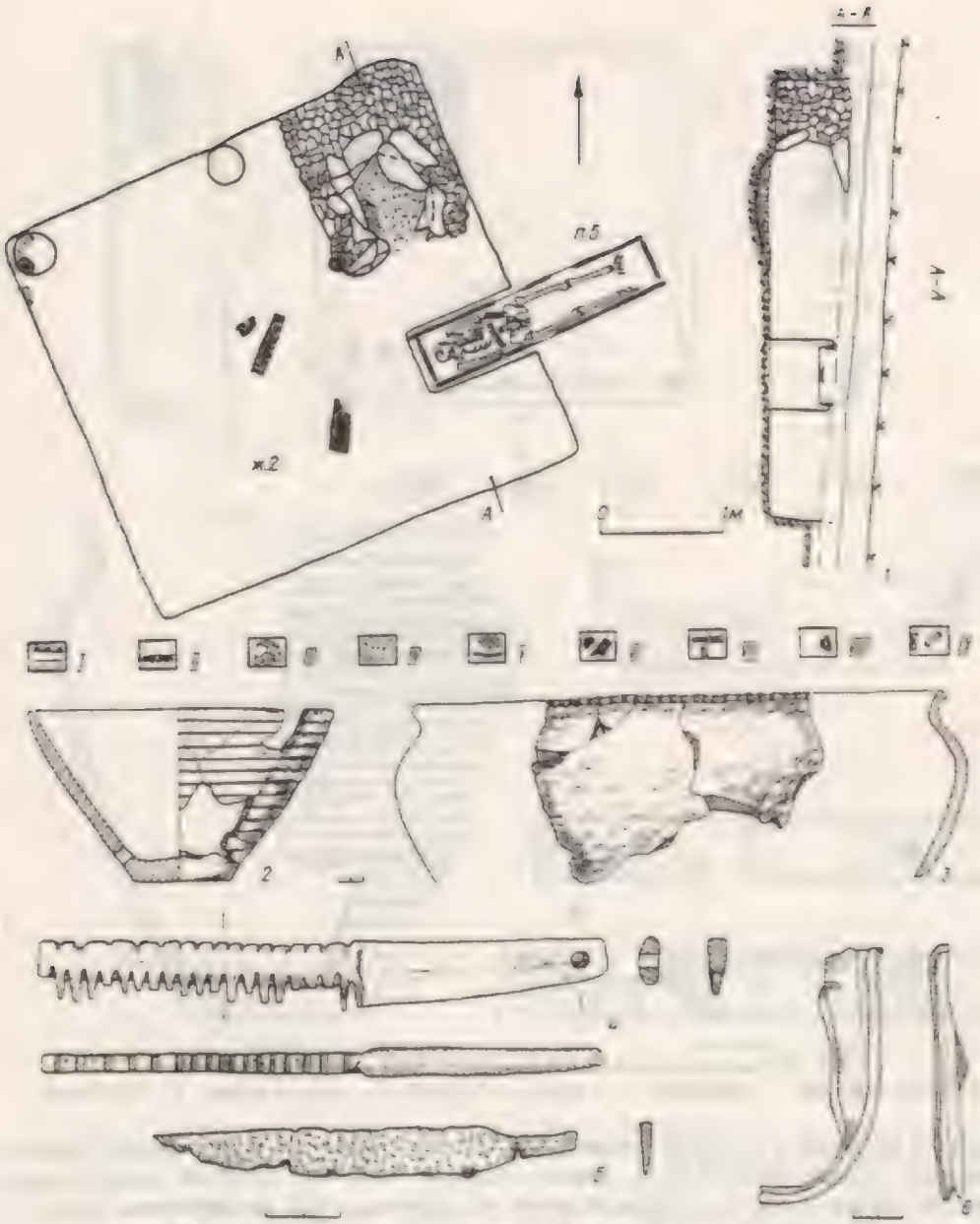


Рис. 48. Западное городище, жилище № 2. План и разрез, находки:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — камни; IV — зола; V — глиняная подмазка пода; VI — горелое дерево; VII — сгнившее дерево; VIII — глиняная масса; IX — кости.

0,65 м от материка. Вдоль северо-западной стены на полу расположены столбовые ямы — две по углам, одна по середине, диаметром 0,30 м, глубиной 10—15 см от пола. В центре на полу обнаружен завал древесного угля и обожженных камней (рис. 48; 49, *1*).

Печь-каменка расположена в восточном углу. От нее сохранились лишь основание и топочная камера. Печь плотно примыкает к стенкам котлована. Размеры печи 1,50 х х 1,50 м, толщина тыльной стены 0,50 м, ширина стен 0,45 м. Размеры топочной камеры 0,45 х 0,70 м. Устье печи обращено на запад.

В заполнении встречены около 40 фрагментов керамики VIII—X вв. и большое количество камней вдоль западной стенки. На глубине 0,5 м найдены глиняное пряслице биконической формы и фрагмент железного ножа (рис. 49, *9, 11*). На полу обнаружены костяная проколка (рис. 49, *10*), обломки днищ сосудов, фрагменты верхних частей от круговых горшков с манжетовидным утолщением по краю, орнаментированных

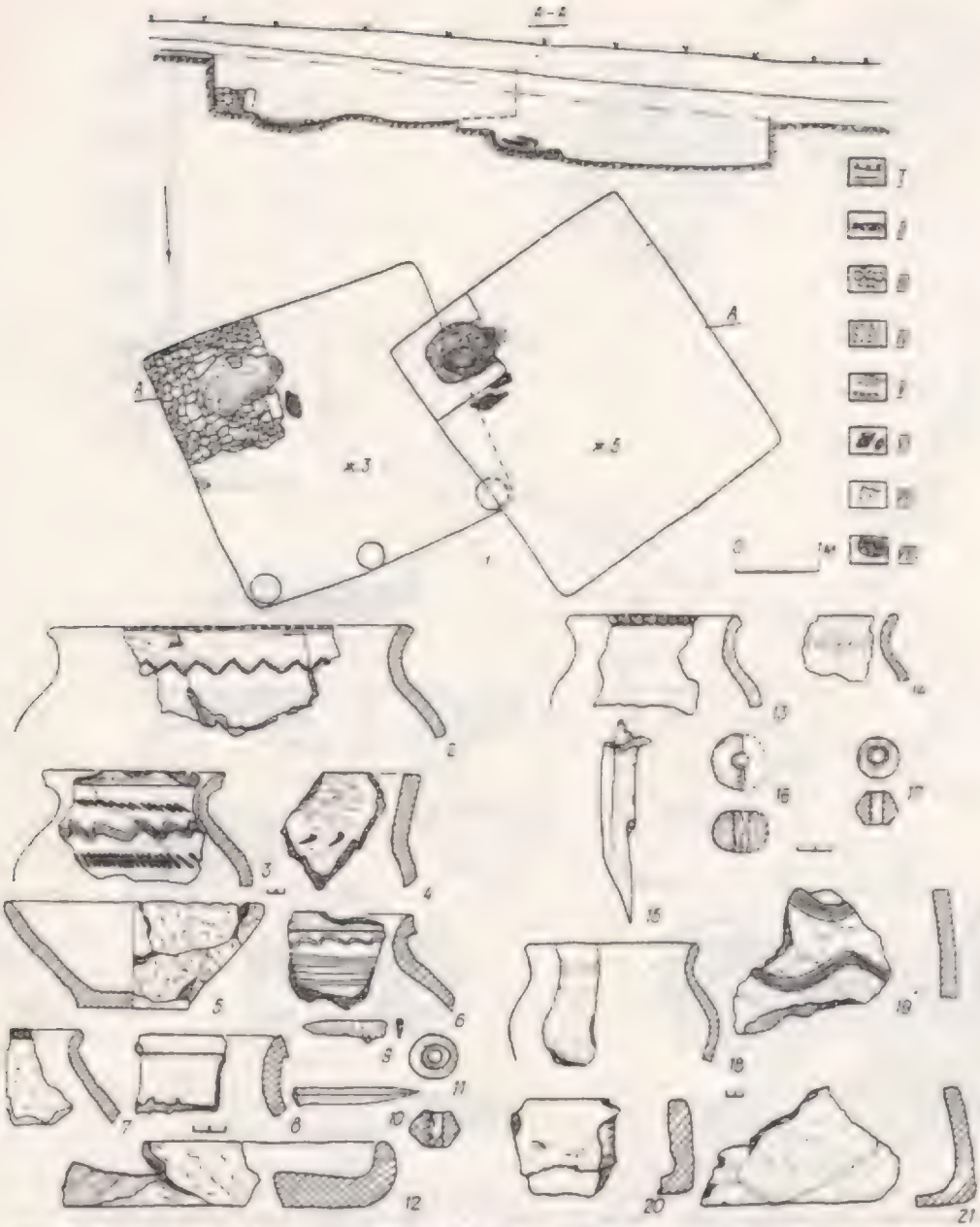


Рис. 49. Западное городище, жилище № 3 и № 5. План и разрез, находки из жилища № 3 (*2–12*) и жилища № 5 (*13–21*):

I — дерн, чернозем; II — материк; III — камни; IV — зола; V — глиняная подмазка пода; VI — фрагменты глиняного противня-жаровни; VII — керамика; VIII — под печи, вырезанной в материке.

"волной", "гребенкой" и многочастными линиями (рис. 49, *3, 4, 6, 8*). При разборке печи найдены обломки глиняного противня, орнаментированного по бортику круглыми лунками, фрагменты глиняных сковородок (рис. 49, *12*), развал горшка-цедилки (рис. 49, *5*), а также фрагменты лепных горшков (рис. 49, *2, 7*).

Жилище № 4 расположено к западу от жилища № 2. Пятно заполнения жилища обнаружено на глубине 0,35 м от современной поверхности. Контуры котлована имели характерную полосу белесого цвета — след забутовки котлована — шириной 20—35 см. Размеры котлована 3,70 x 3,80 м, он ориентирован углами по сторонам света, глубина в центре 1,3 м от современной поверхности, 0,8 м от материка (рис. 50, *1*).

В восточном углу была печь-каменка, сооруженная из мелкого песчаника, крупные камни входили лишь в конструкцию топки. Размеры печи по обводу 1,3 x 1,5 м, тол-

Рис. 50. Западное городище, жилище № 4. План и разрезы, материалы:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — камни; IV — зола; V — под глиняной печи со следами многократного ремонта; VI — фрагмент глиняного противня-жаровни.

щина 0,60 м, размеры топки 0,50 х 0,80 м, устье обращено к западу, под слегка подмазан. Печь плотно примыкала к стенкам котлована.

По середине юго-западной стены обнаружена столбовая яма размером 0,5 м, глубиной 0,25 м от пола. Напротив этой ямы по середине юго-восточной стены находилась такая же яма диаметром 0,30 м, глубиной 0,20 м от пола. В северном углу выявлено углубление неправильной формы размерами 0,50 х 0,80 м, глубиной 0,15 м от пола, возможно, также от столбовой ямы. По середине северо-восточной стены находилась глиняная печь, нишей уходившая за пределы котлована. Печь овальной формы размерами 1,4 х 1,6 м. Края ее хорошо обожжены. Устье шириной около 0,60 м обращено вовнутрь жилища. Печь неоднократно ремонтировалась: в ней зафиксированы три пода (рис. 50, *1*). Основание верхнего пода укреплено камнями, положенными на предыдущий под. Между нижним и средним подами обнаружен фрагмент стенки от кругового горшка с линей-

ным орнаментом. Характер нишеобразной печи указывает на интенсивное использование ее в течение длительного времени в производственных целях, для обжига керамики.

В забутовку котлована входили камни. На глубине 10–20 см от материка в жилище обнаружены фрагменты глиняной жаровни (рис. 50, *7*), нижняя часть крупного кругового горшка, камни, кости животных, фрагмент верхней части лепного горшка с защипами по краю. Этот слой заполнения котлована не содержал следов пожара. На глубине 0,5–0,6 м от материка встретились лишь кости животных и единичные мелкие фрагменты лепной керамики. Заполнение состояло из гумуса в центре и гумусированной глины по краям, видимо, попавшей сюда в результате разрушения глиняных стен и кровли. Следов пожара не обнаружено. На глубине 0,6 м все пространство котлована перекрывала гумусированная глина – остатки земляной кровли. Под этим слоем, на глубине 0,75–0,80 м от материка находился пол жилища. Здесь обнаружено наибольшее количество находок, разместившихся главным образом у печи. Это обломки верхних частей круговых горшков IX–X вв. (рис. 50, *3–5, 8–9*) с манжетовидным утолщением венчика, орнаментированных "гусеничкой", "волной". На полу найдено много костей животных и рыбьей чешуи. При разборке печи обнаружено глиняное пряслице биконической формы (рис. 50, *10*). В ямке, расположенной у нишеобразной печи, встречена костяная проколка-кочедык (рис. 50, *11*). Вблизи печи-каменки находилась глинчная масса, напоминающая тесто горшков, возможно, замес для изготовления керамики.

Жилище № 5 частично перекрывается жилищем № 3 (рис. 48; 49, *1*). Пятно котлована прямоугольных очертаний менее четкое, чем пятно жилища № 3, выявлено в предматерике на глубине 0,5–0,6 м. Размеры котлована 3,30 x 3,60 м, он ориентирован углами по сторонам света. Глубина в центре от современной поверхности 1,4 м, от материка – 0,6 м. Жилище не имеет следов пожара, деревянных конструкций и столбовых ям не найдено. Пол материковый, с понижением в центре. В восточном углу расположена глиняная прямоугольная печь. Ее размеры по обводу стен 1,1 x 1,2 м, стены из материкового лесса. В уплотненном глиняном массиве была вырезана топка овальной формы, размером 0,60 x 0,80 м. Под глиняный, хорошо обожжен, устье обращено к западу, его ширина 0,40 м. В конструкцию печи входили камни, они выявлены вблизи топки. Тыльная стенка имеет ширину около 0,40 м и также сделана из глины, частично она перекрывается полом жилища № 3. Под толщиной 5–6 см имел приподнятые края у стенок печи и сужался к устью. Сверху печи, по-видимому, на тыльной ее части, а также над топкой находилась глиняная жаровня. Крупные обломки ее были обнаружены у северо-западной стенки печи, а также внутри топки, которая была перекрыта обломками днищ жаровни.

В верхней части находились фрагменты лепных горшков, орнаментированных лунками по венчику, и фрагменты толстостенных днищ. Здесь же встретились кости животных и камни. На полу в центре жилища и вблизи печи находились обломки жаровни и горшков. Тесто жаровни пористое, с большим количеством органических примесей, слабо обожжено. На полу найден крупный фрагмент стенки горшка с волнистым орнаментом, подправленного на круге. Архаичность лепной керамики, а также отсутствие характерной для IX–X вв. посуды курганного типа свидетельствуют о принадлежности этого жилища к наиболее раннему периоду существования поселения, вероятно, VIII в. (рис. 49, *13, 14, 18–21*).

Вблизи печи найдены костяная проколка и два глиняных пряслица (рис. 49, *15–17*). Одно круглой формы, второе – биконической.

Жилище № 6 расположено в 5 м к западу от укреплений. Котлован прямоугольной формы размерами 3,20 x 3,40 м, ориентирован углами по сторонам света. Пятно заполнения выявлено на глубине 0,35–0,5 м от современной поверхности. Глубина постройки в центре – 0,9 м от современной поверхности и 0,4 м от материка. Столбовых ям не обнаружено. Жилище имеет следы пожара. Обуглившиеся деревянные плахи сохранились вдоль северо-восточной и северо-западной стен (рис. 51, *1*), небольшие фрагменты обугленного дерева тянулись вдоль юго-западной стены.

Печь-каменка находилась в восточном углу. Размеры стенок по обводу 1,3 x 1,4 м. Топка овальной формы размерами 0,4 x 0,8 м, устье обращено на юго-запад. Топка выложена крупными камнями, поставленными на ребро. Тыльная часть печи сооружена из мелкого камня, толщина этой стенки около 0,5 м. Печь плотно примыкает к стенкам котлована. В западном углу зафиксирована более ранняя яма, уходящая за пределы котлована. Материала в ней не было.

Рис. 51. Западное городище, жилище № 6. План и разрезы, находки из жилища:
I — дерн, чернозем; II — материк; III — камни; IV — следы глиняной подмазки пода; V — горелое дерево; VI — обожженная глина; VII — керамика.

В верхней части найден черенковый наконечник тупоугольной стрелы. Длина его 8,5 см, длина черенка 4,5 см (рис. 51, *11*). Здесь попадались фрагменты круговых горшков, покрытых линейным орнаментом. Ниже количество находок возросло, особенно много их было на полу и в развале печи. При зачистке пола у юго-западной стены встречены нижние части круговых горшков (рис. 51, *2–8, 10*). На полу обнаружено железное шило. В топке печи находился развал кругового горшка-зерновика (рис. 51, *9*). Венчик имеет манжетовидное утолщение. Сосуд богато орнаментирован волной по шейке, врезными линиями по всему тулову и двумя рядами волны по стенке.

Постройка на валу (зольник) расположена на расстоянии около 6 м к востоку от заполнения рва, т.е. сразу за валом с внутренней стороны площадки. Она овальной формы, размерами 3,50 х 1,50 м, ориентирована длинной стороной по линии восток-запад. По трем углам постройки на расстоянии 10—30 см от ее краев находились круглые ямы диаметром 0,5 м, глубиной 0,15 м от материка. Пятно заполнения зафиксиро-

вано на глубине 0,25–0,30 м. В разрезе постройка имела линзовидную форму, глубиной в центре 0,75 м от современной поверхности и 0,45–0,50 м от места обнаружения. Пол неровный с сильным понижением в центре и повышением по краям.

Заполнение состояло из двух слоев пепла, разделенного глиняной прослойкой. Верхний слой толщиной 10 см представлял собой пепел с редкими включениями мелких фрагментов лепной керамики и значительного количества рыбьей чешуи. Ниже этого слоя шла глиняная прослойка толщиной 10–15 см без каких бы то ни было находок. Ниже глины до самого дна прослежен слой пепла толщиной 20–25 см с большим включением древесных угольков. В этом слое обнаружены кости животных и керамика VIII–X вв., обломки лепных сковородок и стенки круговых горшков. На самом дне встречен обломок стеклянной бусины-пронизки. Изделие напоминает трехчастные пронизки сирийского происхождения, обнаруженные в некоторых жилищах VIII–X вв. Монастырька.

Назначение постройки неясное: культовое сооружение, место сигнального костра или объект производственного назначения.

Хозяйственные ямы. *Яма № 1* расположена в кв. 2а. Она круглой формы, диаметром 1,3 м, глубиной 1,8 м от современной поверхности и 1,5 м от материка, стенки наклонные, форма дна плоская. Заполнение – серый грунт с небольшим количеством горелого дерева, камней и костей животных. В нижнем слое находились единичные фрагменты керамики VIII–X вв.

Яма № 2 расположена на границе квадратов 3К, 4К. Она круглой формы, диаметром 1,0 м, глубиной 0,7 м от современной поверхности и 0,4 м от материка. Стенки прямые, дно плоское. В заполнении выявлено небольшое количество керамики зарубинецкой культуры и эпохи бронзы.

Яма № 3 расположена в кв. 1Н, частично под погребением № 15. Она круглой формы, диаметром около 1,0 м, глубиной 0,75 м от современной поверхности и 0,25 м от материка. В заполнении находилось несколько фрагментов керамики зарубинецкой культуры.

ПОГРЕБЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ВРЕМЕНИ

Погребение № 1 выявлено на глубине 0,4–0,5 м над восточным углом жилища № 1. Костяк на глубине 0,75–0,95 м от современной поверхности. Стенки могильной ямы прослежены только на уровне материка, ее размеры 2,10 x 0,55 м. Яма прямоугольной формы, углублена в материк на 10–15 см. Скелет ориентирован головой на запад, лежит в вытянутом положении на спине, правая рука находится на тазе, левая согнута в локте и повернута к плечу. Череп повернут на бок, сохранность его удовлетворительная. Погребение безынвентарное.

Погребение № 2 обнаружено под пахотным слоем. Скелет лежал на материке на глубине 0,4–0,45 м от современной поверхности, ориентирован головой на запад, в вытянутом положении. Руки находились на тазе, череп повернут на бок. Следов могильной ямы не прослежено. Погребение безынвентарное.

Погребение № 3 обнаружено под пахотным слоем на глубине 0,25 м по остаткам сгнившего дерева от гробовища. Гроб размерами примерно 1,75 x 0,60 м был опущен в материк на 10 см. Руки лежали на тазе, череп находился несколько в стороне, над левым плечом. Погребение безынвентарное.

Погребение № 4 расположено на границе квадратов 4 ГД, 5ГД и упирается в юго-западную стенку жилища № 2 (рис. 47; 52). Скелет обнаружен на глубине 0,35 м сразу после снятия пахотного слоя. Контуры могильной ямы удалось выявить только на дне после расчистки костяка. Могила ориентирована на восток-запад, головой на запад. Размеры могильной ямы 1,75 x 0,65 м, глубина 0,45 м от современной поверхности. Длина сохранившегося скелета 1,5 м. Костяк лежит на спине в вытянутом положении, не сохранились ступни ног. Сохранность костей удовлетворительная (кроме черепа). Череп задет плугом, сохранились лишь верхняя часть до глазниц и фрагмент челюсти. Череп повернут лицевой частью вниз. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте и лежит на поясе. Погребение безынвентарное.

Погребение № 5 перекрывает жилище № 2, верхняя часть скелета находится внутри котлована жилища (рис. 47; 52). Погребение обнаружено на глубине 0,35 м по сохра-

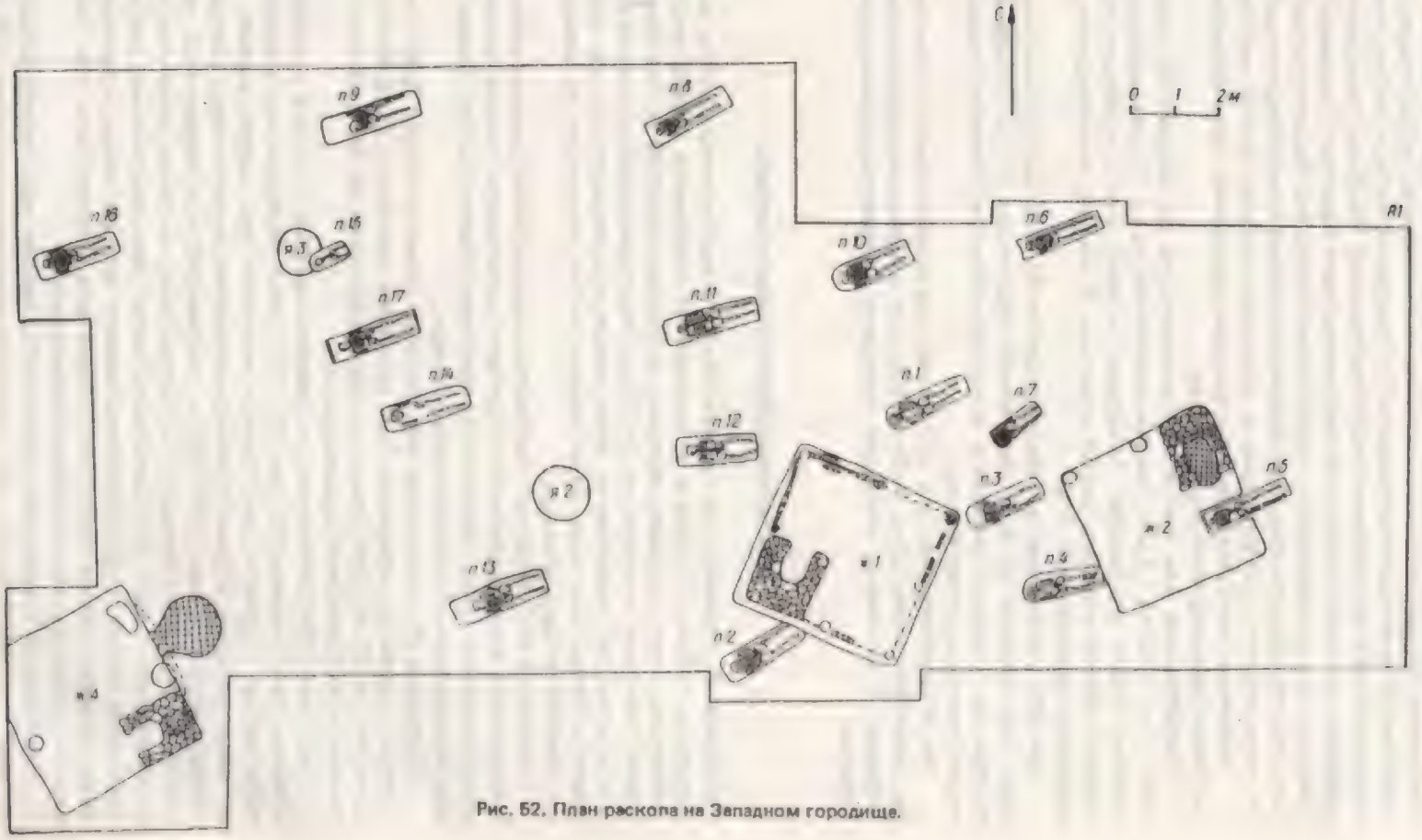


Рис. 52. План раскопа на Западном городище.

нившимся остаткам сгнившего гроба. Размеры гробовища 2,0 х 0,45 м. Пятна могильной ямы или ровика вокруг погребения не выявлено.

Скелет ориентирован на восток-запад, головой на запад, лежит на спине, правая рука согнута в локте и находится на поясе, левая — на тазе, череп слегка деформирован. Сохранность удовлетворительная, длина 1,65 м. Находок не обнаружено.

Погребение № 6 расположено в кв. 1ГД, обнаружено по остаткам сгнившего дерева (рис. 52). Дерево замечено под пахотным слоем на глубине 0,35 м, следов могильной ямы не обнаружено. Костяк находился на 30—35 см ниже материка (глубина от современной поверхности до дна ямы 0,7 м). Длина гробовища 1,95 х 0,45 м. Ширина досок 15—20 см. Сгнившие доски слегка наклонены вовнутрь, длинные доски на 8—10 см выступают за поперечные перекладины. Погребение ориентировано на запад. Костяк лежит на спине, правая рука согнута в локте и находится на поясе, левая запрокинута на левое плечо. Сохранность скелета удовлетворительная. Череп сохранился полностью, лобовая кость рассечена в древности. Погребение безынвентарное.

Погребение № 7 в кв. 3Д. Скелет находился на глубине 0,25—0,30 м от современной поверхности, лежал на материке, ориентирован головой на запад. Следов могильной ямы или остатков гроба не выявлено. Сохранность костей плохая, череп отсутствует. Общая длина скелета 1,3 м, ширина в плечевой части 0,45 м. Костяк лежит на спине, ноги вытянуты, стопы ног и фаланги кистей отсутствуют. Правая рука согнута в локте, лежит на поясе, левая — вдоль костяка. Погребение безынвентарное.

Погребение № 8 расположено в траншее в кв. И. Выявлено по остаткам сгнившего дерева, частично сохранившегося вдоль северной, восточной и западной стенок могильной ямы (рис. 52). Заполнение могильной ямы также содержало куски сгнившего дерева от перекрытия гроба. Погребение прослежено после снятия пахотного слоя на глубине 0,20—0,25 м и было опущено до материка (0,4 м от современной поверхности), ориентировано головой на запад. Размеры гроба: ширина нижней перекладины 0,35 м, верхней — 0,45 м, длина — 2,0 м. Костяк сохранился полностью, у черепа отсутствует лицевая часть. Скелет лежит на спине, ноги вытянуты, череп повернут на бок, левая рука лежит на тазе, правая — на поясе. Позвонки немного смещены вправо, в районе пояса один позвонок отсутствует.

Погребение № 9 расположено в траншее в кв. М, выявлено по остаткам сгнившего гроба, сохранившимся вдоль северной и южной сторон могильной ямы (рис. 52). Поперечные перекладины не сохранились. Погребение повреждено при вспашке, сгнившее дерево от гробовища находилось и за пределами могильной ямы. Ориентировано, как и предыдущие погребения, головой на запад. Могильная яма выявлена на глубине 0,30 м, скелет лежит на материке, на глубине 0,40 м. Размеры гроба: длина 2,0 м, ширина в верхней части — 0,45 м, в нижней — 0,35 м. Скелет лежит на спине, ноги вытянуты, руки согнуты в локтях, лежат на поясе. Верхняя часть скелета сильно перемещена вправо; шейные позвонки находятся на уровне правого плеча, а череп лежит сбоку от него. Погребение безынвентарное.

Погребение № 10 расположено в кв. 1 ЕЖ. Обнаружено на глубине 0,25—0,30 м после снятия пахотного слоя. Погребение ориентировано головой на запад (рис. 52). Пятно могильной ямы по верхнему слою заполнения не прослежено. Вблизи костяка зафиксированы следы трухлого дерева — остатки гроба. Скелет опущен в материк на 20 см, глубина от современной поверхности до дна ямы 0,5 м. Костяк и череп сохранились полностью. Погребенный лежал на спине, ноги вытянуты, руки — на поясе. Под шейным позвонком обнаружены три бронзовые застежки-пуговицы (рис. 53, *2*).

Погребение № 11 находится на границе квадратов 2 ИЗ, 3 ИЗ, выявлено по фрагментам сгнившего дерева от гроба на глубине 0,35 м в слое предматерика. Скелет лежал на материке на глубине 0,45 м от современной поверхности. По остаткам гроба размеры могилы 2,0 х 0,45 м. Погребенный ориентирован головой на запад, лежал на спине в вытянутом положении, руки вытянуты вдоль костяка. Длина скелета 1,60 м, череп повернут на бок. Сохранность удовлетворительная. На одном из висков находится круглое отверстие, возможно, след от раны (рис. 53, *1*). У нижнего шейного позвонка обнаружена бронзовая застежка-пуговица (рис. 53, *2*). Она небольшого размера, литая и аналогичная пуговицам из погребения № 10.

Погребение № 12 расположено в кв. 3—4—3. Обнаружено по костяку на глубине 0,35 м от современной поверхности в слое предматерика (рис. 52). Пятно могильной

ямы не выявлено, остатков гроба не отмечено. Скелет лежит на материке (0,45 м от современной поверхности) в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на запад. Сохранность скелета плохая, многие кости смещены (кости таза, позвоночник), стопы ног отсутствуют. Череп повернут на бок, сохранился не полностью, отсутствует челюсть. Руки согнуты в локте и повернуты кистями к плечу. Общая длина скелета 1,45 м.

Погребение № 13 расположено в кв. 5Л, выявлено на глубине 0,30 м. Темное пятно могильной ямы с сохранившимися по краям фрагментами сгнившего дерева, четко фиксировалось на коричневатом предматерике. Размеры ямы, облицованной деревом, — 2,0 x 0,6 м, общая глубина от современной поверхности до дна 0,55 м. Скелет находится на материке, длина его 1,65 м. Погребенный лежит на спине в вытянутом положении, череп повернут на бок, левая рука — на тазе, правая согнута в локте и запрокинута на плечо. По середине позвоночника несколько позвонков повреждены, один отсутствует. В верхнем слое могильной ямы находились фрагменты дерева от перекрытия гроба. Погребение безынвентарное.

Погребение № 14 расположено в одном ряду с погребением № 13, на север от него в кв. 2Л. Погребение выявлено по костяку и остаткам сгнившего дерева от домовины (рис. 52). Костяк находился на глубине 0,65 м от современной поверхности и опущен в материк на 10 см. Скелет сохранился в фрагментарном состоянии — отсутствуют кости позвоночника, шеи и рук. Сохранность костей плохая, череп деформирован. О положении рук судить трудно, сохранились лишь плечевые кости и левая рука (без кисти), направленная к поясу. Общая длина скелета 1,65 м. Погребение безынвентарное.

Погребение № 15 расположено в кв. 1Н, на глубине 0,25 м от современной поверхности, под пахотным слоем. Погребение детское, сохранность плохая. Костяк ориентирован головой на запад. У нижних конечностей сохранились фрагменты сгнившего дерева. Череп почти полностью разрушен, сохранилась лишь нижняя челюсть с молочными зубами. Положение рук определить затруднительно. Погребение безынвентарное.

Погребение № 16 расположено в кв. 1ПР, выявлено по остаткам сгнившего дерева (рис. 52). Размеры ямы по следам дерева 2,0 x 0,55 м, глубина от современной поверхности до костяка 0,55 м, до дна ямы — 0,75 м. Костяк лежит на материке, длина его 1,65 м. Погребенный лежит на спине в вытянутом положении, руки — на поясе. Позвоночник и шейные позвонки немного смещены вправо, череп лежит сбоку от шейных позвонков, сохранность его удовлетворительная. На виске заметен след удара, возможно, послуживший причиной смерти. Погребение безынвентарное.

Погребение № 17 расположено в кв. 2МН. Обнаружено на глубине 0,30 м по остаткам сгнившего дерева, сохранившимся по краям могильной ямы. Длинные доски гроба немного выступают за поперечные перекладины. Размеры деревянного ящика 2,0 x x 0,55 м. Деревянные плахи сохранились на высоту 28 см, толщина их около 4 см. Доски немного завалились и наклонены вовнутрь могильной ямы. Куски дерева частично сохранились сверху могильной ямы, по-видимому, это остатки крышки гроба. Под костяком также отмечены фрагменты сгнившего дерева. Костяк находился прямо на материке на глубине 0,6 м от современной поверхности, ориентирован головой на запад. Погребенный лежит на спине в вытянутом положении, левая рука вытянута вдоль костяка, правая — на тазе. Общая длина костяка 1,65 м. Сохранность черепа удовлетворительная. Один висок имеет след от удара, возможно, послуживший причиной смерти.

Характер могильника и обнаруженный в двух погребениях материал подтверждают высказанную ранее дату могильника — XI—XIII вв. Датировать памятник более узко пока не представляется возможным*.

МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК СЕЛИЩА

К западу от Восточного и Западного городищ с напольной стороны расположено селище. В результате шурфовки обнаружено жилище, расплывчатые очертания которого были видны на свежевспаханном поле. На глубине 0,5 м была замечена стена жилища.

---

* В 1985 г. было исследовано еще семь аналогичных погребений (№ 18—23).

Рис. 54. Селище, жилище № 1. План и разрез, находки.

Постройка в верхнем горизонте очень пострадала от распашки. Контуры пятна были расплывчаты, но само пятно в центре имело интенсивно-черный цвет. Жилище погибло от пожара. Котлован имел размеры 3,50 x 3,80 м и глубину 1,20 м от современной поверхности. Столбовых ям нет. Никаких конструктивных деталей стен не выявлено. Печь-каменка плохой сохранности. Камни от нее попадались в большом количестве при разборке заполнения котлована. Печь располагалась на невысоком останце или гумусированной подсыпке (5–6 см высотой), на котором сохранились камни на высоту одного слоя и под. Размеры печи по обводу сохранившихся стен 1 x 1,15 м, размеры пода 0,55 x 0,70 м. Под был слегка подмазан глиной (рис. 54, *1*).

В темном грунте заполнения на глубине 0,25–1,0 м встречалось большое количество костей животных и камней. На глубине 0,75 м найден обломок верхней части примитивного кругового сосуда, богато орнаментированного "волной" и врезными линиями с защипами по краю (рис. 54, *8, 12*). Керамический материал и другие находки

концентрировались на глубине 0,9–1,20 м. На глубине 0,9 м были обнаружены развал лепной сковородки с насечками по краю, фрагменты венчиков от лепных и круговых горшков. Здесь же находились фрагмент стенки с пролощенными линиями волынцевского типа, фрагмент венчика противня (рис. 54, *11*). Керамики немного, всего около 55 фрагментов стенок, венчиков, днищ, но материал выразительный, с одной стороны, тяготеющий к архаичной керамике VIII в., с другой – к круговой посуде X в. (рис. 54, *6, 7, 10, 13*).

На глубине 0,95 м обнаружен арабский серебряный дирхем 123 года Хиджры (740–741 гг. н.э.), чеканенный халифом Гишамом, сыном Абдуль-Малека (724–743 гг. н.э.) (рис. 55). В северной части жилища найден бронзовый браслет. В южной части обнаружена бронзовая орнаментированная пластина листовидной формы. Здесь же найден фрагмент спаянных бус (рис. 54, *4*). На глубине 1,0 м встречены наконечник стрелы, черенковый, ромбовидной формы, IX–X вв., два железных ножа, железная оковка, две костяные проколки-кочедыка (рис. 54, *5, 14, 15*). Еще одна проколка обнаружена при разборе печи (рис. 54, *9*).

ГЛАВА II
ЗАРУБИНЕЦКОЕ ГОРОДИЩЕ МОНАСТЫРЕК

Зарубинецкие материалы Монастырька представлены огромным количеством фрагментов керамики различных типов, составляющих более 30 тыс. находок, а также фрагментами античных амфор и столовой посуды, бронзовыми и железными фибулами, булавками, кольцами, браслетами, железными ножами, серпами, шильями, наконечниками стрел, каменными зернотерками, стеклянными бусинами и др.

Большой интерес представляют также немногочисленные, но своеобразные зарубинецкие жилые сооружения и хозяйственные постройки, оборонительные валы и рвы.

КОНСТРУКЦИЯ ЖИЛЫХ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК

Жилища. Обнаруженные в ходе раскопок жилища зарубинецкой культуры находились на периферии поселения. Однако не вызывает сомнений предположение о том, что они занимали также центральную часть Восточного городища, но были разрушены в процессе последующей застройки VIII–X и XII–XIII вв. Не избежали разрушений и выявленные пять жилищ, о чем свидетельствует их плохая сохранность; исключение здесь составляет лишь жилище № 23.

Жилище № 23 находилось на расстоянии 10 м от южного края поселения (рис. 3). Большая часть заполнения жилища — от современной поверхности до глубины 0,5 м — приходилась на культурный слой, и лишь нижняя его часть была углублена на 0,2–0,3 м в материк (рис. 5, 56). Жилище имело в плане близкую к квадрату форму (3,65 x 3,85 м) и было ориентировано стенами параллельно южному краю поселения, по которому проходили укрепления.

Остальные зарубинецкие жилища имели такую же ориентацию, на что указывают две сохранившиеся стены (западная и северная) расположенного неподалеку жилища № 15. Поскольку края мыса, на котором располагалось поселение, совпадали со сторонами света, то ориентировка жилищ Монастырька не отличалась от традиционной, по которой жилища были направлены стенами (или углами) по сторонам света.

Вход в жилище был по середине его северной стены, противоположной близлежащему краю городища. С наружной стороны стены в верхней части материка сохранилась одна ступенька высотой 0,2 м, длиной 0,6 м и шириной 1,0 м (рис. 56). Надо полагать, что еще несколько (по меньшей мере — три) таких же ступенек располагалось выше, в предматериковом грунте и растительном слое (общая высота которых составляет сейчас 0,65 м), соединяя пол жилища с дневной поверхностью.

Пол жилища расположен на глубине 0,8–1,0 м от современной поверхности, он вырезан в плотном глиняном материковом грунте, выравнен и утрамбован. На полу по углам жилища встречены завалы глиняной обмазки стен (рис. 56). Обмазка не имела следов обожженности, которые встречались в более ранних зарубинецких жилищах, сгоревших во время сарматского набега в конце I в. до н.э.; такие жилища известны также на других поселениях Среднего Поднепровья (Пилипенкова Гора). Это обстоятельство может служить указанием на время существования жилища № 23, т.е. I в. н.э. Обломки зарубинецкой керамики, найденные на полу и в нижней части заполнения жилища в количестве до 30 экземпляров, в том числе венчики чернолощеной и кухонной посуды, датируются этим временем. Кроме керамики в жилище найдены обломки костей животных и глиняное прясло.

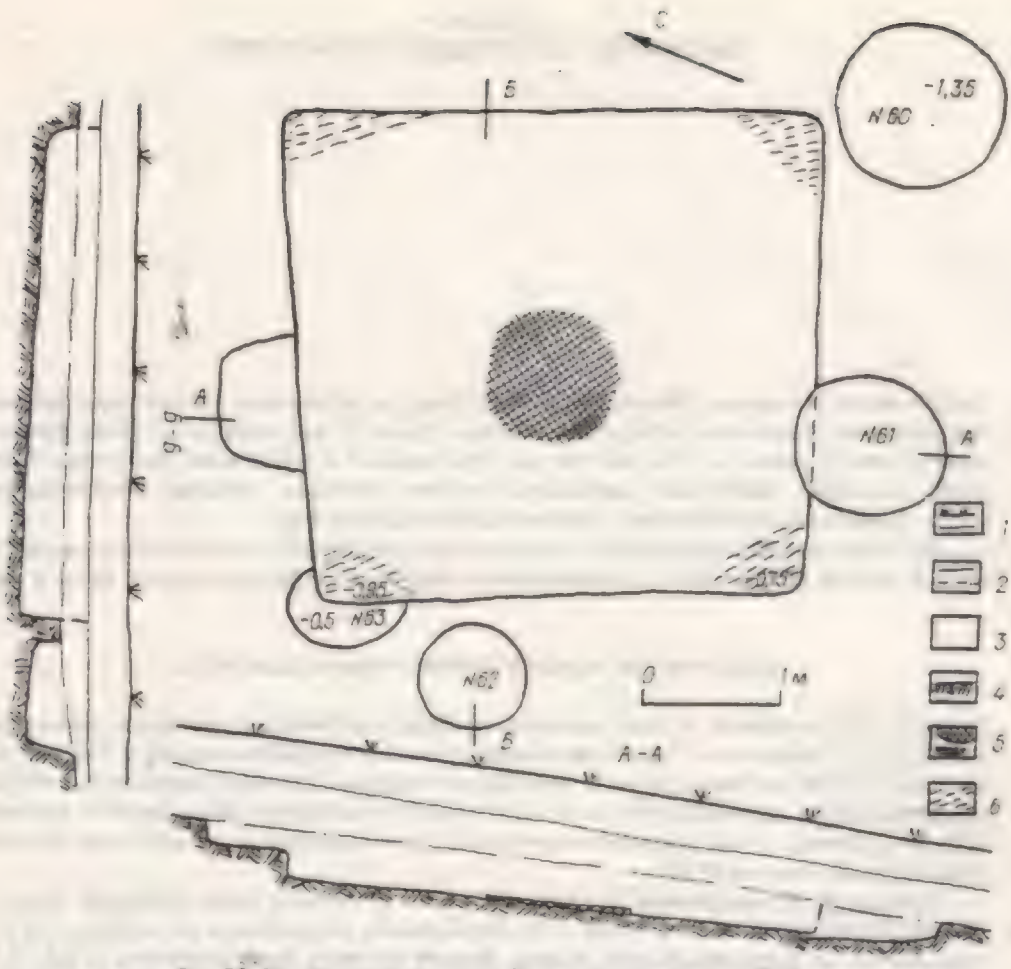


Рис. 56. Зарубинецкая культура. План и разрезы жилища № 23:
1 — пахотный слой; *2* — предматериковый слой; *3* — заполнение жилища; *4* — материк; *5* — очаг; *6* — скопление глиняной обмазки.

В центральной части жилища № 23 на площади около 1 м² обнаружены следы сильной обожженности, которая вместе с угольками и золой указывает на существование открытого очага. В отличие от хорошо сохранившихся очагов жилищ Пилипенковой Горы, очаг жилища № 23 не имел оградительной каменной стенки. Эти конструктивные особенности жилища характерны для позднего зарубинецкого периода. В качестве аналогии сошлемся на очаг без оградительной стенки, обнаруженный в жилище I в. н.э. на Ходосовском городище. На периферии жилища № 23 обнаружено четыре хозяйственных ям (№ 60—63) диаметром и глубиной до 1,0 м (см. рис. 56). Принадлежность ям № 60 и 62 к этому жилищу не вызывает сомнений, что подтверждает и найденный в них материал. Что касается ям № 61 и 63, то их, по-видимому, следует считать более ранними, так как обе они оказались перерезанными котлованом жилища. Особенно отчетливо это обстоятельство прослеживается на примере ямы № 63, половина площади которой оказалась разрушенной северо-западным углом жилища, пол которого на 0,2 м был ниже дна ямы.

Отличительной особенностью жилища № 23 явилось отсутствие здесь ям для столбов, составляющих основу стен зарубинецких жилищ. Без таких небольших столбов, стоящих вдоль стен на расстоянии до 1,5 м друг от друга, каркасно-плетневая, обмазанная глиной стена стоять не может. Отсутствие в этом жилище столбовых ям свидетельствует о том, что его стены были не каркасно-глинобитными, а бревенчатыми. Такая конструкция стен появляется на Среднем Поднепровье в середине I в. н.э. Здесь в качестве аналогии можно указать на позднее жилище, открытое в 1976 г. на Ходосовском городище, где также не было столбовых ям. Не упоминаются такие ямы и при

описании некоторых жилищ Оболони — поселения позднезарубинецкого времени I—II вв. н.э. [Шовкопляс, 1971, с.212].

На основании особенностей устройства жилища № 23 можно сделать вывод, что зарубинецкое поселение Среднего Поднепровья в поздний период своей истории начинает отходить от традиционных методов сооружения жилищ с каркасно-глинобитными стенами. Появление жилищ со срубными стенами и очагами без ограждения, имеющими также аналогии в Припятском Полесье [Каспарова, 1969, с.157], возможно, указывает на перемещение в Среднее Поднепровье части северо-западного зарубинецкого населения, которое вынуждено было оставить свои исконные земли в середине I в.н.э. под давлением готов.

Следующим по степени сохранности на Монастырьке было зарубинецкое жилище № 15. Оно также находилось у южной границы поселения, на расстоянии до 4 м от его края (рис. 3). Пол жилища № 15 сооружен в материковом грунте на глубине 0,75 м от современной поверхности (как и пол жилища № 23), нижняя часть жилища была врезана в материк на глубину 0,2 м. В связи с этим сохранившиеся северная и западная стены котлована жилища фиксировались вполне отчетливо, их размеры составляли соответственно 3,0 и 3,2 м, т.е. в пределах размеров, известных по жилищам других зарубинецких среднеднепровских поселений. Эти сохранившиеся стены сходились под прямым углом, что дает основания говорить о квадратной или прямоугольной форме жилища.

Стены жилища № 15 были бревенчатыми, на что указывает отсутствие столбовых ямок вдоль котлована, кроме того, они, подобно стенам жилища № 23, обмазывались глиной, о чем говорят обнаруженные на полу, у границ жилища куски обмазки с отпечатками дерева. Таким образом, жилище № 15 по устройству было близким или идентичным жилищу № 23, и его следует относить к наиболее поздним зарубинецким постройкам этого поселения.

Найденный в заполнении жилища № 15 материал составляли обломки кухонной и чернолощеной керамики, среди них — венчики днища мисок и горшков поздних типов, а также дисковидных лепешниц и костей животных. Близ жилища найдены железный серп (рис. 60, *14*) и нож с прямой спинкой.

Жилища № 27, а также А, Б, В (раскопки 1959 г.) расположены у западного (№ 27) и северного А, Б, В края городища. Их котлованы были вырыты в черноземном грунте, который здесь достигал большой мощности, что не позволяло строителям пол жилища соорудить в плотном материковом грунте. Поскольку заполнение жилищ не отличалось от окружающей земли, их форма, размеры, ориентация, ямы от столбов, местоположение очага зафиксировать не удалось. Эти жилища определялись по скоплениям глиняной обмазки стен и концентрации материала — обломков керамики, костей животных и других предметов.

Удалось установить, что жилище № 27, отстоявшее от западного края городища на 9 м, имело стены длиной не менее 3 м каждая, на что указывают завалы обожженной глины — обмазки стен. Пол жилища находился на глубине 1,0 м от современной поверхности, здесь найдены обломки стенок амфор, чернолощеной и кухонной зарубинецкой керамики, костей животных. Судя по амфорной керамике и венчикам чернолощеных мисок, жилище № 27 функционировало в I в. до н.э. — I в. н.э.

Жилища А, Б и В находились на середине северного края поселения. Северные стены этих жилищ отстояли от края городища на 7—8 м, а расстояние между западной стеной жилища А и восточной стеной жилища Б составляло 5,5 м. В углах жилищ отмечены завалы глиняной обмазки, которые позволяют определить длину их стен, равную 3,5—4 м. Утрамбованный пол жилищ находился на глубине 0,5—0,55 м от современной поверхности. Здесь же было встречено основное количество материала, состоявшего из нескольких обломков стенок раннеримских амфор, фрагментов чернолощеной и простой зарубинецкой керамики, трех железных ножей с прямой спинкой, железного наконечника сарматской стрелы, костей домашних животных. Эти материалы позволяют определить время существования жилищ рубежом I в.н.э.

Хозяйственные постройки. В ходе раскопок была обнаружена хозяйственная постройка, располагавшаяся на восточной окраине поселения, на расстоянии 3 м от его края. Темное заполнение этого сооружения почти не отличалось по цвету от расположенных рядом участков культурного слоя, достигавшего здесь мощности 1 м. Поэтому

оконтурить сооружение во время раскопок не представлялось возможным. Лишь на глубине 1,1 м от современной поверхности, где оканчивалось заполнение сооружения, содержащее материалы зарубинецкого времени, в верхней части материкового грунта (0,1 м) установлена круглая форма сооружения, диаметр которого составил 2,2 м. Здесь встретились обломки чернолощеной и простой зарубинецкой керамики, среди них — кухонный горшок и корчага, кости животных, печина. Находки в заполнении углей и золы указывают на то, что эта хозяйственная постройка имела плетневые стены и перекрытие. Время ее существования, судя по материалу, I в.н.э.

Вторая зарубинецкая постройка открыта в юго-западном углу поселения. Она располагалась в 10 м от западного края площадки городища, непосредственно за "лобовым" валом. Размеры сооружения 2,0 x 3,5 м. Его контуры были замечены на глубине 2,0 м от современной поверхности, поскольку здесь проходила мощная засыпь внутреннего склона вала. Собственная же глубина сооружения от древней дневной поверхности составляла около 1,5 м.

Эта постройка, попавшая в зону расположения оборонительных сооружений, в процессе их постройки была засыпана. Засыпь состояла из прослоек чистого лесса, перемежавшихся темным грунтом, содержащим археологический материал, взятый с близрасположенной поверхности поселения. Материал представлен обломками различных типов зарубинецкой керамики, а также костей животных. Интерес представляют находки, встреченные на постройке, которые могут ее датировать. Это фрагменты венчиков чернолощеных горшков и мисок ранних типов, определяемых временем II—I вв. до н.э.

Ямы. Хозяйственные погреба в виде ям с зарубинецким материалом обнаружены на поселении в количестве 175. На территории поселения ямы размещены в целом равномерно, с несколько большей концентрацией в северной и северо-восточной, т.е. приднепровских частях поселения. На основании раскопок многих зарубинецких поселений известно, что хозяйственные ямы располагались непосредственно возле жилищ [Максимов, 1971, с.49]. Наличие таких ям по всей площади Монастырька говорит о том, что вся она была застроена зарубинецкими жилищами, которые, будучи менее углубленными в грунт, чем ямы, оказались разрушенными в результате интенсивного строительства в раннеславянское и древнерусское время, в то время как большинство ям сохранилось.

Глубина ям до 1,5 м, они имеют цилиндрическую форму и диаметр до 1,5 м, чаще всего — около 1,0 м. В заполнении таких ям кроме керамики встречаются кости животных и рыб, предметы из бронзы и железа.

В период функционирования поселения ямы закрывались крышками, сделанными из плетня, обмазанного глиной.

Некоторые ямы имели навесы, которые укреплялись на нескольких столбах, вбитых по краям, — следы от таких столбов в материке выявлены при исследовании ямы № 143. В заполнении ямы встретились фрагменты зарубинецкой керамики, обломки костей животных и рыб, камни. Большая часть ям имеет такое небогатое заполнение.

Однако некоторые ямы содержали значительно больше материала. Несмотря на свои ординарные размеры, в них встретилось по сотне и более обломков керамики, которые залегали плотными скоплениями, как, например, в яме № 111, где слой керамики имел толщину 0,20 м, или в яме № 139 — 0,3 м. Здесь были найдены: целые и фрагментированные чернолощеные горшки (рис. 57, *20, 21*) и миски (рис. 57, *2*), кухонные горшки и крышки к горшкам (см. рис. 58, *1, 2, 16, 19*), фрагменты плоских лепешниц (рис. 58, *4—6*), обломки корчаг, фрагменты амфор (рис. 59, *17*), которые определяют время функционирования этих ям I в. н.э.

Ямы типа № 111 отличаются от других тем, что они не были углубленными в материк, как обычные зарубинецкие хозяйственные ямы-погреба, а находились в черноземном грунте. Это обстоятельство вместе с необычным характером их заполнения позволяет высказать предположение, что они были не хозяйственными сооружениями, а, возможно, ритуальными местами, куда складывались поврежденные или разбитые сосуды. Размещение этих ям в восточном углу поселения также нельзя считать случайным, тем более, что в этом районе был обнаружен объект, несомненно, ритуального назначения — небольшой по размеру (0,5 м) жертвенник в виде неглубокой (0,35 м) ямки, заполненной коровьими астрагалами, которые были аккуратно уложены основаниями к центру ямы. Всего здесь оказалось 36 костей. Аналогией этому своеобразному

алтарю является подобное по устройству культовое сооружение на поселении Рахны (Южный Буг) [Хавлюк, 1975, с.8]. Недалеко от жертвенника в небольшой ямке был обнаружен череп взрослого человека, который также следует рассматривать как ритуальное явление.

УСТРОЙСТВО ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Обороне своей территории зарубинецкое население придавало большое значение. На это указывает само расположение поселений ("гнездами"), которое отражало не только социальную структуру зарубинецкого общества, но и выполняло оборонительные функции, в том числе – возможность применения сигнализации, которая осуществлялась при помощи костров, видных с соседних поселений, что позволяло оперативно передавать сведения о противнике.

Аналогичная система связи применялась у многих народов: она известна и в Византии, где была для этой цели построена цепь башен, расположенных в пределах видимости друг от друга от столицы до средиземноморского побережья, т.е. на расстоянии 900 км. Подобная система существовала также в Древней Руси и у казаков XVII–XVIII вв.

Само расположение Монастырька представляло большие возможности для защиты. Однако несмотря на это, в зарубинецкую эпоху здесь были сооружены еще и искусственные оборонительные сооружения.

Подобные сооружения отмечены на каждом правобережном мысовом поселении в виде остатков земляных валов, рвов и экскарпов. Особенности их устройства прослежены при раскопках однослойных зарубинецких городищ Пилипенкова Гора и Бабина Гора на Каневщине [Максимов, 1982, с.34, 100]. Однако Монастырек в этом отношении оказался объектом более сложным, поскольку, кроме зарубинецких, здесь существовали еще и древнерусские укрепления – в то время здесь была крепость, известная в летописи под именем Заруба. Эта мощная и более сложная древнерусская фортификация снивелировала и закомуфлировала раннюю зарубинецкую оборонительную систему. Тем не менее, ее основные контуры прослеживаются достаточно определенно.

Оборонительные сооружения проходили по северному краю площадки поселения, несмотря на наличие здесь очень крутых и высоких склонов со стороны Днепра. Сооружения были незначительны: глубина рва составляла около 1,5 м от современной поверхности, ширина – около 2 м. Именно в таком виде этот ров был зафиксирован в западных и восточных стенках котлованов жилища № 30, сооруженного в VIII–X вв., жилищ № 31–33, относящихся к древнерусскому времени. Таким образом, наличие зарубинецкого рва, сооруженного по северной границе поселения на расстоянии 3–4 м от края площадки, можно считать установленным. Что касается вала этого времени, то его следов обнаружить не удалось. Судя по всему, зарубинецкий вал, мешавший строителям VIII–X вв., был тогда же снивелирован.

Остатки зарубинецкого вала можно было найти лишь в тех местах поселения, где он не препятствовал возведению объектов более поздних эпох. Таким местом оказался западный край городища, где расположен мощный древнерусский вал, ограждавший Заруб с напольной стороны.

Этот древнерусский вал вместе с находившимся перед ним глубоким (до 3 м) рвом, высотой около 4 м от материка, являлся главным узлом обороны Заруба, защищавшим крепость с напольной, наиболее доступной для неприятеля стороны. Несомненно, те же задачи выполняли и построенные здесь зарубинецкие оборонительные сооружения.

Зарубинецкий вал обнаружен внутри древнерусского вала и стенке нашей траншеи, перерезавшей эти сооружения. Он отличался от древнерусского вала более темным цветом грунта. Этот вал был небольшим, до 2 м высоты. Ширина его подошвы составляла около 6 м, наружная сторона была крутой (до 40^0), внутренняя – пологой. Можно думать, что вал такого же типа проходил и по северному краю поселения.

По вершине лобового зарубинецкого вала проходил деревянный плетневый частокол, сожженный во время неприятельского нападения. Следами частокола является печина – обожженная глиняная обмазка, которая покрывала внешний склон вала слоем толщиной в 5–8 см на расстоянии до 2 м.

Такие сожженные зарубинецкие частоколы известны и на других зарубинецких городищах Среднего Поднепровья [Максимов, 1982, с.34, 100]. Здесь при раскопках были встречены небольшие железные сарматские трехлопастные черешковые наконечники стрел I в. до н.э. — I в. н.э., что позволило Е.В.Максимову высказать предположение о крупном военном набеге сармат на территорию Среднего Поднепровья в конце I в. до н.э. Подобный наконечник найден и на Монастырьке, на месте зарубинецких укреплений, шедших по северному краю городища (рис. 59, *21*).

Западный (головной) зарубинецкий вал проходил по краю неглубокого оврага, отделявшего площадку этого поселения от Западного городища. Прилегающий к валу склон оврага в древности был более пологим, чем сейчас, поэтому его усилили двумя эскарпами. На дне оврага был вырыт ров, соответствующий по мощности валу, на месте которого впоследствии соорудили более глубокий и широкий ров Заруба, контуры которого заметны в стенке траншеи.

Важные сведения о зарубинецких оборонительных сооружениях были получены также при раскопках южного склона этого городища, а также при исследовании Западного городища.

Здесь в стенках раскопок, заложенных по склонам, удалось выяснить, что в зарубинецкое время на этих местах проведена двойная линия эскарпов, которая придала склонам бо́льшую крутизну, оборонное значение которой было усилено сооружением на верхней площадке второго эскарпа, невысокого вала с деревянно-глинобитным частоколом. Этот частокол, подобно частоколу на головном валу Восточного городища, сгорел во время вражеского набега (рис. 61).

Аналогичная по конструкции система укреплений эскарпами и частоколом была открыта на всех исследованных раскопками зарубинецких мысовых поселениях Среднего Поднепровья — Пилипенковой Горе, Бабиной Горе [Максимов, 1982, с.34, 100], Ходосовке [Максимов, 1978, с.34], которые не были заселенными ни в VIII—X вв., ни в эпоху Древней Руси, что явилось важным аргументом для определения зарубинецкой принадлежности этих сооружений.

В древнерусское время, при строительстве укреплений Заруба, по линии нижнего эскарпа был вырыт ров, а по краям площадок Восточного и Западного городищ насыпан мощный вал, сохранившийся к настоящему времени в виде засыпи толщиной до 2 м, перекрывшей остатки зарубинецких укреплений (рис. 61).

Представление о том, что среди этих остатков оборонительных сооружений Монастырька находятся также укрепления VIII—X вв., нуждается в дополнительной аргументации [Петрашенко, 1985, с.72, 73]. Как выяснилось в ходе раскопок, поселение этого времени занимало территорию, значительно превышающую площадь, окруженную оборонительными сооружениями, на что указывают обнаруженные здесь жилища. Важно также и то обстоятельство, что при исследовании аналогичных восточнославянских поселений этого времени укреплений не было обнаружено.

КЕРАМИКА, ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЧЕРНОГО И ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛОВ

Керамический материал античного производства представлен обломками и фрагментами эллинистических (84) и раннеримских амфор (111), происходящих из различных центров античного мира, а также единичными обломками столовой — краснолаковой и красноглиняной — раннеримской посуды.

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что античный импорт поступал в меньшем объеме, чем на южные поселения, например на Пилипенкову Гору, находившуюся в 40 км ниже по Днепру, где во время раскопок на площади в 3000 км^2 было найдено 2146 обломков амфор. Однако Пилипенкова Гора в этом отношении — явление исключительное, в первую очередь потому, что она, будучи памятником однослойным, сохранилась много лучше, чем Монастырек, где почти все находки античной керамики обнаружены в культурном слое, и редко — в жилищах и ямах.

Известно, какое большое значение для определения даты отдельных зарубинецких жилищ, а также поселения в целом имеют античные материалы. Применительно к Монастырьку, имея в виду стратиграфию и топографию античных находок, можно говорить только о хронологии этого поселения, которая определяется широким диапазоном времени от III—II вв. до н.э. по II в. н.э.

Рис. 57. Чернолощенная керамика зарубинецкой культуры.

К начальной дате существования здесь зарубинецкого поселения относятся обломки стенок, венчиков, ручек и ножек эллинистических амфор косского, родосского типов, а также некоторых других. Первые наиболее многочисленны (36 экз.), они характеризуются черепком вишневого цвета и наличием зеленовато-голубоватого ангоба по наружной поверхности. Характерны также валикообразный венчик, двухствольные ручки (рис. 59, *19*) и цилиндрическая ножка, имеющая аналогии и в датируемых III–I вв. до н.э. экземплярах косских амфор, найденных, помимо античных центров, во всех городах Северного Причерноморья и на их периферии (Вязьмітіна, 1962, с.152].

Как известно, фрагменты косских амфор были найдены в жилых хозяйственных комплексах Пилипенковой Горы вместе с клейменными амфорами, имеющими более узкую датировку в пределах конца III в. до н.э. Это обстоятельство позволило определить дату поступления косских амфор на территорию Среднего Поднепровья указанным временем [Максимов, 1982, с.45]. Нет никаких оснований думать, что косские амфоры на поселении Монастырек, расположенном недалеко от Пилипенковой Горы, начали

поступать в какое-либо другое время, следовательно, начальной датой Монастырька можно считать конец III в. до н.э. или рубеж III—II вв. до н.э.

Другие ранние материалы, в частности обломки родосских амфор (рис. 59, *18*), составляющие, после косских, вторую заметную группу находок (24 экз.), подтверждают раннее время поступления античного импорта, устанавливаемого по косским амфорам: известно, например, что пик поступления родосского вина в Северное Причерноморье относится к рубежу III—II вв. до н.э. [Зеест, 1960, рис. 2].

Привлекают внимание находки позднего амфорного материала, среди которых наиболее значительную группу составляют так называемые амфоры из коричневой глины, представленные фрагментами всех частей сосудов (рис. 59, *16, 17, 20*). Как известно, время бытования этих амфор определяется в довольно широких границах с I в. до н.э. по I в. н.э. Видимо, на Монастырьке вино в этих амфорах, действительно, поступало в течение всего этого двухсотлетия, из которого наиболее важным для понимания конкретных событий на Среднем Поднепровье является вторая половина I в. н.э., поскольку некоторые исследователи вообще исключают это время из зарубинецкой истории, заканчивающейся, по их мнению, где-то в середине I в. н.э.

В этом плане представляют интерес находки обломков красноглиняной столовой керамики в культурном слое поселения. Аналогии двум обломкам мисочек на кольцевой ножке (рис. 59, *13*) датируются I в. н.э., а обломок профилированного горизонтальными канавками венчика красноглиняной чашечки (рис. 59, *15*), покрытый снаружи жидким красным лаком, можно отнести даже к II в. н.э. [Вязьмітіна, 1962, рис. 76, *18*]. На основании этого материала, дополненного многочисленными амфорами раннеримских типов, можно с определенной уверенностью определить функционирование зарубинецкого поселения Монастырек I—II в. н.э.

Чернолощеная керамика является своеобразной визитной карточкой зарубинецкой культуры, отличая ее, вместе с погребальным обрядом трупосожжения, от всех других синхронных культур территории Украины и Восточной Европы в целом. Известно, что чернолощеная керамика на всем огромном пространстве, занимаемом памятниками зарубинецкого типа, не является однообразной, наоборот, при наличии некоторого ее технологического и типологического сходства, чернолощеная керамика обладает отчетливо выраженными отличительными признаками, присущими каждому из пяти регионов зарубинецкой культуры [Максимов, 1982, с.10—20].

Кроме этой — территориальной — специфики, чернолощеную керамику отличает изменение форм во времени, т.е. специфика хронологическая. Эти две особенности зарубинецкой чернолощеной керамики прослеживаются и на материалах поселения Монастырек, в процессе раскопок которого получена значительная коллекция выразительных фрагментов, венчиков и днищ чернолощеных сосудов всех типов, позволяющих полностью реконструировать их формы и размеры. Более десятка горшков и мисок, найденных в различных местах поселения, послужили в качестве образцов и контрольных экземпляров.

Чернолощеная керамика Монастырька обладает всеми основными чертами, присущими среднеднепровской чернолощеной посуде. Это касается как форм и размеров сосудов, так и цвета и качества лощения поверхности. Что касается горшков, то среди этой группы преобладают горшки с высоким и округлым плечом, имевшие крупный, плавноотогнутый наружу венчик, соответствующие первому варианту III типа, по нашей классификации [Максимов, 1982, с.11], внешний вид которых демонстрирует и группа целых сосудов (рис. 60, *11*). Среди них встречаются экземпляры, украшенные по плечу тремя-четырьмя подковообразными налепами (рис. 57, *21*). Нижние части таких горшков имеют характерную для ранней зарубинецкой чернолощеной керамики цилиндрическую форму (рис. 57, *11, 21*), черного цвета наружные стенки покрыты хорошим лощением или же матовые, тщательно выглаженные.

К более ранним относятся также горшки третьего варианта III типа, характерной чертой которых были вертикальный венчик (рис. 57, *16*) и большие размеры (высота 25—30 см, диаметр отверстия 17—28 см). В позднее время (I в. н.э.) горшки этого типа как бы вырождаются, уменьшаются их размеры (диаметр отверстия 12—14 см), исчезает лощение, заметна общая небрежность изготовления (рис. 57, *19*).

Наряду с такими сосудами в это время здесь встречаются и остроребериые горшки высотой до 25 см (рис. 57, *20*) при таком же примерно диаметре отверстия, известные на территории Верхнего Поднепровья (Чаплин).

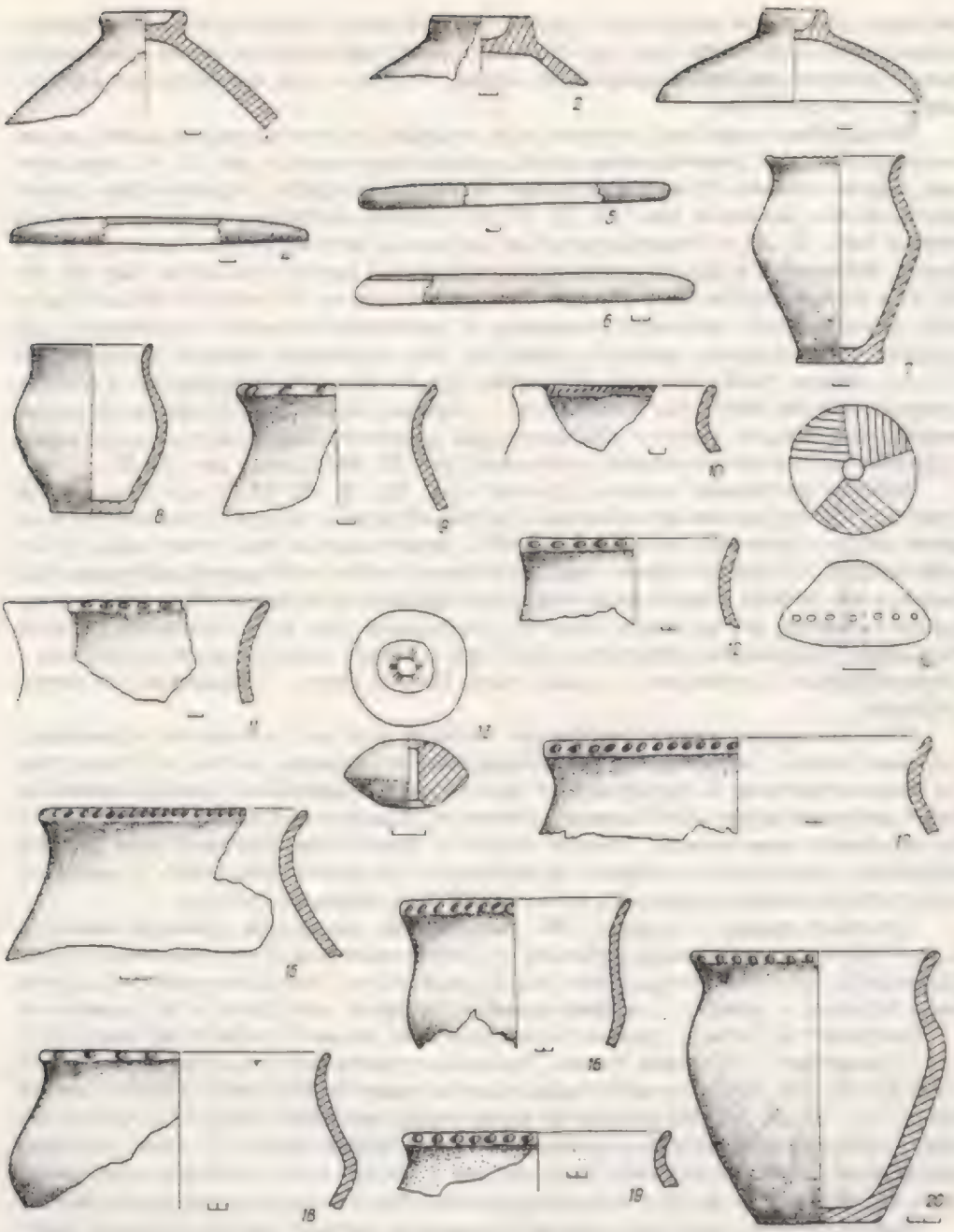


Рис. 58. Простая керамика зарубинецкой культуры.

Чернолощеные миски в обломках составляют основное количество найденной на поселении чернолощеной керамики, они, очевидно, имели широкое распространение в быту, в то время как чернолощеные горшки, выполняя функции столовой посуды, были менее необходимы, уступая в этом отношении кухонным горшкам. При раскопках обнаружено также несколько экземпляров целых мисок.

Ранние миски повторяют ранние горшки. Это были крупные, вместительные сосуды, имевшие диаметр отверстия 35—40 см и высоту 10—14 см, с плоским дном цилиндрического профиля (рис. 57, *1*), отличным черным лощением снаружи и гладковыглаженной внутренней поверхностью. Что касается формы, то она являлась оригинальной, присущей только среднеднепровским памятникам. Отличительными особенностями этих мисок были небольшой (до 3—4 см) прямой и отогнутый наружу венчик с дву-

мя-тремя гранями на внутренней стороне, который резко переходил в валикообразное, хорошо очерченное плечо (рис. 57, *2*). Такие ранние зарубинецкие миски в литературе носят название среднеднепровских, по нашей типологии, они относятся ко второму варианту мисок II типа.

После рубежа нашей эры эти миски еще, очевидно, бытуют некоторое время, но уже видоизмененными: диаметр уменьшается, высота увеличивается (рис. 57, *4*), качественное лощение исчезает. В это время бытуют миски других форм: с простым (без граней) вертикальным венчиком (рис. 60, *17*; 57, *8*), с плавно отогнутым венчиком и острым плечом (рис. 57, *3*), с прямым отогнутым венчиком и острым плечом с эсовидным венчиком. Изменяется и форма нижней части, появляются миски на высоком (рис. 60, *18*; 57, *9*) и очень высоком (рис. 57, *13*) кольцевом поддонах. Что касается общих очертаний, то наблюдается тенденция, во-первых, к уменьшению объема (вместимости), во-вторых, к уменьшению диаметра отверстия при сохранении прежней высоты (10—15 см). Следует также отметить ухудшение общего качества изготовления и соответственно качества обработки поверхности — лощеные миски теперь становятся исключением, преобладают миски с выглаженными поверхностями, известны также миски с орнаментированной наружной поверхностью (рис. 57, *14*) и дном (рис. 57, *8*).

Находки фрагментов кружек с ручкой (рис. 60, *15, 16*; 57, *7*) или только ручек (рис. 57, *15*) крайне немногочисленны, и не только потому, что эта группа посуды была менее распространенной, чем другие группы, немаловажную роль играет здесь то обстоятельство, что форма кружек повторяла форму мисок или горшков небольших размеров, а это лишало возможности выделения фрагментов из массы обломков чернолощеной керамики других групп. Отметим, что кружки, как им и полагается, были небольшими, с диаметром отверстия до 10—14 см, а ручки — двух типов: более крупные — петлеобразные и маленькие — в виде ушек. Сечение ручек — квадратное или прямоугольное.

Отметим редкие находки небольших (высота до 9 см) конических коричневого лощения стопок с миниатюрной ручкой-рудиментом. Принято считать, что такие стопки распространялись на зарубинецкую территорию с Припятского Полесья, однако их там в настоящее время насчитывается столько же, сколько и на Среднем Поднепровье, — по несколько экземпляров. Поэтому версия о припятском источнике этих сосудов, возможно, нуждается в уточнении, не исключено, что стопки происходят от какого-то общего более древнего источника, каким могла быть лужицкая культура.

Кухонные горшки и корчаги. Эти виды посуды составляют основную массу находок керамики, хотя по разнообразию она значительно беднее чернолощеной посуды. Совместное рассмотрение горшков и корчаг вызвано тем, что различаются они, по сути, лишь объемом и изредка — орнаментацией, в то время как форма у них одинакова.

Наиболее популярной формой были горшки (и корчаги) первого варианта III типа — с высоким и округлым плечом, большим и плавно отогнутым наружу венчиком (рис. 58, *18, 20*), иногда орнаментированным по краю ямками или насечками (рис. 58, *10, 11, 12, 15—17, 19*). Изготовлялись такие сосуды из глины, содержащей достаточно много примесей в виде песка и шамота, который в позднее время (с I в.н.э.) был заменен дресвой, отчего поверхность этих сосудов сделалась более грубой и шероховатой (рис. 60, *10*). Цвет ее, однако, не изменился, он оставался по-прежнему серо-коричневым.

Толщина стенок зависила, в общем, от размеров сосудов: крупные горшки (высотой до 25 см), а также корчаги (высотой до 40 см) — стенки толщиной 0,8—1,2 см, в то время как небольшие горшочки (12—20 см) — 0,5—0,6 см. Известны горшки с округлым средним плечом I типа (рис. 58, *8*), а также среднеплечевые корчаги с загнутым вовнутрь крупным прямым венчиком, подлощеным горлом, отделенным от нарочито шероховатого тулова невысоким расчлененным валиком (рис. 60, *20*).

Заметное место среди находок простой керамики занимают фрагменты крышек для горшков и корчаг. Крышки (рис. 58, *1—3*) имели коническое тулово высотой 8—12 см, которое заканчивалось пустотелой цилиндрической ручкой (3—4 см). Диаметры венчика крышек — самые разнообразные, от 12 до 40 см, они соответствовали диаметрам отверстий горшков и корчаг.

Не менее многочисленны также находки дисковидных лепешниц толщиной 1 см, диаметром до 25 см (рис. 58, *4—6*), плоских и шероховатых с одной стороны и слегка выпуклых, подлощенных, иногда украшенных ямочным орнаментом — с другой.

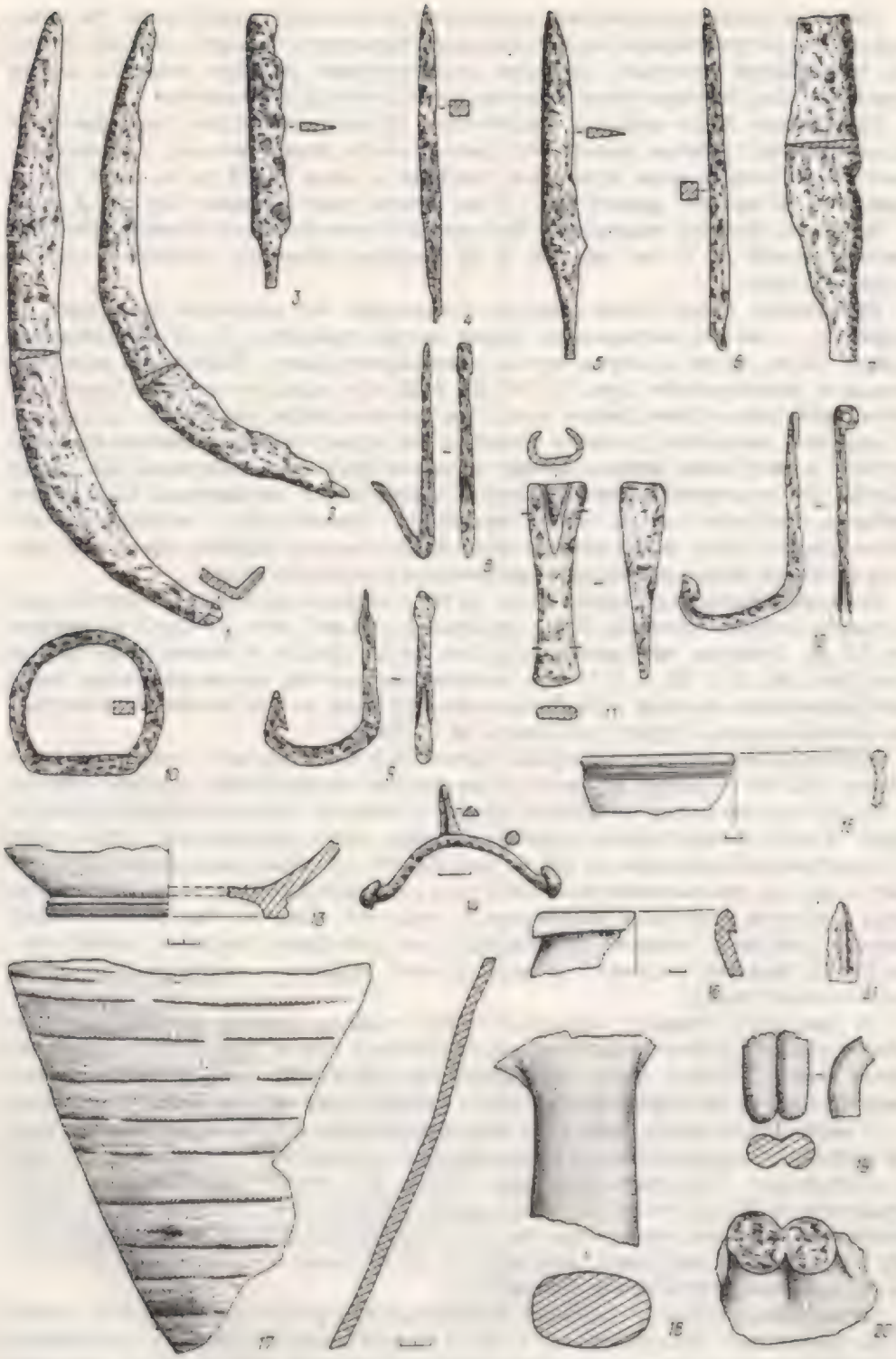


Рис. 59. Зарубинецкая культура. Античная керамика, железные предметы.

Из других глиняных изделий отметим небольшие (3—4 см) прясла, которые чаще всего имели биконическую форму (рис. 58, *13, 14*). Иногда встречаются прясла треугольной в сечении формы и плоские, изготовленные из стенок разбитых чернолощеных горшков или античных амфор (рис. 57, *5*). Все типы прясел имели узкое (3—5 мм) отверстие.

Железные изделия представлены значительной коллекцией орудий труда*. Из железа на поселении изготавливались также некоторые украшения и предметы обихода. О местном производстве железных предметов свидетельствуют находки железных шлаков и железных криц, которые служили сырьем для кузнечного производства.

Преобладали среди железных орудий ножи (21 экз.), из которых лишь три имели так называемую горбатую спинку. Их принято считать более ранними, у остальных — спинка была прямая. Ножи небольших размеров — длина 10—12 см, из них 3—3,5 см приходится на черенок, ширина 1,0—1,5 см; сечение клинообразное (рис. 59, *3, 5, 7*).

Встречены обломки квадратных (5х5 мм) или прямоугольных в сечении (3х5 мм) стержней длиной до 10 см (рис. 59, *5, 6*), которые, возможно, служили в качестве шильев-проколок.

Обнаружены четыре серпа хорошей сохранности, что позволяет представить их устройство и рабочие возможности. Длина серпов составляла 17—19 см, небольшая ширина 1,8 см, лезвие в сечении имело клиновидную форму. Изогнутость лезвия небольшая и неравномерная (рис. 60, *14*; 59, *1—2*), приходящаяся на ближайшую к рукоятке треть длины. Конец лезвия загнут под прямым углом, длиной 1,0—1,5 см, к нему крепилась деревянная рукоятка. Отметим, что серпы с таким креплением рукоятки являются древнейшими металлическими орудиями этого типа, известными еще с эпохи бронзы; эти малопроизводительные орудия зарубинецких земледельцев были вполне пригодны, поскольку лишь в течение следующей — черняховской — исторической эпохи они уступили место более совершенным серпам, имевшим удобное черенковое крепление рукоятки, большие размеры и равномерную изогнутость лезвия.

Отметим значительную серию (более 10 экз.) крупных рыболовных крючков, длина стержня которых достигала 10 см при ширине насадной части до 4 см, с шипом длиной 1,2 см. Стержень загибался в ушко для лески, образуя отверстие диаметром до 5 мм (рис. 60, *5, 6*; 59, *8, 9, 12*). По мнению специалистов, такими крючками можно было вылавливать крупные экземпляры рыбы. Это были, как показывает изучение рыбных костей и чешуи, — судак и сом массой до 20—40 кг.

Примечательна находка небольшой (длина 12,5 см) втульчатой мотыги с узким лезвием (3,2 см) — первое орудие среди материалов зарубинецкой культуры (рис. 60, *7*; 59, *11*), универсальное применение которого очевидно. Большое значение имеют находки (2 экз.) прямоугольных в сечении железных колец, уплощенных с одной стороны, с внутренним диаметром до 3,5 см (рис. 59, *10*), которые применялись для укрепления косы так называемого латенского типа к деревянной рукоятке. Находки таких колец — обычное явление на исследованных поселениях Среднего Поднепровья, где известны и сами косы, которые использовались как для уборки зерновых (проса), так и для покоса трав, что указывает на существование стойлового содержания домашнего скота в зимний период.

Из предметов обихода и украшения следует назвать железное многовитковое спиральное кольцо и железную фибулу позднелатенского типа из ямы № 164 с сильно изогнутой спинкой, скорее всего, так называемого воинского типа, распространенных среди материалов зарубинецкой культуры с рубежа нашей эры и в течение всего I в.н.э.

К числу зарубинецких древностей следует приобщить и хорошей сохранности круглую застежку с подвижной иглой и неспаянными концами, один из которых был свернут в спиральку [Максимов, 1962, табл. XXXIII, 23]. Аналогичные предметы туалета появляются на Поднепровье в скифское время [Мозолевский, 1972, с.268—308]. Среди памятников зарубинецкой культуры они получили распространение на территории Верхнего Поднепровья, с которыми, как известно, среднеднепровское зарубинецкое население поддерживало торговые и иные контакты.

Обнаружены предметы воинского снаряжения и оружие — и то, и другое, несомненно, импортного происхождения. К числу первых относится шпора с полусферическими головками на концах и большим шипом по середине (рис. 60, *4*; 59, *14*), хорошо известные в I в.н.э. среди среднеевропейского населения, в том числе — носителей пшеворской культуры.

К числу предметов вооружения относятся трехлопастные небольшие (до 3 см) железные черешковые наконечники стрел I в. до н.э. — I в.н.э., встреченные на всех

* Металлургический анализ этих предметов выполнен В.Д.Гопаком (см. прил.).

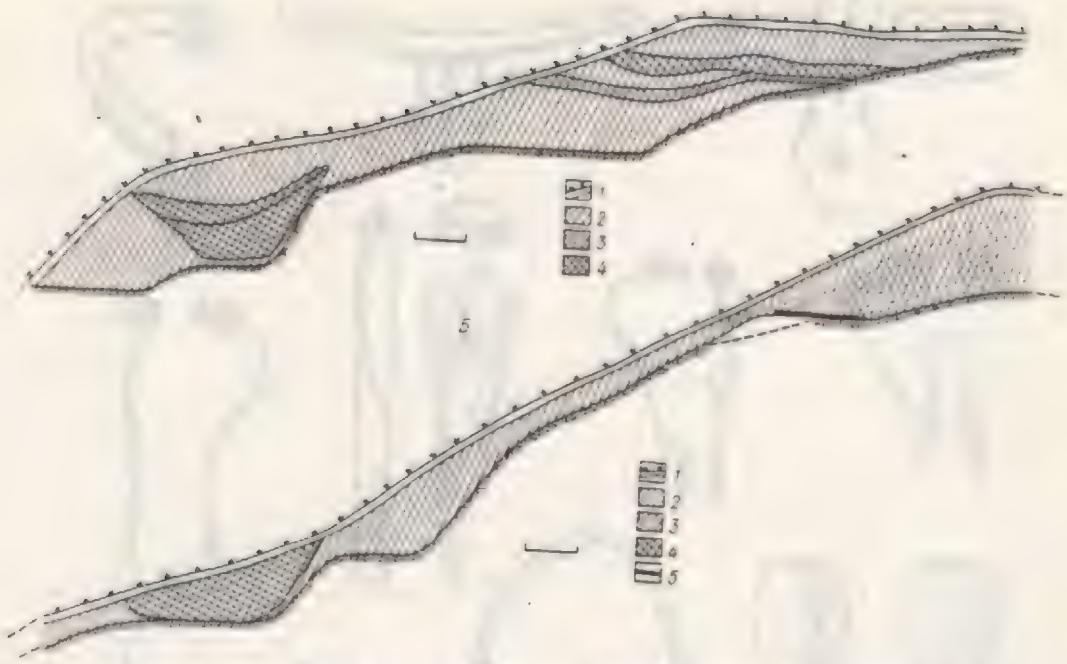


Рис. 61. Разрезы южных склонов Западного (А) и Восточного (Б) городищ:
1 — дерн; *2* — светло-коричневый переотложенный грунт; *3* — грунт с включением золы и угля; *4* — темно-коричневый переотложенный грунт; *5* — красный сильно обожженный грунт.

раскопанных зарубинецких поднепровских поселениях-городищах. Эти стрелы — наглядное свидетельство сарматского нашествия на зарубинецкое население Среднего Поднепровья в конце I в. до н.э.

Бронзовые изделия менее многочисленны. Из них особый интерес представляют фибулы среднелатенской и позднелатенской схем. Найдено четыре целых экземпляра и несколько фрагментированных (рис. 60, *3*), из целых одна фибула среднелатенского типа представляет группу местных, так называемых зарубинецких фибул (рис. 62, *4*), а три других — это фибулы позднелатенской схемы с изогнутым корпусом и сплошным приемником (рис. 60, *1, 2*; 62, *2, 3, 5*). Все эти фибулы — и среднелатенские, и позднелатенские — обычно датируются I в. до н.э. — I в. н.э., т.е. относятся к среднему и позднему периодам существования поселения. К этому же времени принадлежала и железная фибула.

Следующая группа бронзовых предметов личного убора — булавки, которые представляют два хорошо известных по другим памятникам типа. Это фибулы с гвоздевидной головкой (рис. 62, 9), которые считаются более ранними, представляя в зарубинецкой культуре один из элементов местного наследия предшествующей эпохи. Второй тип булавок — посоховидные (рис. 62, *11*), получили такое свое название по скрученной в небольшое колечко головке. Посоховидные булавки имели в это время широкое распространение, особенно в лесной зоне Восточной Европы.

Бронзовые браслеты представлены фрагментами популярных в то время круглых в сечении браслетов со свободными (неспаянными) концами, оформленными в виде вытянутых трапеций, так называемых змеиных головок (рис. 62, *8*). Основания "головок" орнаментировались несколькими узкими насечками.

Привлекает внимание группа бронзовых круглых (рис. 62, *7, 14*) или плоских в сечении браслетов (рис. 62, *10*) со свободными, резко расширяющимися концами. Отличительной их чертой является небрежная работа, на что указывают неровный корпус и несимметричные концы. Возможно, перед нами предстают не готовые изделия, а полуфабрикаты, что является важным указанием на существование местного производства этих изделий.

Местные мастера изготовляли и многие другие предметы украшения и личного убранства, в том числе бронзовые кольца. Одно такое кольцо спиральной конструкции

Рис. 62. Изделия из бронзы и камня зарубинецкой культуры.

найдено в яме № 209 (рис. 62, *13*). О существовании местного ювелирного ремесла говорит и находка на поселении бронзового слитка, имеющего вид прямоугольного в сечении стержня (рис. 62, *12*), половинки каменной литейной формочки (рис. 62, *6*) и довольно многочисленных фрагментов бронзоплавильных тиглей.

Уникальной находкой являются бронзовая литая оковка венчика крупного (диаметр до 30 см), вероятно, деревянного сосуда, представляющая собой толстую (5 мм) пластину, изогнутую по линии обвода венчика сосуда, и двухствольную петельчатую ручку (рис. 62, *1*). И пластина, и ручка имеют крупные (диаметр 7 мм) отверстия для крепления к стенке сосуда с помощью бронзовых гвоздей. Один из таких гвоздей сохранился в нижней расширяющейся части ручки. Крупное литье, совершенно неизвестное зарубинецким мастерам, двухствольная ручка, повторяющая в своих элементах ручки амфор и кувшинов I в. до н.э. – I в. н.э., указывают на античное производство этой оковки.

Изделия из камня, кроме литейной формочки, представлены гранитными терочниками круглой формы с плоской (рабочей) площадкой диаметром 6–8 см и более мелкими (до 5 см) каменными – обычно известняковыми – шарами, которые, скорее всего, следует рассматривать в качестве снарядов для метательного оружия-пращи.

Отметим также немногочисленные находки разнообразных по размерам, цвету и форме бус, обычно стеклянных, преимущественно небольших синих и зеленых, округлой формы (рис. 62). Эти бусы, как и все остальные, были предметами античного производства, доставлявшимися на Поднепровье главным образом из Ольвии.

МЕСТО ГОРОДИЩА МОНАСТЫРЕК СРЕДИ ЗАРУБИНЕЦКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Подводя итоги рассмотрению ранних материалов поселения Монастырек, можно констатировать, что первоначальными обитателями этой местности были племена среднего этапа трипольской культуры. Их поселение носило здесь, скорее всего, временный характер, обусловленный сезонным пребыванием, целью которого была добыча раковин Унио, употреблявшихся тогда в качестве пищевого продукта.

В эпоху бронзы Монастырек превратился в одно из многочисленных селищ того времени, цепочкой располагавшихся по берегам Днепра — ближайшее такое поселение известно в 1,5 км от Монастырька на Малой Горке [Бондарь, 1974, с.88]. Удобное для животноводства и рыболовства расположение Монастырька, находившегося к тому же в труднодоступной местности, способствовало длительному пребыванию здесь населения в эпоху бронзы, на что указывают многочисленные фрагменты многоваликовой и шнуровой керамики.

В раннескифское время на Монастырьке был небольших размеров поселок, связанный с жителями находившегося неподалеку Трахтемировского городища, о чем свидетельствуют немногочисленные находки материалов VI в. до н.э. Предположение о том, что Монастырек был прибрежным укрепленным форпостом большого Трахтемировского вала, принять нет оснований, поскольку здесь отсутствуют укрепления скифского типа и встречено незначительное количество скифского археологического материала, которого должно было бы быть несравненно больше, играй Монастырек в обороне Трахтемирова сколько-нибудь важную роль.

С рубежа III—II вв. до н.э. Монастырек становится зарубинецким поселением, которое продолжало существовать до самого конца зарубинецкой культуры на Среднем Поднепровье, т.е. до рубежа I—II вв. н.э.

Зарубинецкое поселение было крупным и многолюдным. На это, в частности, указывают многочисленные находки, встреченные в культурном слое, хозяйственных ямах и сооружениях как Восточного, так и Западного городищ. На интенсивность заселенности Монастырька указывают многочисленные хозяйственные ямы-погреба, которые, как известно, сопровождали каждое зарубинецкое жилище.

Анализ зарубинецкой керамики, античной посуды и фибул Монастырька позволил внести определенные коррективы в зарубинецкую хронологию, а изучение устройства оборонительных сооружений, конструкций жилых и хозяйственных построек подтвердило мнение о важной роли этого памятника среди других зарубинецких городищ Среднего Поднепровья.

ГЛАВА III

СЛАВЯНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ VIII–X вв. БЛИЗ хут. МОНАСТЫРЕК

Большое значение для понимания исторических процессов, протекавших в период формирования Древнерусского государства, имеет изучение археологических памятников VIII–X вв. В этом отношении материалы Монастырька, одного из крупных поселений этого времени на Среднем Днепре, представляют несомненный интерес. Археологическим исследованиям подвергалась примерно шестая часть памятника, однако полученный материал, представленный 30 жилищами, хозяйственными ямами и разнообразными находками, характерными для поселений этого времени, является ценным источником для изучения этнокультурной истории населения Правобережья Среднего Поднепровья в период становления и первых веков существования Древнерусского государства.

УКРЕПЛЕНИЯ, ПЛАНИРОВКА ГОРОДИЩА И УСТРОЙСТВО ЖИЛИЩ

Одним из важных вопросов, возникших при изучении памятника, было выяснение характера укреплений и их датировка. Положительный ответ о наличии укреплений в VIII–X вв. дали раскопки Западного городища (рис. 63) [Петрашенко, 1985, с.72–73].

Укрепления Монастырька являются результатом деятельности населения разных эпох (рубежа нашей эры, VIII–X вв. и XII–XIII вв.), что усложняет их интерпретацию для каждого исторического этапа. В этой связи необходимо остановиться на общей характеристике укреплений славянских городищ VIII–X вв. В оборонительных сооружениях этого времени первостепенное значение имели естественные препятствия, которые создавал рельеф местности. Из искусственных земляных сооружений наибольшее значение имели рвы и подрезка склонов холмов, на которых располагались укрепления; валы играли меньшую роль, по гребню валов, возможно, устраивались деревянные ограждения в виде частокола. Если городище имело сложномысовый характер, то каждая из площадок с напольной стороны была ограждена валом и рвом. По боковым сторонам городища земляных укреплений не было [Раппопорт, 1956, с.24].

В какой же мере эти общие закономерности в устройстве обороны на славянских городищах VIII–X вв. находят подтверждение в материалах Монастырька? Прежде всего следует отметить, что рельеф местности, где расположен памятник, наилучшим образом отвечает потребностям обороны. Оба городища и даже селище практически были неприступны с трех сторон благодаря глубоким оврагам и реке, и только напольная часть оставалась доступной для врага. Проведенные работы подтвердили наличие искусственных укреплений именно с напольной стороны. Система укреплений VIII–X вв. представилась в следующем виде: городища не имели земляного вала по всему обводу, а края площадок, по-видимому, были укреплены частоколом или оборонительной стеной. В разрезах по краю городищ зафиксированы горелые слои – остатки оборонительной стены, которая находилась на спланированной ровной площадке (рис. 64). Причем в завале обуглившихся колод как на Восточном, так и на Западном городище обнаружена керамика VIII–X вв., что позволяет датировать заграждения этим временем. Сожженная деревянная стена соответствует слою пожара IX–X вв., от которого погибли большинство жилищ этого времени.

Кроме оборонительной стены городища были также укреплены крутыми откосами, а с юго-восточной стороны – и эскарпом. Время сооружения последних трудно да-

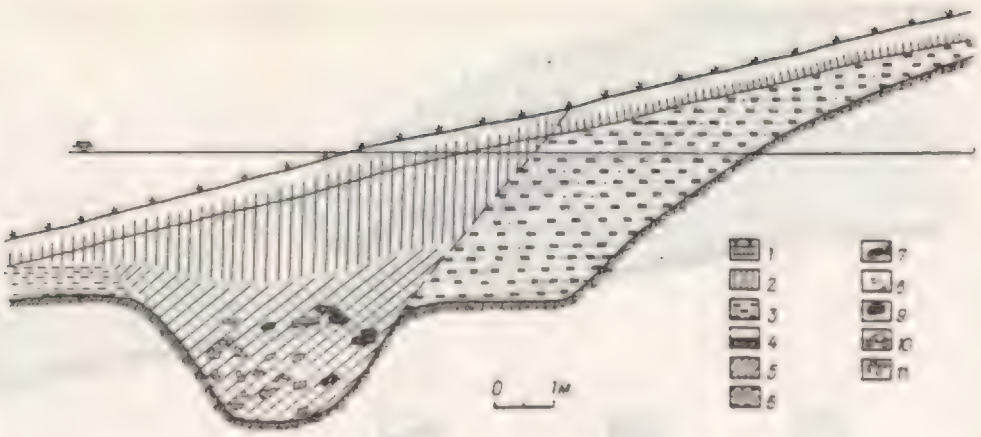


Рис. 63. Разрез рва и вала Западного городища:
1 — дерн; *2* — чернозем; *3* — засыпка вала; *4* — материк; *5* — заполнение рва; *6* — выброс лесса из рва; *7* — горелое дерево; *8* — зольные пятна; *9* — куски обожженной глины; *10* — камни; *11* — фрагменты керамики.

тировать, так как откосы и эскарпы широко использовались как населением зарубинецкой культуры, так и славянами. Но совершенно очевидно, что при любой их датировке откосы являлись для славян важным элементом обороны.

Разрез вала с напольной стороны Восточного городища не дает однозначного ответа о сооружении в этом месте вала в VIII—X вв., поскольку в его заполнении отсутствуют материалы этого времени, хотя и здесь идет мощный горелый слой. Более определенно можно говорить о существовании рва и вала в VIII—X вв. с напольной стороны Западного городища. Ширина этого рва 3,20—3,30 м, глубина 2,55 м, вал на поверхности почти не заметен, его высота от основания до современной поверхности составляет 2,0 м (рис. 63). На дне рва обнаружены куски горелого дерева, камни и керамика VIII—X вв., что надежно датирует укрепления этим временем, укреплений же древнерусского времени на Западном городище не было, так как в это время здесь находился могильник XI—XIII вв. Кроме того, укрепления Западного городища резко отличаются размерами и конфигурацией от укреплений Восточного. Ров Западного городища почти в два раза меньше рва Восточного. Последнее имело кольцевой вал, что характерно для древнерусских крепостей XI—XIII вв., Западное — вал и ров лишь с напольной стороны, что является характерной особенностью укреплений VIII—X вв.

Сразу за рвом на склоне Западного городища обнаружено жилище VIII—X вв., т.е. поселение продолжалось за пределами укреплений городища, что отражает характерную для славянских сложномысовых городищ топографию. Третья площадка, названная нами селищем, возможно, также в VIII—X вв. имела искусственные укрепления. Разрез края площадки с напольной стороны выявил здесь два рва, однако в их заполнении не обнаружено никакого материала, что затрудняет датировку. Недостаточная изученность селища не позволяет со всей определенностью датировать эти рвы.

Планировка поселения зависела прежде всего от топографии местности (рис. 65). Жилища и хозяйственные постройки располагались тремя рядами вдоль длинной стороны площадки. Расстояние между домами было различным: от 4 до 12 м. При этом одни постройки стоят обособленно, другие образуют группы. Исследованы ямы-погреба для хранения зерна, изолированные от жилищ (комплекс ям на краю городища).

Жилища имели прямоугольную форму. Примерно 65 % из них площадью от 11 до 16 м^2, 20 % — 9—10 м^2, остальные — от 16 до 20 м^2. Все жилища углублены в грунт, глубина их от современной поверхности колеблется в пределах 0,6—1,8 м, но преобладают постройки глубиной 1,0—1,2 м; в материке котлован отрыт на глубину 0,4—0,8 м с преобладанием построек глубиной 0,6 м. Ориентированы жилища на Восточном городище в основном стенами по сторонам света, на Западном — углами, что обусловлено характером топографии местности — жилища были обращены фасадами к Днепру или оврагу. В некоторых жилищах прослежен вход в виде материковой ступеньки — он обычно располагался с южной стороны.

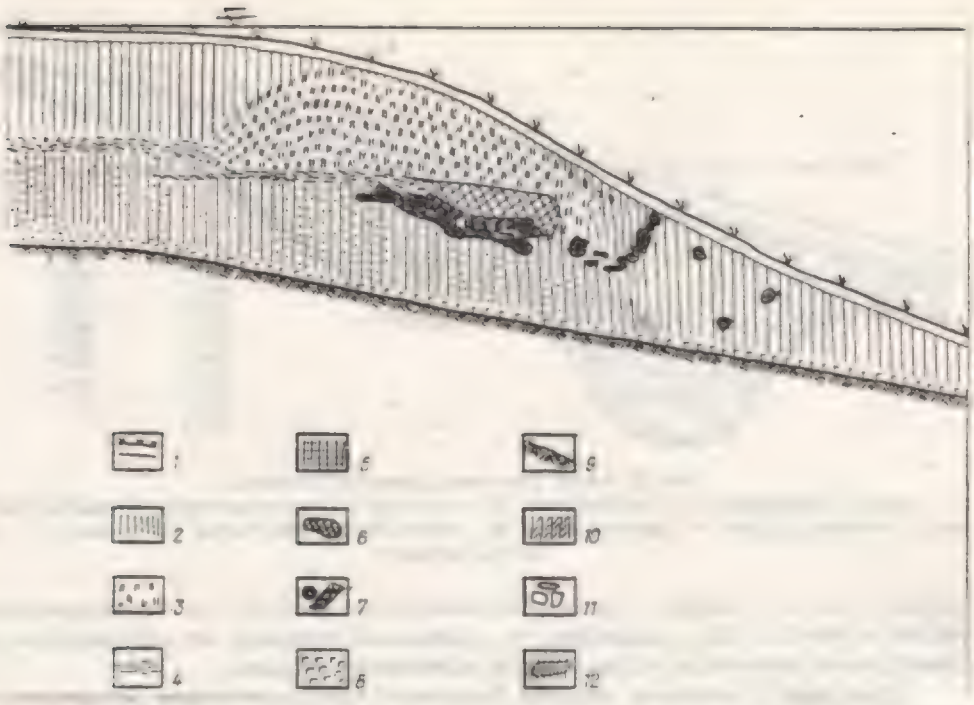
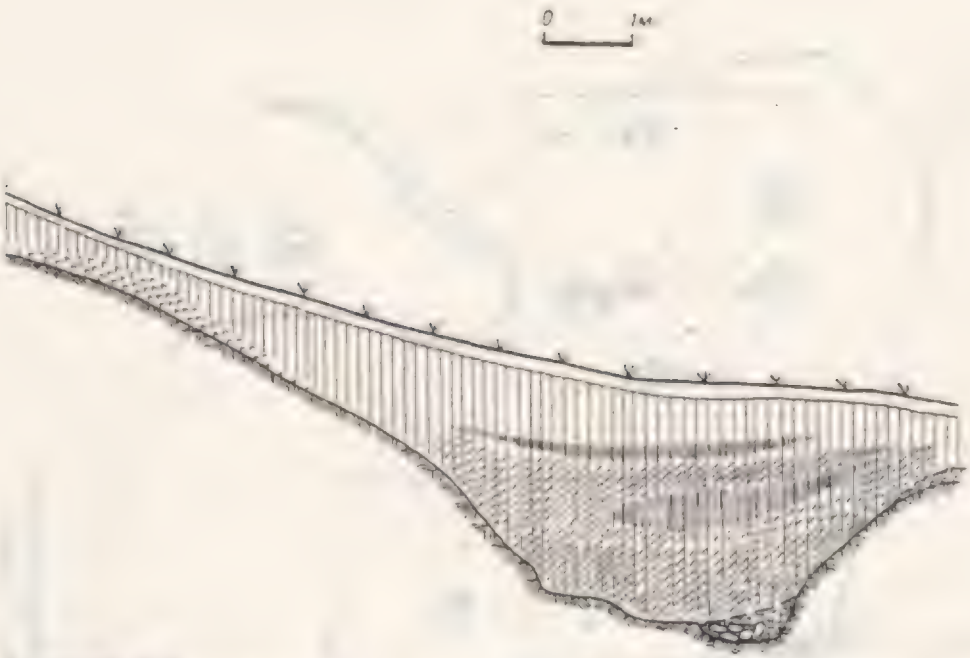


Рис. 64. Разрез юго-восточного
1 — дерн; *2* — чернозем; *3* — гумусированная глина; *4* — материковая глина; *5* — погребенная
9 — материк; *10* — гумус заполнения рва;

Пол в жилищах, скорее всего, был материковый, что подтверждается значительным его понижением в центре, где он вытаптывался. Для реконструкции построек первостепенное значение имеет воссоздание характера стен и кровли. Благодаря остаткам обуглившихся во время пожара деревянных стен можно предложить несколько вариантов жилищ, бытовавших на городище. Большинство построек — каркасно-столбовой конструкции, при которой стены обкладывались плахами шириной 10—15 см. Жилища по периметру котлована имели прослойку белого или серого цвета шириной 20—25 см. Очевидно, пространство между стенкой котлована и деревянным каркасом забутовывалось материковой глиной, а иногда гумусом с включением камней. Плахи прижимались столбами по углам, реже — и посередине стен. В углах жилища № 18 сохранились обуглившиеся столбы-стояки на высоту 0,45—0,5 м. Диаметр таких столбов около 20 см. В жилище № 26 деревянный каркас, находившийся в углубленной части постройки, состоял из двойного ряда расколотых пополам бревен. В основу реконструкции славянского жилища VIII—X вв. положено жилище № 26 (рис. 66).

В среднем четыре-пять полубревен находилось в углубленной части постройки и, видимо, не менее шести-восьми — над ней. В жилище № 26 у одной из стен были обнаружены три полубревна шириной около 15 см, лежащих одно над другим. Так как древняя поверхность на городище, судя по наблюдениям, находилась на 0,35 м выше материка, следовательно, в котловане могло находиться четыре-пять таких бревен. Наружная часть постройки, возможно, обмазывалась глиной. Скопления глиняной обмазки от кровли и стен встречались при разборке многих жилищ. Они представляли собой завалы докрасна обожженной глины в результате пожара, сконцентрированные в углах и вдоль стен котлованов.

О высоте построек судить трудно, поскольку не обнаружено опорных столбов для конька или плах, составлявших стену. Предположительно, стены должны были иметь высоту 1,7—1,9 м. Если жилище было углублено на 0,7—0,9 м, а расстояние от гребня кровли до верхнего бревна равнялось 1,3—1,5 м, то общая высота от пола до гребня равнялась 3,1—3,4 м, а высота наземной части — соответственно 2,3—2,6 м. Построй-



склона городища:
почва; *6* — обожженная глина; *7* — остатки сгоревших конструкций; *8* — предматерик; *11* — камни; *12* — следы естественного заплыва рва.

ка, таким образом, имела значительную высоту. Отсутствие в преобладающем большинстве жилищ углублений, обычно фиксирующих вход, является косвенным свидетельством значительной наземной высоты здания, так как при этом исчезает необходимость увеличивать высоту дверного проема за счет понижения входа.

Для восстановления характера кровли материалы раскопок, как правило, не содержат информации. Все же некоторые жилища Монастырька свидетельствуют о применении деревянно-земляной кровли. Так, котлован жилища № 10 был перекрыт завалом глины толщиной 20—25 см. Глиняная обмазка лежала сплошным массивом и не содержала отпечатков плетня, поэтому не может быть принята за обмазку стен, а, скорее всего, являлась завалом крыши. Деревянный каркас крыши перекрывался соломой, на которую наносился слой глины, а также, по-видимому, укладывался дерн.

Есть некоторые данные, характеризующие внутреннее устройство дома. В одном из углов находилась массивная печь. Чаще всего она сооружалась прямо на полу или на невысокой подсыпке. Топка выкладывалась крупными камнями, поставленными на ребро, тыльная часть сооружалась из мелкого песчаника, который скреплялся глиной. Такая печь облицовывалась деревом; обуглившиеся плахи, прижатые к стенкам печи, не раз были зафиксированы во время раскопок. В жилище № 26 обнаружены остатки обуглившихся досок, расположенных между печкой и короткой стенкой постройки. Ширина досок 0,30 м, толщина 5—6 см, длина их приблизительно составляла 2 м. Вероятно, это остатки нар.

В одном из углов печи жилища № 26 расчищен обуглившийся столбик, прижимавший доски к каменным стенкам печи. При такой конструкции находят объяснение ямки от небольших столбиков, расположенные по углам печей-каменок, часто встречавшихся при археологических раскопках. Топка, по-видимому, перекрывалась специально подобранными несколькими плоскими камнями, которые при необходимости могли легко заменяться новыми.

Кроме каменок на городище бытовали вырезанные в уплотненном глиняном массиве прямоугольные печи со сводом из вальков и хорошо обожженным глиняным подом.

Рис. 65. План застройки Восточного городища в VIII—X вв.:
I — жилища; II — хозяйственные ямы; III — овраг.

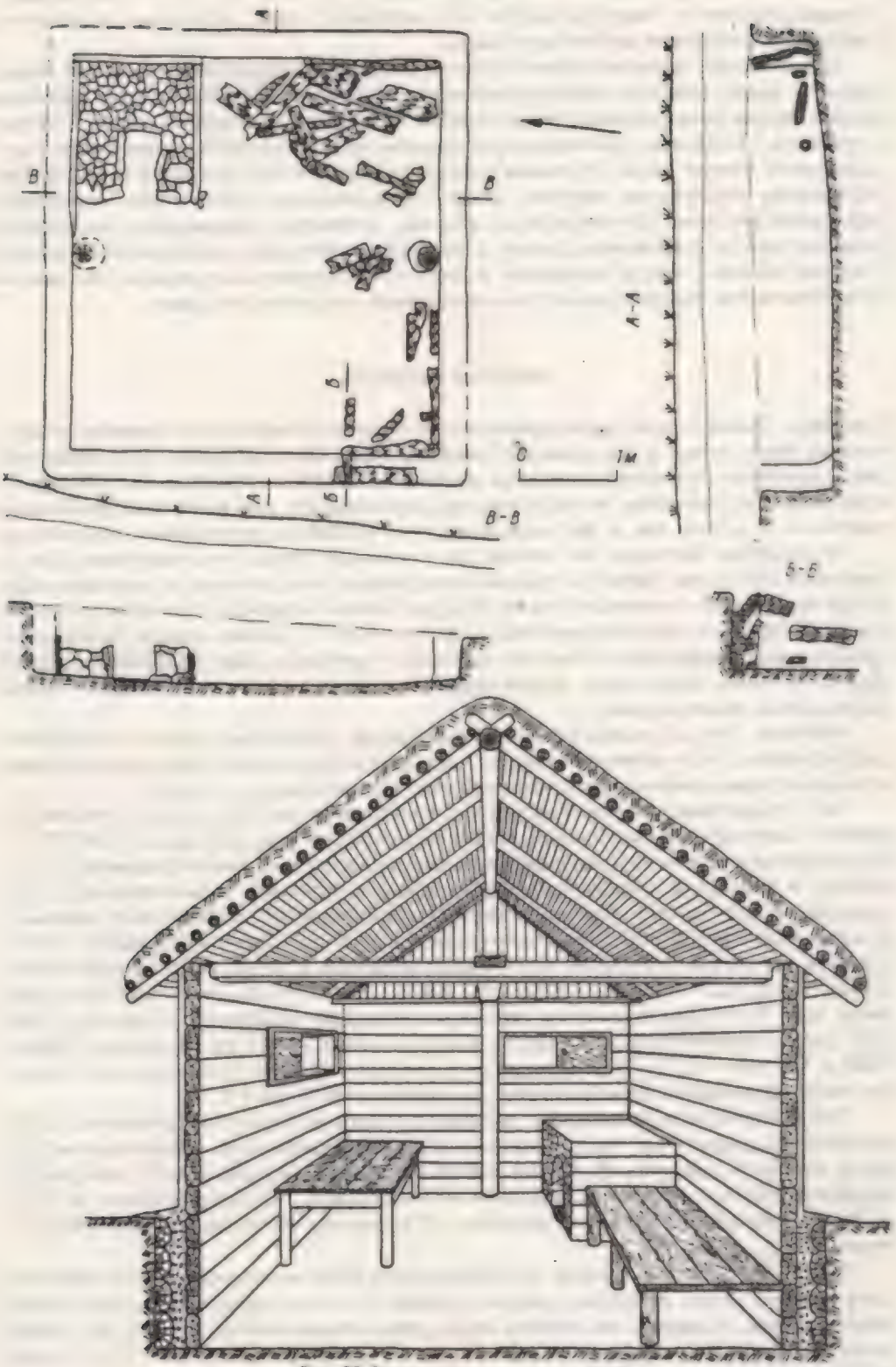


Рис. 66. Реконструкция жилища № 26.

Топка в этих печах укреплялась камнями, сверху, как и в каменках, находилась глиняная жаровня, которая, скорее всего, была несъемной и входила в конструкцию печи.

Местоположение печей было разнообразным, однако можно отметить преобладаю-

щее размещение ее в северной части постройки. Так, около 75 % печек расположено в северо-восточном, северо-западном или северном углах, остальные размещались в южном, юго-западном или юго-восточном.

Кроме жилищ население поселка строило также различные сооружения для хозяйственных целей. Наиболее распространенными из них были ямы-погреба для хранения зерна и других сельскохозяйственных продуктов. Часть ям диаметром до двух метров и глубиной 1,8–2,8 м от современной поверхности имела колоколовидную форму с расширением в нижней части. По периметру стен на уровне пола и на высоту 15–20 см яма укреплялась небольшими камнями, сверху подмазанными слоем глины, подмазывалось также дно ямы. Остальная часть, видимо, оставалась материковой. Перекрытие этих построек не сохранилось, однако в заполнении почти всех ям встречаются завалы глиняной обмазки, иногда попадались куски глины с отпечатками жердей. Над такими погребами могли сооружаться небольшие наземные постройки типа сарая.

ВЕЩЕВОЙ МАТЕРИАЛ

Керамика. Подавляющая масса керамики, как и других находок этого времени, обнаружена на полу жилищ и при разборке развалов печей. В культурном слое находились лишь единичные экземпляры, но и они располагались вблизи объектов. Это обстоятельство позволяет полностью использовать весь материал как для выяснения хронологии памятника в целом, так и его периодизации на основании датирующих комплексов.

На поселении бытовала как лепная, так и круговая посуда, что характерно для памятников VIII–X вв. Различные приемы изготовления ее отразились на характере обработки поверхности и примесях в тесте. Если для лепной керамики характерно сочетание шамота и дресвы в качестве примесей, то для круговой – шамота и песка. Поверхность лепных сосудов чаще всего бугристая, круговых – заглажена. Цвет поверхности обычно буро-коричневый, реже серый, иногда красный, в изломе черепок независимо от приема изготовления красно-черный.

Наиболее употребляемой формой керамической посуды был горшок. Статистическая обработка этой категории находок приведена в приложении. Здесь мы остановимся лишь на характеристике целых экземпляров, сгруппированных в типы.

Тип I представлен лепными сосудами с отклоненной шейкой, прямым приближающимся к цилиндрическому плечом, венчик округлый или чаще косо срезан (рис. 67, *1*). Это стройные высокие сосуды, с высоким положением плеча, линия придонной части – прямая. В литературе горшки такого облика иногда называют тюльпановидными. Они характерны для целого ряда памятников правобережного Поднепровья, например Мокарова Острова (20 %), Каневского поселения (14 %), Луки Райковецкой (18 %) и других поселений. Эту группу И.П.Русанова выделила в IV тип по материалам корчакской культуры [Русанова, 1973, с.11, рис. 2], а Б.А.Тимощук относит ее к керамике типа Луки Райковецкой на территории Северной Буковины [Тимощук, 1976, с.23, рис. 9]. Встречаются такие горшки и на поселениях VI–VII вв. Закарпатья [Пеняк, 1980, с.132, рис. 51 12]. Это наиболее ранняя группа сосудов на Монастырьке; учитывая реконструированные верхние части, она составила не более 2 %.

Тип II составляют лепные очень высокие сосуды с высоким расположением плеча, отклоненной шейкой или косо срезанным венчиком, украшенным насечками или пальцевой вмятиной (рис. 67, *2*). Форма тулова яйцевидная. Сосуды такого типа широко распространены на славянских памятниках Поднепровья, где они составляют от 20 до 41 %. В коллекции Монастырька примерно 15 % верхних частей сосудов соответствуют этому типу.

Тип III – это лепные горшки, по профилировке почти не отличающиеся от предыдущего типа, но с очень раздутым туловом, диаметр по тулову немного превышает общую высоту сосуда, а диаметр по венчику почти равен общей высоте (рис. 67, *3*). Венчик округлый, часто с пальцевыми вдавливаниями по краю. Для поселений VIII–X вв. это сравнительно редкие формы. Аналогичный сосуд найден на Каневском поселении [Мезенцева, 1965, с.72, рис. 35].

Тип IV представлен примитивно-круговыми горшками со слабо отклоненной шейкой и выпуклым округлым плечиком, венчик косо срезан (рис. 67, *4, 5*). Это высокие

Рис. 67. Городище Монастырек. Горшки VIII–X вв.:
1 – тип I; *2* – тип II; *3* – тип III; *4, 5* – тип IV; *6, 7* – тип V.

сосуды, отличающиеся от предыдущих типов более низким положением плеча, основание которого приближается к середине сосуда. Горшки этого типа на Монастырьке составляли не более 5 %. Они характерны и для других памятников Среднего Поднепровья, например поселения Луг I (12 %), Макарова Острова (5 %), Ходосовки (4 %).

Тип V – это круговые высокие горшки с низким расположением плеча (рис. 67, *6, 7*). Они отличаются высокой почти цилиндрической шейкой, срез венчика плоский. Сосуды орнаментированы по тулову "волной" и линиями. По форме они являются подражанием лощеным сосудам волынцевского типа, отличаясь от них технологией изготовления. Поверхность горшков из Монастырька не имеет лощения, они по структуре глиняного теста и обработке поверхности не отличаются от других керамических изделий этого памятника.

Тип VI составляют высокие круговые горшки с короткой отклоненной наружу шейкой, прямым длинным плечом, венчик косо срезан, линия придонной части слегка

Рис. 68. Городище Монастырек. Горшки VIII–X вв.:
1, 2 – тип VI; *3–7* – тип VII.

вогнута 1 (рис. 68, *1, 2*). Вся поверхность орнаментирована "волной" и линиями. Горшки такого облика найдены в Киеве, на Макаровом Острове, Луке Райковецкой. В рассматриваемой коллекции они составляют примерно 4 %.

Тип VII представлен горшками примерно таких же пропорций, как и сосуды предыдущего типа, но плечо короткое, округлой формы, иногда прямое с резким ребристым переходом в тулово сосуда, венчик с утолщением в виде "манжетки" (рис. 68, *3–7*). Сосуды орнаментированы по всему тулову. Они широко распространены на памятниках VIII–X вв., на Монастырьке составляют примерно 24 % всех круговых горшков.

Как видим, аналогии посуде Монастырька находят на ряде памятников типа Луки Райковецкой, близкие ей формы дают также материалы Каневского поселения и слоев VIII–X вв. Киева. Коэффициент сходства сосудов по всем показателям между керамикой Монастырька и Киева составляет около 80 %, Монастырька и Каневского поселения – около 70 % [Петрашенко, 1982, с.7]. Особенно большое сходство имеет круго-

вая посуда Монастырька с круговой керамикой Киева IX–X вв. по технологии и орнаментации. Исследователи отмечают, что в большинстве своем эта керамика толстостенная, нередко с примесью дресвы, на три четверти покрыта орнаментом [Толочко, 1981, с.293].

Лепная посуда наиболее близка керамике VIII в. из Сахновки (поселение в седловине между горами Девица и Дегтярная). Много общих типов существуют также между лепной посудой Монастырька и лепными горшками Вольнцевского поселения, Ходосовки, что, по-видимому, объясняется наличием на этих памятниках слоя VIII в. Характерной особенностью лепной посуды этого времени является орнаментация венчика пальцевыми вмятинами или лунками, а также насечками или нарезами. Украшенная таким образом посуда достигает 80 % общего числа горшков.

Сравнительный анализ диаметра днищ дал следующие результаты. Диаметр дна подавляющего количества сосудов (64 %) составил 8–10 см, 19 % горшков имели диаметр 5–7 см и 17 % – 11–13 см. Поверхность большинства днищ была ровной, но в небольшом количестве встречаются вогнутые днища, с закраинами, несколько экземпляров имеют следы от подставки круга в виде шестигранника, прямоугольника или круга.

Кроме горшков на поселении были распространены и другие виды посуды. В большинстве жилищ встречались обломки или развалы сковородок, из них удалось реконструировать 16 экземпляров. Это округлые по форме изделия, напоминающие современные сковороды. Они различаются размерами: четыре экземпляра имели диаметр дна 28–30 см, три – 26 см, пять – 22–24 см, три – 20–21 см и один – 14 см. Бортик в основном вертикальный, реже слегка отклонен наружу, высота его 1–2 см от внутреннего дна сковородки, толщина дна 2–2,5 см. Венчик чаще всего округлен или реже округлен и косо срезан с внутренней стороны, встречаются также изделия с горизонтально срезанным венчиком, орнаментированным косыми насечками.

При разборке печей часто встречаются обломки глиняных блюд, в тесте которых использовались в большом количестве растительные примеси, которые, выгорая, делали черепок пористым и легким. Эти изделия имели близкую к прямоугольной форму, высокие (10–13 см) вертикальные бортики толщиной 2–2,6 см и толстое дно (3–4 см). Противни размещались сверху на печке-каменке и использовались в качестве сушилок главным образом для подсушивания зерна. На дне некоторых экземпляров сохранились обуглившиеся зерна пшеницы – полбы. Глиняные сушилки-противни – частая находка на многих славянских поселениях, они встречены, в частности, на Каневском поселении, городище Титчиха на Дону, Новотроицком городище, поселении Лука Райковецкая [Мезенцева, 1965, с.15; Москаленко, 1965, с.306; Ляпушкин, 1958, с.33; Гончаров, 1963, с.170].

На поселении найдены также миски-цедилки. По мнению исследователей, они являются показателем хорошо развитого молочного животноводства [Тимощук, 1976, с.104]. Это низкие сосуды, высотой 13–15 см, диаметр венчика, как правило, в два раза превышает высоту сосуда, диаметр дна 6–14 см. В месте перехода дна в стенку имеется небольшое отверстие для сцеживания сыворотки (рис. 46, *2*).

Небольшую коллекцию керамических находок составляют пряслица. Всего в жилищах обнаружено десять пряслиц; пять биконической формы и пять – овальной. Толщина этих изделий до 1,0–2,5 см, преобладают пряслица толщиной 2–2,5 см, диаметр отверстия 0,5–1,2 см, но большинство экземпляров имеют отверстие 0,7–1,0 см.

Изделия из металла и других материалов. Изделия из металла представлены орудиями труда, оружием, украшениями, монетами, различными предметами домашнего обихода. Наиболее массовой находкой этого рода являются ножи. Коллекция их состоит из 25 экземпляров. Ножи имеют длину 8–13 см, но преобладают изделия длиной 10–13 см, длина черенка 4,5–6 см, длина лезвия 7–12,8 см, ширина лезвия 1,2–2,3 см, толщина спинки 0,2–0,5 см. Форма спинки прямая, уступ хорошо выражен, скошен или перпендикулярный.

Для обработки дерева применялись тесла и резцы. Тесло из Монастырька имеет тонкое и сравнительно широкое лезвие, которое постепенно сужается и переходит в обух. Длина его 20 см, ширина лезвия 8 см, ширина обуха 3 см. Конструктивно оно напоминает топор и отличается лишь поперечным расположением лезвия. Орудий такого типа известно немного. Они встречаются в слоях VIII–X вв. Левобережья Днепра (Но-

вотроицкое городище) [Ляпушкин, 1953, с.20], на Днестре (Рухотин 2) [Тимощук, 1976, с.43, рис. 18, 33]. Резец имеет общую длину 10 см, один конец его заточен и сужен, второй уплощен и загнут (рис. 23, *6*). Аналогичные изделия найдены на Каневском поселении [Мезенцева, 1965, с.100, рис. 52, *1*]. Оружие представлено лишь наконечниками стрел. Это черенковые ланцетовидные наконечники. Один из них происходит из слоя, другой — из жилища VIII—X вв. Длина их 10—12 см, ширина пера 1,5 см. Такие наконечники характерны для IX — первой половины XI в. [Медведев, 1966, с.73, рис. 30, 59]. В культурном слое городища обнаружены также втульчатые двушипные наконечники стрел, распространенные в VIII — первой половине XIII в. [Медведев, 1966, с.56]. На Западном городище найден тупоугольный наконечник, характерный для кочевников южных степей. На территории Южной Руси распространение таких наконечников относится к IX—XIII вв. и связано с постоянными набегами на эти земли печенегов, половцев и торков [Медведев, 1959, с.166].

Из бытовых вещей примечательна находка ключа от замка (жилище № 42), представляющего собой изогнутый под прямым углом круглый в сечении стержень с кольцом на одной из сторон и загнутым краем на другой (рис. 29, *4*). Толщина стержня около 1 см, длина короткой стороны 9 см, длинной — 17 см. Это наиболее примитивная схема замка с деревянным корпусом. Подобные замки в Новгороде использовались в IX—X вв. [Колчин, 1982, с.161—162]. Описанные ключи найдены на памятниках середины I тыс. н.э. [Соловьева, 1952, с.183], что указывает на их глубокую древность.

Изделий из цветного металла обнаружено немного. Этот материал употребляется главным образом для изготовления украшений костюма. Выделяются два экземпляра почти аналогичных серег. По форме они напоминают лунницу с литым привеском с обеих сторон, украшенную псевдозернью (рис. 11, *6*; 31, *5*). Высота изделий 3 см, ширина 2,5 см. На одной из них орнамент состоит из ряда псевдозерни, расположенной по контуру лунницы с обеих сторон, а также двойного ряда полукруга с шишечкой в центре с одной стороны и двойного ряда зигзага — с другой. Второй экземпляр имеет одинаковый орнамент с обеих сторон — ряд псевдозерни по контуру и двойной круг с шишечкой в центре. Идентичные бронзовые серьги встречаются в погребениях Великой Моравии, где они датируются IX в. [Chropovsky, 1971, s.589].

В VIII—X вв. распространенным украшением были проволочные височные кольца с несомкнутыми концами. Такое кольцо встречено в жилище № 21 (рис. 18, *6*). Аналогичные украшения в большом количестве найдены на Новотроицком городище [Ляпушкин, 1958, с.31, рис. 77, *2*].

В хозяйственной постройке IX—X вв. найдена подвеска в виде бубенчика (рис. 33, *6*). Бубенчик бронзовый, вытянутой формы, полый внутри с прорезью в нижней части. На поверхности его заметны три грани. Близкий по форме и размерам бубенчик обнаружен на Новотроицком городище [Ляпушкин, 1958, с.31, рис. 17]. Эти изделия характерны и для Киевской Руси: в большом количестве они найдены на Княжей горе [Мезенцева, 1968, табл. V]. Неорнаментированные бубенчики с одной прорезью встречаются в трупосожжениях конца X — начала XI вв. [Мальм, Фехнер, 1967, с.134, рис. 20]. Неорнаментированные бубенчики грушевидной формы были распространены в древностях VIII—X вв. салтово-маяцкой культуры [Плетнева, 1967, с.141, рис. 36], Моравского Подунавья [Velka Morava, 1976, s. 170] и Болгарии [Вълкарова, 1976, с.228, обр. 142, *16*].

Среди украшений рассматриваемого памятника встречены также браслеты. Один из них представлен фрагментом из граненой проволоки. Такие изделия характерны для кладов IX в. [Корзухина, 1954, с.21]. Другой браслет сделан из трехгранной в сечении пластины с несомкнутыми краями, слегка суживающейся к концам. По бокам он украшен насечками (рис. 54, *2*). Аналогичные браслеты бытовали у населения салтово-маяцкой культуры [Ляпушкин, 1958, с.131, рис. 21], а также известны среди археологического материала древнерусских городов, в частности Родня [Мезенцева, табл. V, *15*].

Возможно, деталью перстня является орнаментированная пластина, обнаруженная в жилище № 1 на селище (рис. 54, *3*). Она вытянутой листовидной формы с чуть заметным по середине валиком, украшенным насечками. По обе стороны от валика расположены два ряда треугольников, выполненных штамповкой. Пластинчатые перстни были широко распространены в древнерусских городах: Киеве [Каргер, 1958, табл. IX], Родне [Мезенцева, 1968, табл. IV, *1, 12*] и др. Идентичный орнамент имеют и перстни из Владимирских курганов [Спицын, 1906, с.69, рис. 313] и Горчевских древностей

[Самоквасов, 1915, табл. XXXVII]. Аналогичные бронзовые пластины с таким же орнаментом, как и на пластине из Монастырька, в большом количестве обнаружены на территории ГДР (клад вблизи Дорова). Предполагается, что они служили застежками в крученых гривнах. Клад датируется рубежом X–XI в. [Will V., 1978, s.129–179].

На поселении в небольшом количестве найдены различные поделки из кости, стекла и камня. Среди находок из кости встречаются разнообразные предметы домашнего обихода. Наиболее массовой находкой являются костяные проколки-кочедыки, которые использовались как универсальное орудие для плетения сетей, нанесения орнамента при изготовлении глиняной посуды и т.д. Они встречаются на каждом поселении VIII–X вв. Изготовлялись кочедыки главным образом из трубчатой кости, один конец которой затачивался и полировался.

Кость широко использовалась для изготовления гребней. На рассматриваемом памятнике бытовали гребни двух типов. Первый представлен односторонним, вырезанным из одной заготовки экземпляром. Длина сохранившейся части 8 см, ширина 1,5 см, длина целого изделия составляла около 15–16 см. Такие гребни датируются VII–XIII вв. [Давидан, 1962, с.98]. Второй гребень составной односторонний, с орнаментированной накладкой (рис. 33, *3*). Длина сохранившейся части 6,5 см, ширина 1,8 см. Накладка узкая, выпуклая, по краям несколько выступает, поверхность ее украшена резным геометрическим орнаментом. Орнамент состоит из ромбов, выполненных двойной линией, верхних и нижних заштрихованных треугольников. Накладки соединены бронзовыми штифтиками. Составные гребни датируются IX–XI вв., но преимущественно бытовали в X–XI вв. [Давидан, 1962, с.99, рис. 8, 9]. Аналогичные гребни были широко распространены на памятниках IX–XI вв. Поднепровья, в частности в Киеве, Чернигове, Гнездове [Каргер, 1958, т.1, табл. VI; Богусевич, 1955, табл. 1, *2*; Сизов, 1902, табл. V, *8, 6, 10*].

На Западном городище найден костяной гребень, изготовленный из одной заготовки. Его общая длина 15 см, длина рабочей части 9 см. Ручка вытянутой формы с отверстием на конце для подвешивания (рис. 46, *4*). Вдоль спинки гребня нанесены глубокие насечки, кончики зубьев также имеют нарезы. Это изделие использовалось, скорее всего, в качестве инструмента в ткачестве, а также, возможно, для нанесения орнамента по сырой глине. Интересен также фрагмент костяной орнаментированной поделки, вероятно, амулет (рис. 21, *3*). Это изделие продолговатой формы, один конец которого вырезан в форме симметрично расположенных орлиных клювов, второй конец обломан. С внутренней стороны поверхность заполирована, с лицевой – украшена гравировкой. Рисунок выполнен традиционным для Руси мотивом "ромба с крючком" и представлял собой стилизованное изображение птицы. О развитом местном костерезном ремесле свидетельствуют находки многочисленных заготовок. Одна из них с одной стороны срезана в виде конуса, обе плоскости ее содержат следы насечек в виде заштрихованных прямоугольников, треугольников и крестиков (рис. 32, *9*). В жилищах иногда встречались небольшие полые внутри трубочки со следами обработки. Одна из трубочек тщательно заполирована и орнаментирована наколами, возможно, она относится к так называемой ворварке.

Среди находок в небольшом количестве представлены стеклянные изделия. Стекло на памятниках этого времени встречается редко. Наиболее распространенными в последней четверти I тыс. н.э. были одноцветные двух- или многочастные пронизки. Три экземпляра таких пронизок найдено на Монастырьке. Одна из них василькового цвета, остальные желтого и оливкового. На Правобережье Среднего Поднепровья такие бусы найдены на Макаровом Острове, Ходосовке [Линка, Шовкопляс, 1963, с.237, рис. 4, *9*; Сухобоков, 1977, с.61, рис. 8, *7*]. Эти бусы сделаны из тянутых стеклянных трубочек. Традиции их изготовления берут свое начало в странах Ближнего Востока еще в эпоху бронзы и раннего железного века. Одноцветные многочастные пронизки были распространены в Европе в течение всего I тыс. н.э. Пронизки василькового цвета преобладали в горизонтах VIII–IX вв. [Львова, 1968, с.82]. В одной из хозяйственных построек IX–X вв. обнаружена зеленого цвета бусина, изготовленная из тянутых стеклянных палочек. Подобные бусы являются продуктом массового серийного производства, наибольшее распространение их приходится на X в. [Львова, 1968, с.84].

По-видимому, основную массу стеклянных бус VIII–IX вв. на территории Поднепровья составили бусы массового производства, скорее всего, сирийского происхождения [Школьникова, 1978, с.97–104].

Распространенным материалом для изготовления различных вещей домашнего обихода был камень. На Монастырьке использовался главным образом местный камень: песчаник, а также гранит и различные сланцы. Из этих пород делали жернова, точильные бруски, пряслица, растиральники и грузила. Широко применялся камень для изготовления брусков-точил. Они, как правило, небольшого размера, длиной 5—10 см, на некоторых из них есть круглые отверстия для подвешивания; сохранился один экземпляр с продетым в отверстие бронзовым кольцом. Этот оселок из серого сланца, возможно жировика, прямоугольной формы, длиной 9,5 см, шириной 16 см (рис. 21, *б*). Подобные изделия, видимо, употреблялись для тонкой заточки лезвий. Камень использовался также как строительный материал, главным образом для сооружения печей.

ХРОНОЛОГИЯ СЛАВЯНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

В целом по находкам вещей памятник датируется VIII—X вв., но его материалы позволяют выделить два периода — VIII—IX и IX—X вв. Важным является выяснение нижней даты. В этом могут помочь находки монет в жилищах. Всего в них обнаружено три дирхема (741—742 гг., 761—762 гг., 814 г.). Жилища, в которых найдены монеты, не могли прекратить функционировать ранее второй половины VIII в. Именно это время следует считать нижней датой памятника. Этому соответствуют и наиболее ранние комплексы. Так, жилище № 9, в котором находился дирхем 761—762 гг., содержал в заполнении исключительно лепную керамику, близкую по форме посуде из поселения Сахновка на Роси (поселение между горами Девица и Дегтярная), которое датируется VII—VIII вв. [Приходнюк, 1976, с.101—119]. Это горшки с невысокой горловиной, слабо и среднеотклоненной шейкой, коротким средневыпуклым плечом, с насечками и пальцевыми вмятинами по краю (рис. 11, *2—4*). Примечательно, что это жилище было перекрыто ямой, заполненной шлаками и обломками круговой посуды IX—X вв. Следовательно, жилище запустело в то время, как городище продолжало функционировать.

На Западном городище два славянских жилища частично перекрывали друг друга. Более ранняя постройка содержала в основном фрагменты лепной посуды и фрагмент стенки примитивно кругового горшка с волнистым орнаментом. В то же время в более позднем жилище наряду с лепной посудой представлены горшки с развитой профилировкой и характерным манжетовидным утолщением по венчику. Интересно отметить также разницу в печах этих объектов. В позднем жилище находилась печь-каменка, в раннем — глиняная прямоугольная печь. Топка вырезана в плотном лессовом массиве и укреплена с внутренней стороны камнями, свод сооружен из глиняных вальков. Печь завершалась глиняным противнем, развал от которого перекрывал всю топку. Под глиняный, хорошо обожжен. Печи такого типа характерны для памятников VII—IX вв. Среднего Поднепровья. Они бытовали в уже упомянутой Сахновке, Ходосовке, Киеве [Орлов, 1972, с.96—106; Сухобоков, 1977, с.50—67; Толочко, 1970, с.49].

По характеру заполнения к более ранним относятся ряд жилищ (№ 4, 14, 16, 21, 22) и ямы № 70, 79. Все эти постройки не имеют следов пожара. В них преобладали лепные горшки, круговая посуда представлена несколькими целыми сосудами, а также фрагментами стенок круговых горшков, богато орнаментированных врезными линиями и многорядной волной, выполненной гребенкой. Они принадлежат тонкостенным круговым горшкам, изготовленным из хорошо отмученной глины с тщательно заглаженной поверхностью. В глиняное тесто не примешивали шамот, что отличает эту посуду от круговых горшков более поздних комплексов. По технике исполнения она близка круговой керамике салтово-маяцкой культуры, хотя форма у нее славянская. В культурном слое также встречается керамика подобного облика. Из датирующих вещей в этих комплексах были найдены височное кольцо из медной проволоки с несомкнутыми концами и костяной гребень, которые датируются VIII—X вв., но наиболее широко распространены в VIII—IX вв. [Ляпушкин, 1958, с.31; Давидан, 1962, с.98].

Исходя из приведенных данных, нижний горизонт славянского городища Монастырек можно датировать второй половиной VIII — серединой IX в.

Больше всего датирующих вещей связано с поздним горизонтом этого памятника, что вполне закономерно, если учесть то обстоятельство, что поселение погибло буквально в один день в результате какого-то нападения. Почти все постройки сгорели в огне, были сожжены также частокол и другие деревянные части укреплений.

В жилище № 2, где преобладала круговая посуда, находился дирхем 814 г., позволивший датировать весь комплекс не ранее этой даты. В жилище № 1 на селище вместе с лепной и круговой керамикой обнаружен дирхем 741–742 гг. В данном случае монета встречена с целой группой вещей, датируемых VIII – началом XI вв. Это браслет, стеклянные бусы-пронизки, фрагмент перстня, железный наконечник стрелы. Некоторые из этих вещей датируются более узко, в пределах IX – начала XI вв., например ланцетовидный наконечник стрелы [Медведев, 1966, с.73], X–XI вв. – фрагмент перстня [Спицын, 1905, с.69]. Корреляция вещей этого комплекса показывает, что весь материал относится к X в., видимо, эту дату следует считать временем гибели жилища.

В целом в комплексах, относящихся к этому горизонту, встречается как лепная, так и круговая посуда. Из датирующих вещей, кроме перечисленных выше, в них найдены половинка бубенчиковидной подвески с прорезью внизу, подковообразная фибула, односторонний составной гребень с орнаментированной накладкой, бронзовые сережки луковидной формы с привеском, одноцветные бусы из тянутых стеклянных палочек, трехчастные пронизки. Набор этих вещей характерен для слоя IX–X вв. Примечательно, что названные вещи встречаются, как правило, в памятниках IX–XI вв. (Шестовицы, Киев, Гнездово). Подковообразные железные фибулы характерны для слоя X в. Новгорода [Колчин, 1959; с.111, рис. 96, *1–3*]. Вместе с тем часть материала из этих комплексов относится к VIII–X вв. В частности, стеклянные бусы, встречающиеся в этих комплексах, бытовали в пределах VIII–X вв. [Львова, 1968, с.82–84].

В жилище № 1 на селище, а также в хозяйственной яме № 87 обнаружено по одному фрагменту керамики с пролощенными линиями. Это, несомненно, привозная посуда, происходящая из районов волынцевской культуры. Керамика с пролощенными линиями, как известно, бытовала на Пастырском городище, Волынцевском поселении, Ходосовке, отдельные ее экземпляры встречаются в Киеве. Она датируется исследователями VII–IX вв.

Принимая во внимание наличие в этих жилищах как лепной, так и круговой посуды (в процентном отношении эти группы равны), дирхемов VIII–IX вв., а также все остальные датирующие вещи, этот слой городища следует относить ко второй половине IX – середине X в.

Установление даты памятника подводит к вопросу о причине его гибели. Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо рассмотреть историческую ситуацию, сложившуюся в Среднем Поднепровье в середине X в. На это время приходится формирование Древнерусского государства, заключавшееся в объединении всех славянских земель под властью киевского князя. Централизаторская политика киевских князей наталкивалась на враждебную тенденцию племенных княжений, стремившихся сохранить свою самостоятельность. Такая ситуация на Руси характерна для всего X в. [Брайчевский, 1968, с.18]. Эти обстоятельства необходимо учитывать, выясняя причины гибели крупных населенных пунктов, к каковым относится и рассматриваемый памятник. Все же, как нам представляется, Монастырек погиб не от рук дружинников киевского князя. Ведь это поселение находилось на южном пограничье Древнерусского государства и, несомненно, уже тогда занимало значительное место в обороне Южной Руси от кочевников, поэтому уничтожение его киевскими князьями представляется маловероятным.

В то же время есть целый ряд свидетельств об активизации на рубеже IX–X вв. на территории южной части Восточной Европы кочевников-печенегов. К середине X в. печенеги занимали огромные степные пространства. Их продвижение по Степи и в Лесостепь отмечено гибелью многих поселений, замков и даже городов (на Таманском полуострове) [Плетнева, 1983, с.27]. Первое появление печенегов на Руси "Повесть временных лет" относит к 915 г., когда, натолкнувшись на сопротивление со стороны русской дружины, они заключили мир с Русью и откочевали к границам Болгарии и Венгрии [ПВЛ, 1950, с.31].

Следующий эпизод 968 г. связан с осадой печенегами Киева [ПВЛ, 1950, с.47]. Исследователи не раз отмечали, что летопись отражает наиболее яркие и значительные эпизоды русско-печенежских столкновений. Несомненно, их было гораздо больше, они охватывают конец IX – начало XI вв., но наиболее активно ведут себя печенеги в X в. Результатом их активизации явилось то обстоятельство, что южную границу Киевской Руси в конце X в. пришлось перенести в район Стугны, ближе к Киеву [Толочко, 1975, с.13].

В археологическом материале есть некоторые данные, подтверждающие изложенное выше мнение. В жилище, расположенном сразу за рвом и валом на Западном городище и содержащем несомненные следы пожара, обнаружен наконечник стрелы – срезень тупоугольный, типичный для кочевников южных степей. Они найдены в Саркеле в слое IX–XI вв. На территории Южной Руси распространение таких наконечников стрел относится к IX–XIII вв. и связано с постоянными столкновениями населения этих земель с кочевниками [Медведев, 1959, с.166].

Городище Монастырек расположено у брода, который в течение XI–XIII вв. часто использовался для переправы как русскими князьями, так и шедшими на Правобережную Русь кочевниками. Об этом имеются неоднократные упоминания в Летописях, когда речь идет о Зарубе XI–XIII вв. Несомненно, этот брод функционировал и в VIII–X вв., когда здесь находился крупный населенный пункт.

Археологический материал и полевые наблюдения позволяют достаточно полно представить картину нападения кочевников. Это случилось в конце лета или ранней осенью, когда урожай был собран. Об этом свидетельствуют ямы-погреба, заполненные обуглившимся зерном, а также неоднократно зафиксированные остатки сот с частями обуглившихся пчел. Во многих жилищах в развале печей находились раздавленные сосуды с остатками обуглившейся пищи. По-видимому, враг подошел со стороны плато, ведь городище с Днепра практически было неприступным. Жилище, исследованное на селище, было сожжено, а затем разрушено до основания (даже от печи-каменки осталось лишь небольшое количество камней на полу). При разборке этого объекта было обнаружено сравнительно много вещей (дирхем, украшения, бытовой инвентарь), свидетельствующий о том, что его жители не успели вовремя уйти.

Вместе с тем явных следов прошедшего здесь сражения на городище нет, его захватили без видимого сопротивления обитателей.

КУЛЬТУРНАЯ И ПЛЕМЕННАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Исследование вопроса о культурной принадлежности поселения Монастырек невозможно без рассмотрения синхронных материалов из других соседних территорий. Прежде всего следует обратиться к синхронному Монастырьку Каневскому поселению, материалы которого близки рассматриваемому памятнику. Эти комплексы, несомненно, относятся к одной культурно-хронологической группе. Затем сравним материалы этих поселений с памятниками типа Луки Райковецкой, распространенных в VIII–X вв. на Правобережной Украине.

Первоначально памятниками Луки Райковецкой считались поселения, расположенные на территории Восточной Волыни в пределах течений рек Тетерева, Гнилопяти, Ужа, Случи, южных притоков р.Припяти и западных притоков р.Днепра. Другими словами, это территория лесной зоны Днепровского Правобережья на юг от р.Припяти. Территория их распространения совпадала с территорией, предшествовавшей им корчакской культуры [Археологія УРСР, т.3, 1975, с.118–124]. Последнее время в литературе все памятники VIII–IX вв., а отчасти и X в., исследованные на территории Правобережья, называются памятниками типа Луки Райковецкой. По мнению исследователей, славянская культура на этой территории по археологическим данным выступает как монолитная культура с VI по X в., т.е. она непрерывно развивалась около 400 лет [Тимощук, 1976, с.41]. Стали появляться работы, в которых памятники VIII–IX вв. Днепровского Правобережья начинают называться культурой типа Луки Райковецкой [Булкин, Дубов, Лебедев, 1978, с.5]. Совершенно очевидно, что культура типа Луки Райковецкой вырастает на корчакской основе. Это достаточно убедительно показано исследователями этих древностей [Русанова, 1973; Русанова, 1976; Тимощук, 1976].

Между тем сравнительное изучение древностей восточнославянских земель приводит к выводу, что славянскую культуру нельзя связывать с одним типом памятников [Смиленко, 1975, с.25–27]. Это касается прежде всего лесостепного правобережного Поднепровья, где культура VIII–X вв. носит синкретический характер, унаследованный, видимо, от предыдущих эпох [Петрашенко, 1982, с.16].

Если сравнить памятники VIII–X вв. киевского и каневского регионов с памятниками типа Луки Райковецкой по основным археологическим признакам, можно от-

метить целый ряд отличий в топографии поселений, характере жилищ и материальной культуры.

Поднепровские памятники этого времени, в том числе Монастырек, находятся вблизи рек, занимая места, удобные для обороны. Среди них известны как неукрепленные поселения, так и городища. Такая топография памятников отражает историческую действительность этого времени, когда военная опасность со стороны кочевых племен Степи составляла постоянную угрозу. Памятники Восточной Волыни типа Луки Райковецкой представлены неукрепленными поселениями, расположенными на открытой местности, в пойме. Приведенные различия в топографии поселений, по-видимому, связаны не столько с традицией выбора мест поселений обоих районов, сколько с географическими условиями местности. Поэтому данные топографии по причине своей неоднозначности лишь отчасти отражают этнографические традиции.

Важным этнографическим признаком являются жилища. Постройки из лесостепного правобережного Поднепровья довольно разнообразны как по площади, конструкции стен, так и характеру отопительных сооружений. Здесь преобладали постройки площадью от 9 до 14 м^2, хотя широко были распространены жилища площадью 14–16 м^2. Наиболее употребляемым типом отопительного сооружения, как и для памятников типа Луки Райковецкой, является печь-каменка. Между тем 25 % отопительных сооружений принадлежит другим типам печей: каменно-глиняным со сводом из вальков, глинобитным плетнево-каркасной конструкции. Распространение глинобитных печей не всегда объясняется разницей в хронологии. Так, глиняные печи с применением камня для сооружения отопительной камеры известны на ранних памятниках (Сахновка, нижний горизонт Монастырька), печи-каменки бытовали вплоть до середины X в. (Монастырек). На территории от Киева до Тясмина распространены только углубленные постройки срубной или каркасно-столбовой конструкции.

Жилища, открытые на памятниках типа Луки Райковецкой, представлены как углубленными, так и наземными постройками площадью 16–25 м^2 со срубной конструкцией стен, возводились также стены из двойного ряда плетня, например на городище Хотомель [Кухаренко, 1957].

Для отопления сооружались печи-каменки. На более поздних поселениях, видимо, на рубеже IX–X вв., распространяются глинобитные печи. Следовательно, по устройству жилищ поднепровские памятники VIII–X вв. существенно отличаются от поселений типа Луки Райковецкой. По характеру вещественного материала они имеют много общих черт с поднепровскими, в частности в наборе керамики. Для этого времени в обоих районах наблюдается сочетание в одних комплексах лепной и круговой посуды; близость существует как в наборе посуды (горшки, сковородки, противни, сырницы), так и в некоторых формах ее.

Между тем посуда типа Луки Райковецкой, возникшая на корчакской основе, имеет и целый ряд отличий от синхронных поднепровских памятников. Усредненный коэффициент сходства по всем признакам формы горшков из Монастырька и поселения Лука Райковецкая составил около 70 %. Легко заметить, что сходство между памятниками типа Луки Райковецкой и поднепровскими связано с одинаковым уровнем экономического развития населения этих территорий, что выразилось в одновременном использовании и лепной, и круговой посуды. Именно этот признак явился основным при выделении памятников типа Луки Райковецкой в археологическую культуру. Различия между ними связаны с генетической подосновой носителей этих культур. Если культура типа Луки Райковецкой выросла на корчакской основе, то в формировании поднепровских памятников Правобережья принимали участие корчакские, пеньковские, волынцевские, сахновские древности.

С какими же из перечисленных памятников генетически связан Монастырек? Это, на наш взгляд, славянское поселение у с.Сахновка (в седловине между горами Девица и Дегтярная), датируемое исследователи VII–VIII вв. Сравнение керамических комплексов из этих поселений показало высокий коэффициент сходства наиболее массовой формы посуды-горшков как по отдельным признакам формы, так и по технологии и орнаментации. Отметим, что керамические комплексы у с.Сахновки представлены исключительно лепными формами, тогда как на Монастырьке примерно половина горшков изготовлена на круге. Сравнение же формы горшков проводилось без разделения коллекции Монастырька на лепную и круговую посуду, что, естественно, значи-

тельно снижает сходство этих коллекций, поскольку круговая посуда по сравнению с лепной имеет свои специфические черты. Однако при данном подходе исключается возможность подгонки материала, ибо для сравнения взят абсолютно весь комплекс. Тем не менее усредненный коэффициент сходства по всем показателям формы этих двух коллекций составил 85,7 %. Такой коэффициент сходства керамика Монастырька имеет лишь с Каневским поселением (87,26 %), что вполне объяснимо – они относятся к одной и той же культурно-хронологической группе. Следовательно, керамика Монастырька генетически связана с керамическим комплексом поселения у с.Сахновки.

Имеет место и сходство устройства жилищ: распространены в основном квадратные жилища площадью от 9 до 16 м^2, срубной и каркасно-столбовой конструкции стен. В Сахновке бытовали глиняные печи, укрепленные камнями. На Монастырьке такие отопительные сооружения встречены в жилищах VIII в.

Поселения, близкие по археологической культуре с сахновскими древностями и ранним горизонтом Монастырька, известны также севернее Роси у с.Гребени Кагарлыкского района Киевской области [Петрашенко, 1982, с.55].

Какое же место занимает Монастырек среди синхронных памятников соседних территорий, таких, как Каневское поселение, Киев, Макаров Остров на Потясминье, Лука Райковецкая, Буки, Шумск на Волыни? Следует ли его относить к одной с ними археологической культуре или он занимает обособленное положение?

Обратимся к этнокультурным процессам, происходившим в VIII–X вв. на территории Правобережья. К этому времени в целом завершилось расселение восточных славян и развивался процесс консолидации живущих рядом групп населения в единую народность с общими (древнерусским) языком и наименованием – Русь. Процесс этот начался где-то в середине I тыс. н.э. и приобрел выраженный характер к IX в. одновременно с возникновением государственности [Рыбаков, 1981, № 2, с.59]. Именно этим объясняется то обстоятельство, что в IX–X вв. между всеми сторонами материальной культуры лесостепного правобережного Поднепровья проявляется больше черт сходства, чем в VIII в., когда еще можно заметить слагаемые компоненты формирующейся древнерусской культуры.

Период VIII–X вв. представляет собой завершающий этап в формировании древнерусской культуры и нового этноса – древнерусской народности. Он проходил на стыке двух этапов в развитии восточного славянства. Первый охватывает VII–VIII вв., когда на территории Поднепровского Правобережья еще реально существовали различные группы славянства (поляне, древляне, уличи), и второй – IX–X вв., когда происходил процесс стирания межплеменных различий, выразившийся в синкретизме материальной культуры Среднего Поднепровья этого времени и приведший к созданию древнерусской культуры.

Вместе с тем вопрос об отношении таких этнически смешанных остатков к понятию археологическая культура не решен в научной литературе. Очевидно, такая область может быть выделена в самостоятельную археологическую культуру, если большие различия, наблюдаемые внутри смешанных областей, касаются лишь этнической стороны, в то время как все остальные материалы свидетельствуют о существовании единого социально-экономического организма [Генинг, 1976, с.36].

Применительно к перечисленным ниже памятникам лесостепного правобережного Поднепровья можно отметить, что существование единого социально-экономического организма относится к IX–X вв., в то время как в VIII в. шел процесс слияния различных археологических культур (пеньковской – поздний этап, волынцевской, сахновской, Луки Райковецкой). Эти памятники в период VII–VIII вв. нельзя свести к одной археологической культуре прежде всего из-за различия их подоснов. Напротив, в IX–X вв. мы с трудом отыскиваем в материальной культуре различающие их черты, что свидетельствует о процессе складывания общей для них археологической культуры – древнерусской.

Для идентификации исследуемого памятника с тем или иным летописным племенем необходимо обратиться к письменным источникам. По летописи, в Поднепровье, точнее, в Киевском Поднепровье, жили поляне. Территория расселения полян и хронологические рамки их существования являются дискуссионными и пока окончательно не решены. История полян тесно связана с этногенетическими процессами, происходившими в Среднем Поднепровье во второй половине I тыс. н.э. Выяснение характера

и взаимоотношений отдельных археологических культур этого времени, участвовавших в формировании летописных племенных группировок, консолидация которых завершилась с возникновением древнерусской народности, приведет к решению вопроса и о полянах.

Памятники VIII–X вв., расположенные на территории, где летопись размещает полян, имеют присущие полянам черты, если, разумеется, допустить их автохтонность. Генетически Монастырек связан со славянскими памятниками VII–VIII вв. Поросья и Киевского Поднепровья, где жили поляне, следовательно, эти поселения можно считать полянскими. Однако в Киевском Поднепровье в VII–VIII вв. есть памятники несколько иного характера, чем Сахновка и горизонт VIII в. Монастырька. Это, к примеру, такие поселения, как Ходосовка и Обухов II вблизи Киева, имеющие много общих черт с Волынцевскими древностями Левобережья. Последние, по мнению исследователей, принадлежали северянам [Березовец, 1969, с.6; Юренко, 1983, с.17]. Такое явление можно объяснить тем, что территория Киевского Поднепровья в третьей четверти I тыс. н.э. являлась мерginальной зоной и была заселена разными племенными группировками (полянами, древлянами, северянами). Иными словами, поляне в это время были прежде всего политическим объединением, хотя сохраняли свое этническое имя.

Массовые миграции – явление, характерное для периода перехода от доклассового общества к классовому, значительно тем самым ускоряя процесс замены племенных образований народностями [Бромлей, 1981, с.258]. По-видимому, на этой территории уже в VII–VIII вв. возникла межплеменная организация, сложившаяся на основе генетически родственных групп населения и явившаяся этносоциальным образованием. В связи с последним замечанием возникает вопрос: насколько близки между собой археологические материалы у с.Сахновка с поселениями волынцевского типа. Сравнительный анализ поселений (Сахновка, Ходосовка, Волынцевское поселение) показал существенную близость археологического материала этих памятников. Это сходство проявилось как в формах керамики, так и конструкции жилищ. Керамика сахновского поселения по форме сосудов близка керамике Волынцевского поселения на 80 %, есть у них много общего и в орнаментации лепной посуды. Для обоих памятников характерны одни и те же типы лепных горшков. Наряду с элементами сходства эти группы имеют и отличительные черты. В частности, в Сахновке не известна круговая посуда волынцевского типа. Это объясняется конкретными историческими условиями, в которых развивалось население этих территорий. Правобережные поднепровские поселения хотя и содержат волынцевскую круговую керамику, но всюду она составляет незначительное количество (кроме Ходосовки и Обухова). Итак, между левобережными волынцевскими древностями и правобережными сахновскими нет непереходимой грани, что объясняется их генетическим родством.

Этнический процесс, характерной чертой которого накануне образования государства было массовое смешение отдельных групп населения, приводит к нивелировке материальной культуры. Этот процесс перехода к классовому обществу в этническом плане чрезвычайно сложен. Результатом его является исчезновение чистых этносов, а характерной чертой – этническая пестрота. Это явление можно наблюдать в Киеве накануне образования Древнерусского государства. П.П.Толочко отмечает, что Киев в силу своего местоположения со времени зарождения не был городом какого-нибудь одного племени, что проявилось в синкретизме его материальной культуры. Может быть, поэтому именно здесь раньше, чем в другом районе, возникает городское поселение [Толочко, 1972, с.128–129].

Как показывает археологический материал, в VII–VIII вв. еще сохраняется ощутимая разница между археологическими культурами, которые соответствуют определенным летописным племенам, тогда как в IX–X вв., во всяком случае в Среднем Поднепровье, эти различия в значительной степени стираются. Монастырек в этническом плане представлял собой сложное явление. На раннем этапе его население можно связывать с полянами, в период же IX–X вв., когда завершался процесс формирования древнерусской народности, полян стали называть общим для всей Руси этнонимом – русами. Этот термин в IX–X вв. имел территориальное, политическое, а затем уже этническое значение. Процесс вытеснения древних племенных названий одним общим наименованием "Русь" завершился в IX–X вв. с возникновением государственности, однако старые названия отдельных групп славян существовали и в древнерусское время.

Земледелие, животноводство, промыслы. Широкие археологические раскопки, проведенные на памятнике, дали большой материал VIII–X вв., позволяющий реконструировать хозяйственную деятельность населения этого времени. Главным источником для воссоздания характера земледелия являются многочисленные остатки обуглившихся злаков, подвергшихся палеоботаническому анализу Г.А.Пашкевич. Результаты исследований опубликованы [Пашкевич, Янушевич, 1978; Пашкевич, Петрашенко, 1982].

Эти исследования представляют значительный интерес, так как содержат сведения о большинстве возделываемых культурных растениях конца I тыс. н.э. Первое место среди обуглившихся зерен занимают зерновки пшеницы нескольких видов: полбы-двузернянки, спельты-двузернянки, карликовой мягкой, карликовой. Находки их происходят из ямы зернохранилища № 15 и жилищ. Среди них основной культурой, несомненно, является полба-двузернянка, преобладающая по общему количеству обнаруженных зерен. Именно этот вид пшеницы найден в яме № 15, из которой удалось извлечь около 20 кг зерна. Эта яма относится к слою VIII–X вв., так как перекрывалась глинобитной печью из древнерусского жилища. Примечательно, что именно этот вид пшеницы найден и в культурном слое жилищ № 21 и 22. Зерновки ее также удалось обнаружить при обследовании глиняных жаровень из этих жилищ. Как известно, глиняные жаровни изготавливались с большим количеством растительных примесей, которые, выгорая, оставляли характерные пустоты – отпечатки от зерновок злаков. Таким образом, полба занимает первое место не только по общему количеству выявленного зерна, но и по количеству мест обнаружения, а этот факт может свидетельствовать о ее широком использовании в земледелии.

Полба-двузернянка является одной из наиболее древних пшениц. Первые ее находки известны в начале V тыс. до н.э. [Янушевич, Маркевич, 1970, с.97]. Широкое применение полбы в прошлом связано с ее неприхотливостью к почвам, высокой засухоустойчивостью и зимоустойчивостью. Именно благодаря этим качествам она возделывалась вплоть до XVIII в. в районах менее благоприятных для земледелия, чем Лесостепь [Столетова, 1925, с.27–105].

Зерно полбы плотно заключено в чешуи, что усложняет ее обработку. Зерновки нужно было подсушивать, а затем толочь в ступах [Пашкевич, Янушевич, 1978, с.93]. По-видимому, глиняные противни, расположенные сверху на печах, использовались прежде всего для подсушивания полбы. После такой обработки зерно легко отделялось от чешуи, когда его толкли в ступах, или обрабатывали с помощью специальных ручных приспособлений из дерева, как описывает Е.Н.Столетова [Столетова, 1925, с.49].

Из других пленчатых пшениц на Монастырьке обнаружены зерновки пшеницы спельты и спельты-двузернянки. Находки их происходят из ямы № 15, где они встречались как примесь к основной массе зерна, представленной полбой, а также из жилища № 22. Находки спельты на Монастырьке не вызывают сомнений в том, что она возделывалась как самостоятельная культура наряду с полбой. Находки спельты известны на фрагменте обмазки очага (IX–X вв.) поселения у с.Лепесовка Хмельницкой области [Янушевич, 1973, с.1–4].

Кроме пленчатых сортов на Монастырьке культивировались голозерные пшеницы: карликовая и мягкая. Такие единичные находки пока не дают оснований сделать окончательный вывод о степени распространения этих культур в VIII–X вв. в лесостепном правобережном Поднепровье. Возможно, что голозерные пшеницы являлись спутниками полб, а выращивали спельту и двузернянку. Однако следует иметь в виду, что находки голозерных вообще более редки, чем пленчатых. Эти виды пшеницы не нужно было подсушивать перед обмолотом, поэтому найти их в районе печи можно лишь в исключительно редких случаях. Одновременное использование пленчатых и голозерных сортов пшеницы – явление, характерное для истории раннего земледелия. Многие исследователи считают, что голозерные пшеницы в целом были распространены более широко, чем пленчатые. Этот факт отмечает Ю.А.Краснов для земледелия III тыс. до н.э. – V в. н.э. лесной полосы европейской части СССР [Краснов, 1965, с.59]. Карликовая пшеница, как и полба, характеризуется большой стойкостью к полеганию и засухе. Она быстро вызревает и при помоле дает муку хорошего качества [Пачкова, 1974, с.18].

В ряде жилищ обнаружены зерновки проса обыкновенного. Отпечатки его чаще встречались на обследованных фрагментах из жилищ VIII–X вв. Монастырька. Просо было широко распространенной культурой у славян. В древности его использовали не только как ценную крупяную культуру, но и для получения муки [Краснов, 1976, с.18]. Хотя просо хорошо переносит засуху и даже в засушливые годы дает хороший урожай, оно в то же время нуждается в плодородной, хорошо обрабатываемой почве [Берг, 1947, с.379]. Эта культура более характерна для лесостепной и степной зон, так как, кроме требовательности к почве, просо плохо переносит заморозки [Левашова, 1956, с.55].

Распространенной культурой также был ячмень. Здесь выращивались как голозерные, так и пленчатые сорта. Трудно определить, какая из этих культур преобладала, так как каждая из них встречена один раз. Зерновки голозерного ячменя (33 шт.) были выделены из ямы № 15, пленчатый ячмень найден в жилище № 21. По мнению исследователей, голозерным формам, видимо, отдавалось предпочтение, так как они более устойчивы, чем пленчатый ячмень, и не требовали дополнительных затрат труда для очистки.

Большой интерес представляют находки овса. В небольшом количестве, как примесь к пленчатым пшеницам (19 шт.), его удалось выделить среди обуглившихся зерен из ямы № 15. Зерновки овса найдены также в двух жилищах, что не оставляет сомнений в самостоятельном возделывании этой культуры. До сих пор овес на славянских памятниках I тыс. н.э. не был найден. Исключение составляет Старая Ладога, где в слое VII–IX вв. обнаружены единичные зерна овса [Кирьянов, 1959, с.312].

Не менее важны находки на Монастырьке зерновок ржи, выявленные при промывке культурного слоя из жилищ № 21, 22. Эта культура встречена в единичных экземплярах в слое VIII–IX вв. Старой Ладоги и Новотроицкого городища [Кирьянов, 1959, с.312; Ляпушкин, 1958, с.212]. Но в целом рожь в палеоботаническом материале вплоть до древнерусского времени встречается редко. Хотя в Лесостепи первые зерновки ржи зафиксированы еще в скифское время и следы ее обнаружены в материалах зарубинецкой культуры, нет полной уверенности, что она была самостоятельной культурой в это время [Пачкова, 1974, с.20]. Находки ржи сопровождались зернами костра ржаного — типичного сорняка озимой ржи. В яме № 15 на Монастырьке найдено одно семя гороха. Размеры найденного семени указывают на принадлежность его к культурному пищевому гороху.

Из масляно-волокнистых культур найдены семена льна. Сведения об этой культуре известны в эпоху позднего неолита и бронзы. На территории Восточной Европы она, несомненно, возделывалась в раннем железном веке [Краснов, 1971, с.19].

Для древнерусского времени В.П.Левашова отмечает восемь пунктов находок этой культуры [Левашова, 1956, с.52–55, табл. 1]. Для выяснения уровня земледелия и степени окультуренности почв очень важно установить видовой состав сорных растений и их количественное соотношение. На Монастырьке обнаружены семена следующих сорных растений: плевел одуряющий, костер полевой, гречиха вьюнковая, щавель, щетинник сизый, куриное просо, марь белая, бурачок рыжий, костер ржаной, горец вьющийся. Марь белая является типичным сорным растением старопахотных почв, и примесь семян этого сорняка к зерну служит надежным показателем окультуренности почв.

Видовой состав сорных растений указывает, что на поселении существовали яровые и озимые посевы культуры. Данные палеоботанического анализа позволяют в некоторой степени судить о системе земледелия и технике обработки почвы в это время. Приведенный материал дает основания полагать, что техника обработки почвы была достаточно высокой, так как в это время здесь использовались старопахотные земли. Чтобы получить урожай на постоянно возделывающихся участках, необходимо применять по меньшей мере перелоговую систему земледелия и использовать удобрение почвы. При этой системе участки земли, утратившие плодородие, оставались для отдыха на определенное время, а участки бывшего перелога распахивались до тех пор, пока давали хороший урожай. По мнению В.И.Довженка, именно эту систему следует считать господствующей формой земледелия в лесостепной зоне в I тыс. н.э. [Довженок, 1961, с.104]. Между тем изучение остатков сорняков на Монастырьке свидетельствует о выращивании здесь как яровых, так и озимых культур. А.В.Кирьянов пришел к вы-

воду, что озимая рожь определяет наличие парового поля [Кирьянов, 1952, с.154]. Исходя из этих фактов можно предположить наличие уже в конце I тыс. н.э. пашенной паровой системы с двухпольным севом. Не исключена также возможность употребления пестрополья, когда хлеб и пар чередовались без всякой системы.

На Монастырьке в слое VIII–X вв. не было обнаружено железных частей упряжных почвообрабатывающих орудий. Однако они достаточно хорошо известны на других памятниках VIII–X вв. Среднего Поднепровья. Это рабочие наконечники однозубых рал и мотыги. Основным орудием уборки урожая был серп. На поселениях VIII–X вв. лесостепного правобережного Поднепровья найдено более десяти серпов или их фрагментов. Серия серпов обнаружена в кладе железных вещей из жилища № 1 поселения Макаров Остров.

По переработке и хранению сельскохозяйственных продуктов имеются крайне ограниченные данные. В археологическом материале встречаются орудия для размола и толчения зерна, изготовленные из камня. Это жерновые камни, зернотерки и терочники.

Для хранения зерна использовались углубленные в землю зернохранилища, остатки которых неоднократно зафиксированы в виде ям-погребов.

Наряду с земледелием в хозяйстве населения значительное место принадлежало разведению домашних животных и охоте. Фауна из городища проанализирована Н.Г.Белан [Белан, 1978, с.96–109].

Ведущее место среди домашних животных занимал бык, представленный здесь рогатой разновидностью. Около 70 % костных остатков быка на этом памятнике составляют молодые и полувзрослые особи, что указывает на широкое употребление этого животного в пищу. Значительный удельный вес в скотоводстве принадлежал также свинье и овцам-козам, в меньшей степени разводили лошадей.

Сравнение соотношений между домашними и дикими животными показывает, что количество диких животных было значительным (около 36,6 %). Дикие животные представлены двенадцатью видами, среди которых есть такие редкие виды, как тур. Постоянно охотились на лосей, косуль, диких кабанов и оленя благородного.

Кроме охоты население занималось рыболовством. Остатки чешуи и кости рыбы – частая находка в жилищах и хозяйственных ямах этих поселений. Несомненным свидетельством развития рыбного промысла являются находки глиняных грузил, костяных орудий для плетения сетей и железных крючков.

Одним из важных и, по-видимому, распространенных промыслов был сбор меда диких пчел, живших в лесу в естественных или искусственно приготовленных дуплах деревьев. Интересные данные о бортничестве содержат материалы Монастырька. Здесь в жилищах № 21, 22 и яме № 104 были обнаружены остатки сот. Из промывки содержимого кадки жилища № 21 удалось выделить обуглившиеся части пчел. Определение палеозоологов показало, что это были остатки пчелы медоносной. В одном из жилищ на полу сохранилось круглое темного цвета пятно, из которого были извлечены соты с остатками дерева. Возможно, пчел в это время уже "приручили". Именно этим можно объяснить их нахождение в круглых колодах-дуплянках, где они были оставлены на зимовку.

В древнерусское время существовало пчеловодство трех видов: дикое коренное или природное дупловое, бортничество и пчеловодство с ульями [Розов, 1972, с.17]. Материалы Монастырька позволяют предположить наличие пчеловодства как отрасли хозяйства в конце I тыс. н.э. в лесостепном правобережном Поднепровье.

Охота, рыболовство и бортничество являлись второстепенными занятиями, однако следует иметь в виду, что такие продукты промысла, как пушнина, воск и мед, в первую очередь попадали на рынок, поэтому в конце IX – начале X в. они начинают играть важную роль в экономике Руси.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что ведущей отраслью хозяйства являлось земледелие с широким ассортиментом выращиваемых культур, состоящих из зерновых, бобовых и технических растений. Высоко развитой отраслью хозяйства было также животноводство. Наряду с этим значительное место занимали в хозяйстве населения рыболовство, охота и собирательство.

Ремесло и торговля. В VIII–X вв. у славян лесостепного правобережного Поднепровья происходят важнейшие сдвиги в области добычи и обработки железа, что характерно в целом для восточных славян этого периода [Вознесенская, 1976, с.70–76].

Хотя на рассматриваемом поселении горнов для выплавки железа не выявлено, однако неоднократно фиксируемые скопления металлургического шлака и обломки глиняных стенок сыродутных горнов указывают на существование местного металлургического производства. Коллекция железных изделий из Монастырька представлена 53 предметами. Технологическое исследование этого материала провел В.Д.Гопак [Гопак, 1982, с.100–106]. Большинство изделий, более 70 %, целиком откованы из кричного железа или низкосортной неравномерно науглероженной стали. Это простейшая технологическая схема, кузнечные операции при такой технологии ограничивались приемами свободной ковки.

Для периода VIII–X вв. характерно широкое применение стали. Однако следует иметь в виду, что сталь использовалась прежде всего при изготовлении орудий труда, а кричное железо – для предметов быта, поэтому процентное соотношение употребления железа и стали на памятнике зависит от количества найденных орудий труда. Исходя из этого, наиболее правильно сравнивать одинаковые по функциональному назначению изделия. Единственной массовой находкой такого рода являются ножи.

На Монастырьке 44 % ножей изготовлены из кричного железа, 28 % – из стали, 4 % выполнены в технике продольной сварки стальной и железной полос, 12 % изготовлены из односторонне или частично науглероженной заготовки, 8 % – с применением трехслойной технологической схемы со стальным сердечником и 4 % – из цементованной заготовки с неравномерным распределением углерода. Как видим по результатам анализа, уровень развития железообрабатывающего ремесла был высоким и требовал узкой специализации.

Вместе с тем исследование технологических схем в кузнечной продукции VIII–X вв. показало отсутствие стандартизации, что отражает уровень общинного кузнечного ремесла и в целом характерно для славян этого периода [Вознесенская, 1976, с.76].

Для характеристики изделий из цветных металлов мы располагаем данными химического состава изделий. Все предметы представлены украшениями (браслет, перстень, серьги, височное кольцо, подвеска-бубенчик) и являются сплавами меди, цинка и свинца (латунь), меди, олова и свинца (оловянистая бронза), меди, цинка, олова и свинца (многокомпонентный сплав). Основными легирующими материалами было олово, свинец, цинк. Здесь, как и при изготовлении продукции из черных металлов, применялись разные технологические схемы. Обусловлен ли этот факт состоянием литейного ремесла этого времени или связан с ввозом некоторых из этих изделий из других территорий, на данном этапе исследования определить трудно.

Характерной чертой гончарства VIII–X вв. является сочетание лепной и изготовленной при помощи круга керамики. Массовое освоение навыков профилирования керамики на гончарном круге приходится на IX–X вв. В это время круг применялся для заглаживания (РФК-2), по А.А.Бобринскому, и профилирования (РФК-3, РФК-3_2) сосудов. Эти функции круга использованы при изготовлении посуды на других памятниках правобережного Поднепровья – Лука Райковецкая, Каневское поселение, Киев [Бобринский, 1978, с.192]. Для выяснения технологических особенностей изготовления керамики важным является способ конструирования полого тела. По визуальным наблюдениям, в керамике Монастырька преобладают спиральный и спирально-зональный способы конструирования.

Проведенные наблюдения позволяют сделать некоторые выводы о характере гончарного ремесла. Примерно половина всей керамики представлена лепными сосудами довольно грубой работы, которые могли изготавливаться в каждом доме и обжигаться в обычных печах или на костре. Вместе с тем на Монастырьке среди круговой посуды около 20 % экземпляров обладают признаками третьего этапа развития функций гончарного круга. Эти сосуды отличаются симметрической формой, тщательно выполненной орнаментацией, равномерным обжигом. Характерно, что большинство имеет утолщенный край в виде "манжетки". Не вызывает сомнений, что при изготовлении этой посуды применялся круг в качестве орудия для профилирования служебной части емкости и венчика. Такая керамика должна была производиться уже специалистами – гончарами, существовавшими задолго до выделения гончарства как ремесла в экономическом смысле этого слова. Необходимо отметить также, что эта керамика по форме и технологии довольно однотипная, что, видимо, свидетельствует о концентрации изготовления этой группы посуды в руках отдельных мастеров.

На поселении не обнаружено гончарных горнов, однако совершенно очевидно, что подобного облика посуда должна была обжигаться в специально сооруженных для этого печах, а не в каменках. Многие сосуды этой группы имеют столь значительные размеры, что они просто не поместились бы в топочной камере печи-каменки. В то же время в двух жилищах на городище кроме печей-каменок в углу находились еще по одной печке с глиняным подом, устроенной посредине стены за пределами котлована. Диаметр глиняного пода равняется 1,5–1,7 м, характер свода неясен, возможно, это была ниша в лессе с обожженной внутренней поверхностью. Такие дополнительные печи могли иметь производственное назначение, в частности применяться для обжига керамики. Нишеобразные печи встречаются и на других территориях, например на Добрынинском поселении в Северной Буковине и Рашкове на Днестре [Тимощук, 1976, с.118; Баран, 1971, с.291–292]. Исследователи связывают их с ремесленной деятельностью населения. Этому не противоречит обнаруженный в постройках с нишеобразными печами материал. Так, в жилище № 4 на Западном городище, где было две печи, обнаружена в основном круговая посуда, богато орнаментированная различными сочетаниями волны, врезных линий и штампа. Вблизи печи-каменки было также обнаружено скопление глиняной массы, которая не отличалась от глиняного теста горшков, что является несомненным свидетельством изготовления в этом жилище глиняной посуды.

По своей социальной организации ремесло Монастырька было общинным. Ремесленники работали прежде всего для удовлетворения нужд непосредственно поселка. Продукция ремесленников была достаточно проста, не требовала редких дорогостоящих материалов. Это прежде всего орудия труда и предметы быта. Незначительный процент в изученной коллекции предметов из железа, изготовленных при помощи многослойной технологии, как это характерно для вотчинного ремесла [Толочко, 1981, с.350–351], также свидетельствует в пользу общинного характера ремесла на рассматриваемом памятнике.

Несмотря на общинный характер ремесленной деятельности торговые связи населения поселка были достаточно широкие. Археологические материалы указывают на контакт со странами Востока – Хазарией, Болгарией, Средней Азией, Ираном, западными государствами – Моравией. Такие разносторонние связи объясняются, по-видимому, тем, что Монастырек находился на Днепровском торговом пути, который начал активно функционировать в это время. Находки восточных монет, сирийского стекла подтверждают это.

Естественно возникает вопрос, кто занимался торговлей, были ли это иностранные купцы или славяне? Исследователи отмечают, что на Руси в IX–X вв. появилось сословие купцов, которое занималось исключительно обменом товаров [Толочко, 1981, с.385]. Механизм торговых отношений такого населенного пункта, как Монастырек, предположительно можно реконструировать. По водному пути купцы достигали поселка в определенное, известное местному населению время. Скорее всего, это была осень или конец лета, когда был собран урожай, закончен сбор меда, накоплен запас меха и воска. Одним словом, приобретен обменный товар, взамен которого можно было получить предметы роскоши, изготавливаемые мастерами в городах. Разумеется, подобный характер отношений требовал излишка тех продуктов, в которых был заинтересован внешний рынок. Такой крупный населенный пункт, каким был Монастырек в VIII–X вв., при благоприятных условиях мог накопить определенное количество излишков в виде сельскохозяйственных продуктов и продуктов промыслов. Хотя промыслы являлись побочными занятиями древнерусского населения, они тем не менее играли важную роль в экономике Руси. Такие продукты промыслов, как меха, воск и мед, являлись самыми важными статьями русского вывоза [Мальм, 1956, с.129–138].

Наиболее сложно воссоздать общественный строй населения изучаемого городища, так как исследование генезиса и структуры феодального общества, особенно его раннего периода, до сих пор остается актуальной научной задачей. В общем плане историками воссоздана картина общественного строя Руси VIII–X вв. На это время приходятся интенсивное разложение родового строя и завершение формирования соседской общины, выражением которой явились крупные поселки, где происходило выделение парцеллы из распадающихся родовых и большесемейных коллективов [Рыбаков, 1982, с.255, 256]. Вероятно, исследуемый нами памятник представлял собой одну из

таких крестьянских общин с индивидуальным землевладением. Каждая отдельно взятая семья владела своим земельным наделом, который обрабатывала индивидуальными орудиями труда. Небольшая площадь домов, хозяйственный инвентарь, находимый в них, отсутствие заметных следов коллективного производства, небольшие запасы продовольствия в ямах-погребах говорят именно об этом. Значительная, в несколько гектаров, площадь поселка с параллельным расположением домов с хозяйственными постройками также свидетельствует о распаде хозяйственных связей больших семей и образовании соседской общины – элемента классового общества.

Археологический материал, и прежде всего характер построек и находившийся в них инвентарь, не имеет следов выраженной имущественной дифференциации. Но о начале этого расслоения говорят находки серебряных предметов и изделий из цветного металла. При этом следует иметь в виду, что мы располагаем лишь незначительной частью инвентаря и предметов роскоши, так как большая часть их была уничтожена или унесена грабителями.

К какому же типу поселений следует отнести рассматриваемый памятник? Монастырек относится к числу крупнейших поселений VIII–X вв., к таким, как городище Титчиха на Дону, Червона Дибрава на Днестре, Ревное на Пруте. Общая площадь этих поселений 5–10 га, население их занималось земледелием и ремеслами, а также торговлей, которая характеризуется привозными вещами, монетами, денежными кладами. Исследователи видят в этих памятниках племенные центры малых племен, входивших в один из крупных восточнославянских племенных союзов [Куза, 1983, с.39], или рассматривают их как общинные центры [Тимощук, 1976, с.118].

Исходя из анализа археологического материала думается, что основной функцией этого поселения была хозяйственная деятельность, направленная на выполнение вассальной зависимости перед князем, которая выражалась не столько в уплате дани, сколько в выполнении обязательств по охране южного пограничья Киевской Руси. В этом последнем были прежде всего заинтересованы сами жители поселка. Торгово-ремесленной деятельностью занимались постольку, поскольку это было необходимо для жизнедеятельности этого коллектива. Такое городище, как Монастырек, было как бы преддверием раннефеодальных городов (центров ремесла и торговли). Не исключено, что путь, по которому он развивался, привел бы в конце концов к перерастанию его в город, но внезапное уничтожение всего поселения в середине X в. прервало на некоторое время его развитие.

ГЛАВА IV
ВОСТОЧНОЕ ГОРОДИЩЕ В XII—XIII вв.

УКРЕПЛЕНИЯ

Место, на котором строится крепость летописного Заруба, имело прекрасную естественную защиту с остатками укреплений, возводившихся обитателями городища в предшествующие эпохи. Однако потребности древнерусской крепости, охранявшей брод через Днепр, требовали создания более мощной и надежной оборонительной системы. Археологическими раскопками удалось воссоздать историю создания укрепления древнего Заруба. Они состояли из земляного вала, расположенного по всему периметру городища, эскарпа со рвом, отрытых с западной (напольной), южной и юго-восточной сторон. Наиболее полное представление о системе укреплений городища дают разрезы с напольной и юго-восточной сторон мыса (рис. 64, 69).

В разрезе края городища с напольной стороны прослежены три строительных периода укреплений. Первый выделяется по остаткам сгоревших деревянных и обожженных глиняных сооружений. Со стороны склона вал завершался естественным откосом, выходящим в небольшую балку. Заполнение этого вала сплошь состояло из мелких фрагментов керамики эпохи бронзы, ракушек и небольшого количества зарубинецкой посуды. В его засыпке зафиксированы остатки жилища VIII в. с печью со сводом из вальков, что позволяет отнести эти укрепления к более раннему периоду, по-видимому, ко времени существования здесь городища зарубинецкой культуры. Над ним насыпан вал, ширина которого примерно 9 м, высота по гребню до материка около 2,1 м, а от дневной поверхности древнерусского времени — около 1,55 м. Заполнение его состояло из темно-серого грунта с включением костей животных, золы и мелких угольков, фрагментов разновременной керамики. Верхний слой состоял из прослоек пепла и завершался почти горизонтальной площадкой, на которой находились бревна. Они лежали параллельно гребню вала, на расстоянии около 0,35—0,4 м друг от друга. Длина бревен около 3 м, толщина 20—25 см. В северной части зафиксированы три таких бревна, в южной — одно. Между ними сохранился столб, прослеженный на глубину 0,5 м. Бревна слегка обуглены, а слой, в котором они лежат, включает пепел и мелкие угольки.

Этот вал относится к древнерусскому времени, так как он перекрывает жилище VIII в., а у его подножья обнаружена глинобитная печь с материалом XII—XIII вв. После разрушения деревянных конструкций на вершине вала бревна, лежавшие у их основания, были засыпаны землей, высота вала выросла на 1,4 м, гребень его стал более крутой и немного сместился в напольную сторону. Вал с внешней стороны упирался в берму шириной около 2 м, сразу за которой начинался ров. Ров расположен в неглубокой естественной балке, ширина его по верхней кромке около 6 м, глубина в центре от современной поверхности 2,75 м.

Таким образом, городище в древнерусское время имело земляной вал, завершающийся деревянными конструкциями.

ПЛАНИРОВКА ГОРОДИЩА И УСТРОЙСТВО ЖИЛИЩ

Застройка городища XII—XIII вв. отличается от застройки его в предшествующий славянский период. Если в VIII—X вв. прослежена рядовая застройка, жилища почти равномерно располагались по всей площадке, то в XII—XIII вв. постройки сосредоточивались как в центре городища, так и вдоль его южного края. При этом восточная и за-

падная части городища оставались свободными от построек (рис. 70). Такая планировка отражает социальную структуру древних обществ. В VIII–X вв. городище являлось средоточием общественно-экономической жизни населения в догосударственный период, которое продолжало функционировать и на ранних этапах государственности. В XII–XIII вв. это крепость, в которой военные функции преобладают над хозяйственными. Исследователи не раз отмечали, что для городищ – сторожевых крепостей не характерна плотная застройка, центральная часть их часто вовсе не застраивалась [Довженок, 1975, с.8–14; Тимощук, 1982, с.11].

Все исследованные жилища представляют собой углубленные в материк постройки, их глубина в среднем от 0,9 до 1,5 м от современной поверхности и от 0,5 до 0,75 м от материка. Площадь жилищ небольшая, от 9 до 16 м^2, преобладали постройки площадью 11–12 м^2. Жилища – однокамерные, каркасно-столбовой конструкции. Ровный пол во многих жилищах подмазывался глиной. При разборке некоторых объектов зафиксированы завалы глины, лежавшей на полу, почти не отличавшейся от материка. Иногда такая глина покрывала весь пол жилища. Это обстоятельство, возможно, предполагает применение деревянно-земляной крыши.

В каждом жилище находилась глинобитная печь, расположенная в одном из углов. В девяти случаях ее размещали в южной части жилища, в семи – в северной. Почти везде печь возводилась на гумусированной подсыпке или лессовом останце высотой 15–30 см, лишь в одном жилище под находился на уровне пола. Иногда в конструкцию стен входили крупные камни, обмазанные толстым слоем глины (жил. № 36), мелкие камни также изредка укрепляли основание глиняных стен (жил. № 13). Средние размеры печи по периметру стен – 1 х 1,1 м, в единичных случаях встречаются большие сооружения размерами 1,4 х 1,5 м. Под почти везде хорошо сохранился, иногда имеет следы ремонта. Основание его изредка вымащивалось мелкими камешками или фрагментами керамики. При разборке некоторых печей на поде обнаружены фрагменты плинфы. Включение плинфы и камня в конструкцию отопительных сооружений обусловливалось стремлением повысить их теплоемкость. Иногда перед печью выкапывались ямы диаметром 0,5–0,8 м, углубленные в пол на 10–15 см. В жилище № 24 слева от печи на всю длину стены была сооружена лежанка шириной 1 м и высотой 0,5 м от пола. Исчерпывалась ли застройка городища исключительно углубленными жилищами? По-видимому, нет. Какие-то постройки, прежде всего подсобного характера, были наземными.

ВЕЩЕВОЙ МАТЕРИАЛ. ХРОНОЛОГИЯ

Коллекция вещей, относящихся к древнерусскому слою городища, небольшая, но довольно разнообразна и представлена всеми основными категориями находок, характерных для древнерусских городищ. Это прежде всего керамика, включающая поливную посуду, шиферные пряслица, изделия из железа, фрагменты свинца, несколько вещей из цветного металла, стеклянные браслеты.

Керамика представлена исключительно круговыми горшками. Они изготовлены из хорошо отмученной глины с большой примесью песка, в изломе серого или коричневого цвета, обжиг ровный. Цвет поверхности в основном серый или коричневый. Некоторые фрагменты имеют следы поливы. Преобладали горшки с диаметром венчиков 16–25 см. Диаметр днищ в основном равен 8–12 см. В двух случаях днища имели клейма. На одном из них рисунок состоял из двух концентрических кругов, на другом в круг был вписан крест.

Большинство сосудов имеют хорошо выраженную, плавную шейку, несколько горшков с четко выраженным ребристым перегибом, значительную группу составляют сосуды с цилиндрической шейкой, имеющей в месте перехода в плечо уступ. По характеру венчика выделяются две группы: с венчиком без утолщения, они представлены единичными экземплярами, и с утолщением (абсолютное большинство). Утолщенный венчик чаще всего округлой или овальной в сечении формы, конец его вытянут и прикреплен к внутренней стороне, отчего образуется округлый выступ. Встречаются косо срезанные или реже фигурные венчики с намечающимся уступом с внутренней стороны. В единичных случаях имеют место сосуды с венчиком без утолщения, край косо срезан

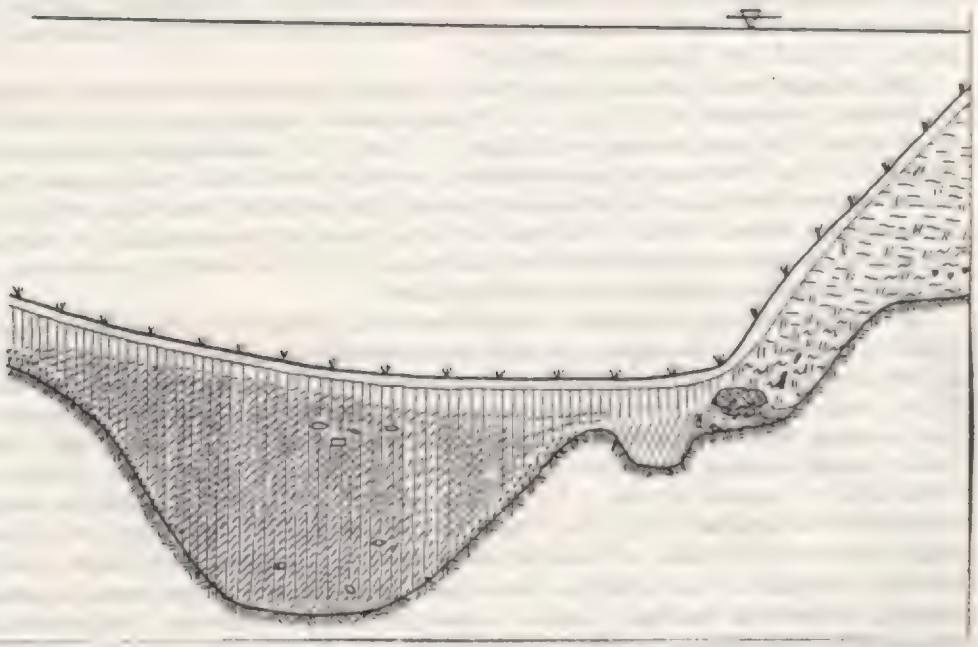


Рис. 69. Разрез рва и вала Восточного
1 – дерн; *2* – чернозем; *3* – предматерик; *4* – материк; *5* – камни; *6* – гумус заполнения ровика; *10* – угли; *11* – горелое дерево; *12* – зола; *13* – кости; *14* – гумус с золой; *15* – *18* – слой гумуса с включе

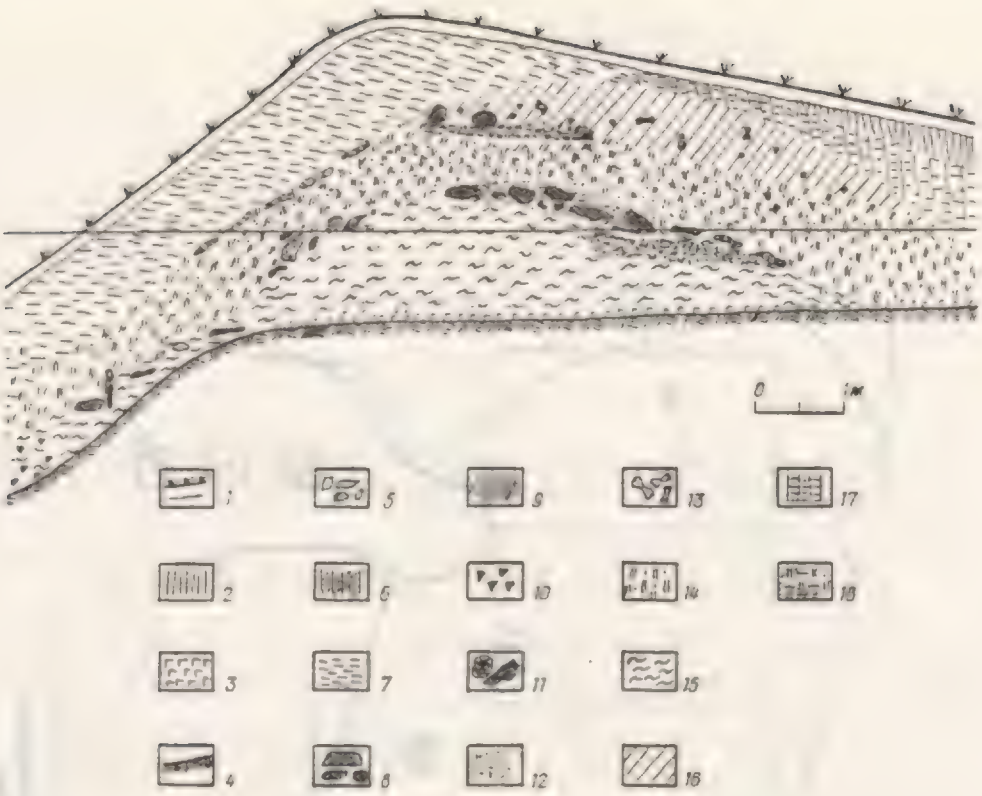
или округлен. Часто с внутренней стороны имеется выемка. В двух случаях встречены сосуды с ручками. Ручки прикреплены чуть ниже венчика и основания плечика. Форма ручек с лицевой стороны плоская, шириной 2,3–2,5 см, в разрезе овальная. Почти все обнаруженные на городище фрагменты горшков были орнаментированы. Основной вид орнамента – три-четыре врезных линии по шейке и в месте перехода шейки в плечо. Довольно часто применялся семечковидный орнамент, один или в сочетании с врезными линиями, реже горшки украшались волной. Зона орнаментации всегда одна – шейка и частично плечо.

В основу типологии рассматриваемой коллекции традиционно положена профилировка верхней части горшка и форма венчика.

Преобладающий тип – горшки с сильно профилированной низкой шейкой, изредка она имеет уступ в месте перехода в плечо. Все венчики этого типа с утолщением. Основной вариант – горшки с округлым или овальным венчиком, край которого несколько вытянут и прикреплен к внутренней стороне, отчего образуется небольшой уступ – выемка (рис. 71, *1–3*).

Аналогичная посуда характерна для слоя XII–XIII вв. Киева [Толочко, 1981, с.299, рис. 130], встречается также в Полоцке. Горшки этого типа имеют сравнительно сложный венчик, округлый край которого загнут внутрь и приспособлен для прилегания крышки, шейка мягко изогнута. Этот тип преобладает в слоях Полоцка XII – первой половины XIII в. [Штыхов, 1975, с.81–82]. Подобные сосуды широко представлены в материалах Новгорода, бытовавшие там в XII в. [Смирнова, 1956, с.230].

Второй вариант представлен небольшим количеством горшков, венчики у этих сосудов с внутренней и внешней сторон косо срезаны, образуя внутри довольно широкую площадку (выемку) для крышки (рис. 71, *4*).



городища с напольной стороны:
ров; *7* — материковая глина; *8* — куски обожженной глины; *9* — темный гумус заполнения
гумус с включением ракушки; *16* — погребенная почва; *17* — гумусированная глина вала;
ниям золы и угля.

Тип II составляют горшки со среднепрофилированной, низкой шейкой, высоким слабовыпуклым плечом. Венчик без утолщения, срезан почти горизонтально, край его с внутренней стороны несколько оттянут и прикреплен, благодаря чему образовался небольшой уступ (рис. 71, *5*). Такая посуда не имела широкого распространения. Близкие формы мы находим лишь в Полоцке, где она датируется XIII в. [Штыхов, с.83].

Второй вариант этого типа — это горшки такой же примерно профилировки, но венчик без утолщения, округлен, и нижний край его (с внешней стороны) слегка оттянут (рис. 71, *6*). Аналогии находим также среди материалов Полоцка, где они датируются XIII в.

Тип III представлен единичными сосудами со слабопрофилированной низкой шейкой, средним по высоте, слабовыпуклым плечом. В месте перехода шейки в плечо есть уступ. Венчик немного утолщен и имеет фигурный срез (рис. 71, *7*). Описанный вариант по профилировке, конфигурации венчиков и наличию уступа близок сосудам из верхних слоев Киева, где они датируются XII–XIII вв.

Тип IV (первый вариант) — это сосуды с высокой слабопрофилированной горловиной и высоким слабовыпуклым плечом, венчик округлый, край его прикреплен к внутренней стороне горшка (рис. 71, *8*).

Второй вариант этого типа имеет такую же конфигурацию за исключением венчика, который не образует с внутренней стороны выемки. Кроме того, сосуды этого варианта имеют ручки (рис. 71, *9*). Совершенно идентичные горшки бытовали в Киеве в XII–XIII вв. [Толочко, 1981, с.299].

На городище было также найдено несколько фрагментов поливной посуды от небольших сосудов, орнаментированных каннелюрами и косой сеткой (рис. 44, *5, 7*). Цвет поли-

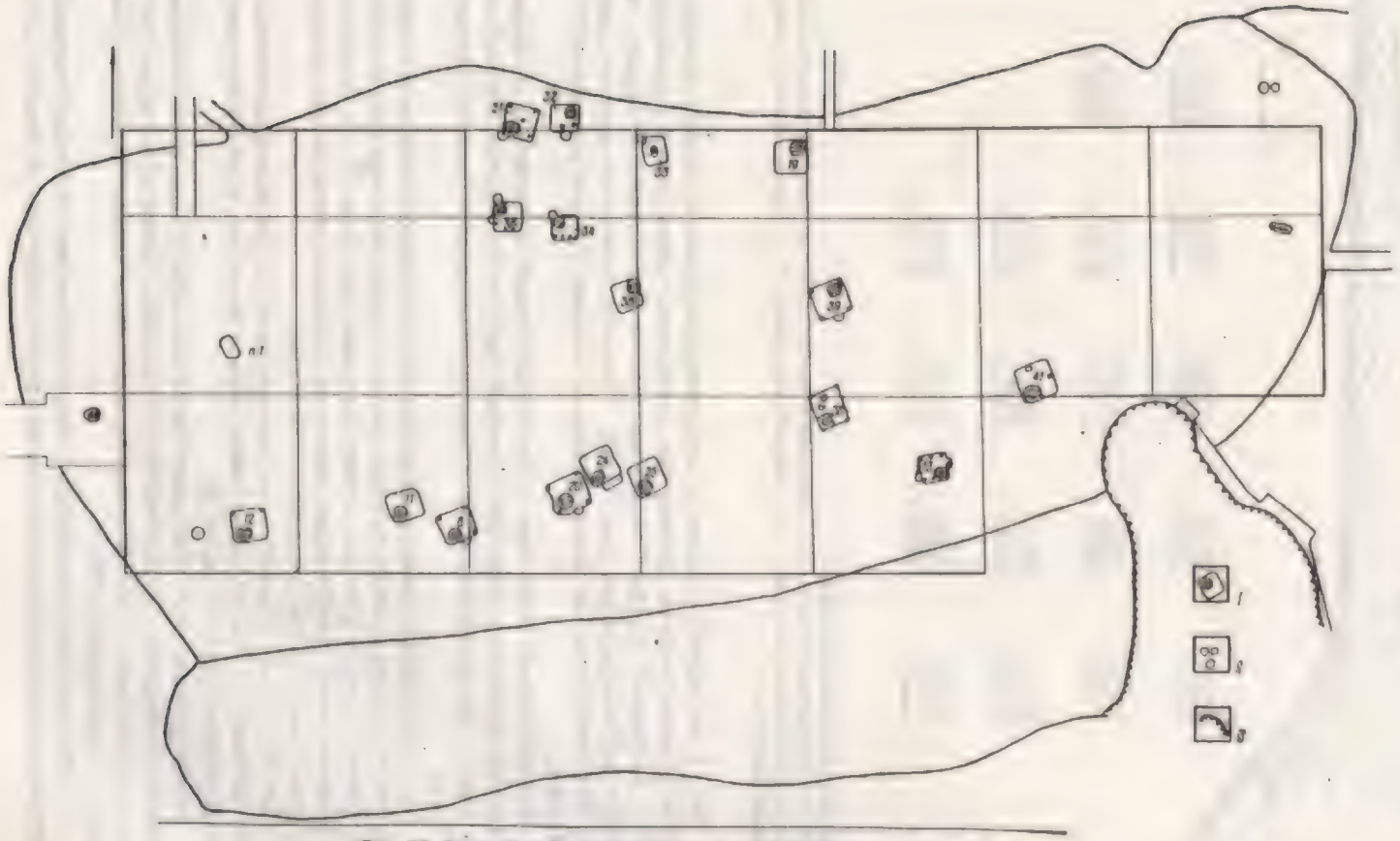


Рис. 70. Застройка Восточного городища в древнерусское время:
I — жилища; II — хозяйственные ямы; III — овраг.

Рис. 71. Городище Монастырек. Горшки XII–XIII вв.:
1–4 – тип 1; *5, 6* – тип 2; *7* – тип 3; *8, 9* – тип 4.

вы . желто-зеленый, излом черепка серый, что характерно для древнерусской поливы XII–XIII вв. Начало применения цветных глин, дающих в изломе черепка чаще всего серый цвет, относится к концу XI – началу XII в., когда производство сероглиняной посуды становится массовым явлением, а продукция – стандартной [Макарова, 1967, с.59–61].

Несомненный интерес для уточнения хронологии памятника и выяснения торговых связей представляют фрагменты северопричерноморских амфор. Один из обломков верхней части амфоры с ручкой позволяет отнести ее к грушевидным амфорам с сильно расширенным, как бы вздутым бороздчатым туловом, с коротким горлом и без венчика с высоко поднятыми дугообразными ручками. Это амфоры так называемого южного типа, они часто встречаются при раскопках древнерусских городищ Южной Руси. Их распространение приходится на XII–XIII вв. [Якобсон, 1979, с.113, рис. 69, *5*].

Предметов из железа на городище немного. Это орудия труда, оружие, бытовой инвентарь. Среди них серп сравнительно хорошей сохранности. Его размеры по линии АБ составляют 25 см, высота дуги лезвия (СД) около 7 см, угол изгиба начальной части клинка (А) 78°, общее направление лезвия конечной части клинка (Б) идет под углом 43°. Основная линия кривой, определяющая углы резания, проходит в основном

в пределах 41–47°. По приведенной характеристике наш серп следует отнести к серпам киевского типа [Левашова, 1956, с.19–104].

Из древнерусских объектов происходят также несколько экземпляров ножей. Их длина 11–15 см, длина черенка 3–4 см, ширина лезвия 2,0–2,5 см. Ножи изготовлены из слабо прокованной среднеуглеродистой стали или откованы из "уклада", а также в технике наварки стального лезвия на железную основу.

Из предметов вооружения найден черенковый наконечник бронебойной стрелы. Ланцетовидные ромбического сечения наконечники с пропорциями 1:4 – 1:6 были распространены в период с XI по XIV в., но особенно широко употреблялись в XIII–XIV вв. [Медведев, 1966, с.80, табл. 28, *18*]. Найден также фрагмент панцирной пластины.

Найдено несколько предметов бытового инвентаря: фрагмент трубчатого замка, относящийся к типу Б, по Б.А.Колчину, который бытовал с середины XII по начало XV в. [Колчин, 1982, с.162, рис. 3].

В одном из жилищ у дверного проема обнаружена дверная ручка (рис. 42, *2*), аналогичная находкам такого рода из жилищ XIII в. Новгорода [Б.А.Колчин, 1959, с.97, рис. 79].

Уникальной находкой является бронзовый светильник, возможно, часть хороса. Изделие подвергалось вторичной обработке, поверхность его во многих местах просверлена. Он состоит из круглой пластины диаметром 9 см и чашки диаметром по верхнему краю около 10 см (рис. 44, *13*).

На городище встречено семь обломков стеклянных браслетов, пять из них гладкие и два витые. Все браслеты круглые в сечении, диаметром 4–5 мм, три зеленого цвета, один бирюзового, три оливкового.

Таким образом, все категории находок относятся к XII–XIII вв. При этом есть группа вещей, датирующаяся рубежом XII–XIII вв. Отсутствие материалов XI в. приводит к мысли, что городище возникло не ранее XII в. Такой небольшой хронологический диапазон существования памятника подтверждается и относительно небольшим количеством одновременно функционировавших жилищ – не более 16 построек.

ГОРОДИЩЕ МОНАСТЫРЕК И ЛЕТОПИСНЫЙ ЗАРУБ

Заруб упоминается в летописях как опорный пункт, расположенный у переправы через Днепр напротив Трубежа. События, связанные с этим городом, относятся к концу XI – первой четверти XIII в. Письменные свидетельства о Зарубе не раз комментировались в научной литературе [Каргер, 1950, с.33; Толочко, 1980, с.143–145]. В летописи Заруб упоминается шесть раз (1096, 1146, 1147, 1151, 1156, 1223 гг.), что свидетельствует о незаурядной роли, которую играл этот город в истории Южной Руси. Для сравнения отметим, что такие приднепровские города, как Чучин и Иван, отмечены летописцем по одному разу [Толочко, 1980, с.142–143]. Письменные сведения о Зарубе раскрывают роль этого города как крепости у днепровской переправы, месте переговоров с половецкими ханами, значительном церковном центре [ПСРЛ, т.2, стб.221, 323, 340, 426, 485, 505].

История летописного Заруба неразрывно связана с Зарубским монастырем, расположенным у подножья городища Монастырек. Остатки монастыря еще в прошлом веке изучал Н.Ф.Беляшевский, затем исследованиями его занимались А.Д.Эртель, В.П.Песчанский, М.К.Каргер, который приложил также немало усилий для установления местоположения самого города Заруба. Однако шурфовка городища не обнаружила древнерусских материалов. На этом основании М.К.Каргер решил, что Заруб располагался не здесь, в урочище Городки, а на Батуриной горе, находившейся в 1,5 км западнее городища [Каргер, 1950, с.46].

П.Г.Лебединцев отождествлял урочище Церковище с Зарубом, что, однако, не соответствует обычной топографии древнерусских городов Поднепровья. П.П.Толочко, также проводивший разведки в районе с.Зарубинцы, считает, что в определении места нахождения Заруба наиболее надежным ориентиром по-прежнему являются остатки древнерусских храмов. Не исключено также, что какие-то части города могли располагаться на верхнем плато, где находилось городище, которое, возможно, и было Зарубской сторожевой заставой [Толочко, 1980, с.146].

Исследованные нами древнерусские объекты и укрепления городища подтвердили существование здесь крепости, которую, на наш взгляд, следует связывать с летописным Зарубом. Вдоль береговой линии Днепра от с.Зарубинцы до хут.Монастырек, где, по локализации летописца, находился летописный Заруб, нет более подходящего места для военной заставы, чем городище Монастырек. Однако отсутствие на городище явных материалов XI в. на первый взгляд противоречит историческим данным. Ведь впервые Заруб упоминается в летописи уже в конце XI в. Это обстоятельство вызвало необходимость продолжить разведочные работы в окрестностях городища.

На участке от урочища Городки до хут.Монастырек неоднократно встречаются фрагменты древнерусской керамики и куски плинфы. Особенно много плинфы находится в урочище Церковище. Сейчас вода непосредственно подходит к плато, где находились постройки монастыря. В срезе берега на высоте около 10 м от современного уровня реки и 0,5 м от поверхности террасы тянется кладка плинфы. Она находится на расстоянии около 6–8 м к югу от храма, исследованного М.К.Каргером. Эта кладка относится к какой-то постройке, связанной с Зарубским монастырем, возможно, монастырской стене. В кладку входит оранжевая по цвету плинфа шириной около 23–25 см, толщиной 3,5 см, но есть образцы толщиной 4,5 см.

В 10 м от кладки в срезе берега обнаружена колоколовидной формы яма, наполненная строительным мусором. В ней находились плинфа толщиной 2,5–2,8 см и 4,5 см, обломки плиток от пола, фрагменты голосников и фресок. Об аналогичных ямах упоминается в отчетах экспедиции М.К.Каргера. Они принадлежали сбросовым ямам из раскопок Н.Беляшевского и были заполнены человеческими костями или разрозненно лежавшими кирпичами [Архив ЛОИА, ф.35, 1, № 70; Дневник П.А.Раппопорта, 1949, с.8]. Большинство обнаруженной на берегу плинфы имело толщину 3,5 и 4,5–5 см и ширину 23–25 см, что характерно для построек IX–XIII вв. [Холостенко, 1976, с.148]. Вместе с тем часто попадались кирпичи толщиной до 10 см, относящиеся к более поздним постройкам монастыря.

С целью поиска культурного слоя древнерусского времени была проведена шурфовка территории западнее храмов. В шурфах попадался строительный мусор – фрагменты штукатурки и фресок. В одном из шурфов на глубине 1,0 м найден череп. М.К.Каргер отмечает, что на расстоянии около 20 м к югу от храма на глубине 1,0 м обнаружено погребение, при расчистке скелета найдена бронзовая пуговица XI–XIII вв. Таким образом, территория, примыкающая к Зарубскому монастырю, была занята древнерусским могильником.

В 100 м к югу от монастыря на останце 8–15 м, получившем название Гончаровщина, также был обнаружен древнерусский материал. Плато размером 100х100 м с востока, юга и запада ограничено высокими мысами, северная часть размывается водами Каневского водохранилища. Площадка неровная, на ней прослежены возвышенности до 5 м высотой, характер которых неясен. С восточного и западного краев плато текут ручьи. Наиболее возвышенная часть достигает около 15 м от уровня Днепра. На западном плато в месте скопления древнерусской керамики был заложен раскоп. На глубине 0,25 м на фоне рыжеватой супеси проступило темное пятно заполнения. При разборке пятна собрано около 340 обломков круговых сосудов. На глубине 0,4 м встретились куски печины, обмазка со следами деревянных конструкций. Дальнейшая разборка показала, что это остатки сильно разрушенного гончарного горна. Сохранилась лишь северо-восточная стенка с сильно ошлакованными краями, край пода и предпечная яма размерами 0,5 х 0,9 м. Яма была заполнена золистым грунтом, кусочками угля и пережженными фрагментами керамики.

Большинство фрагментов сосудов не были обожжены, являясь, по-видимому, браком. Примечательно, что из этого материала не удалось собрать ни одного целого сосуда. Керамика изготовлена из хорошо отмученной глины без видимых примесей и имеет оранжевый или желтый цвет поверхности. Из-за фрагментарности материала можно судить лишь о форме верхней части горшков. Все они имеют хорошо выраженную шейку, плавно переходящую в округлое плечико. Главное отличие наблюдается в оформлении венчика. Наиболее массовую группу составляют сосуды с округлым или косо срезанным венчиком и оттянутым кверху утонченным краем. Эта группа сосудов аналогична керамике XI в. из Киева [Толочко, 1981, с.299] и Плиснеска [Кучера, 1962, с.148]. Горшки с округлым утолщенным венчиком составляют также довольно значительную

группу. Некоторые из них имеют четкую выемку по внутреннему краю. Сосуды с таким венчиком распространены на широкой территории и не имеют узкой даты. Бытовали они в течение всего древнерусского периода. Примечательно, что орнаментом покрыты единичные экземпляры горшков, что характерно в целом для XI в. [Толочко, 1981, с.299].

Материалы наших раскопок согласуются с результатами разведочных работ, проведенных в этих местах другими исследователями. В частности, Н.Ф.Беляшевский отмечает, что невдалеке от урочища Церковище встречено место, покрытое черепками от толстостенных амфор и сосудов разной величины, бывших в употреблении и новых, и предполагает, что в древности здесь существовало гончарное и кирпичное производство [Н.Беляшевский, 1889, с.213]. Подъемный материал в этом месте собран также во время разведки 1960 г. М.Ю.Брайчевским и Н.М.Кравченко [НА ИА АН УССР, Брайчевский, Кравченко, 1960, с.7]. По-видимому, это поселение было заселено ремесленниками, специализировавшимися на изготовлении керамики и плинфы, что подтверждается и названием урочища.

Итак, местность вблизи городища была заселена уже в XI в. Крепость же возникла позднее, когда появилась необходимость в сооружении военной заставы при переправе, которая также служила убежищем для окрестного населения в период военной опасности. Основу населения городища составляли воины, дружинники и их семьи. К этому же выводу приводит и анализ антропологического материала из могильника, расположенного на Западном городище. Так, преобладающее большинство погребенных принадлежало мужчинам 35—40 лет, некоторые из них имели явные следы насильственной смерти.

Раскопки на городище окончательно не решили проблему исторического Заруба; поиски остатков этого города, который не был тождествен одной крепости, должны быть продолжены в будущем. Для более обстоятельной характеристики этого города мы располагаем слишком недостаточными данными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

У бывшего села Монастырек, расположенного на Днепре в 100 км южнее Киева, экспедицией Института археологии АН УССР были исследованы археологические памятники, содержащие материалы эпохи меди-бронзы, скифского времени, зарубинецкой культуры, славянского периода VIII–X вв. и эпохи Киевской Руси XII–XIII вв.

Памятники Монастырька – это примыкающие друг к другу Восточное городище (площадью около 1 га), Западное городище (2 га) и селище (3 га), составляющие урочище Городки или Трубы. Здесь начиная с 1974 г. в течение шести полевых сезонов производились раскопки, в ходе которых было вскрыто до 6 тыс. м^2 площади – с возможной полнотой было исследовано Восточное городище, часть Западного городища, участок на селище. В ходе этих исследований удалось обнаружить около 30 тыс. фрагментов керамики, а также серию целых сосудов зарубинецкой и славянской культур, многие десятки предметов из железа, бронзы, глины, стекла, кости, камня, арабские серебряные дирхемы, тысячи обломков костей животных и антропологический материал XII–XIII вв.

На Восточном городище были изучены оборонительные сооружения зарубинецкого времени и эпохи Древней Руси, когда здесь находился летописный город Заруб. Зарубинецкие вал и ров высотой и глубиной до 2 м опоясывали по вершине все Восточное городище. Такое же размещение имели и древнерусские фортификационные сооружения, однако они превосходили зарубинецкие большей мощностью.

Приведенные данные убедительно показывают, что комплекс памятников у с.Монастырек представляет собой важный исторический источник, в первую очередь для раннеславянской истории. Так, редкое по сохранности, размерам и богатству материалов славянское городище VIII–X вв. освещает полнее, чем какой-либо из известных аналогичных объектов, начальный, наименее изученный период Древнерусского государства. Изучение многочисленных славянских жилищ Монастырька, керамики этого времени, орудий труда, украшений, предметов обихода и других находок открывает новые источниковедческие перспективы.

Большое значение имеют материалы древнерусского города Заруба и его некрополя. И фортификационные сооружения, и жилищно-хозяйственные комплексы с найденными в них керамикой, украшениями, злаками, а также антропологический материал из погребений позволяют более конкретно представить облик самого города-крепости, особенности жизни и быта воинов-дружинников дислоцированного здесь гарнизона и их семей.

Интересны материалы зарубинецкой культуры. Их многочисленность и разнообразие говорят о том, что на рубеже нашей эры здесь функционировало крупное по тем масштабам древнеславянское поселение. Изучение зарубинецких материалов дополняет, а в некоторых случаях и меняет наши взгляды о времени существования зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья и особенностях исторической жизни зарубинцев, главным образом в течение завершающего периода.

Археологические материалы представляют собой лишь часть научного богатства, хранящегося в земле Монастырька, найти которое помогут дальнейшие исследования.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

В.А.Петрашенко

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ГОРШКОВ VIII–X вв.

Анализ горшков проведен на основе статистической обработки керамики из археологических раскопок [Генинг, 1976, с.136]. Коллекция состоит из 14 целых форм, 90 верхних частей (до наибольшего расширения по тулову), около 200 венчиков, 66 днищ, дающих полный диаметр, и более тысячи фрагментов стенок.

Горшок имеет семь параметров, отражающих его абсолютные размеры: P_1 – диаметр по венчику, P_2 – диаметр по основанию шейки, P_3 – наибольший диаметр по тулову, P_4 – диаметр дна, P_5 – общая высота сосуда, P_6 – высота шейки, P_7 – высота плеча. По абсолютным размерам в рассматриваемой коллекции имеются в наличии большие сосуды с диаметром по венчику до 42 см и общей высотой до 39 см, преобладают средние горшки и совсем отсутствуют маленькие (табл. 1; 2). Однако абсолютные размеры лишь приблизительно могут характеризовать форму горшка, определяют его относительные величины – указатели формы (табл. 3).

Одной из наиболее дифференцирующих деталей горшка является шейка, форма ее у большинства исследователей выступает главным признаком при анализе материала. Горшки Монастырька имеют преимущественно низкие шейки, что характерно для керамики VIII–X вв. правобережного Поднепровья. По указателю ФА шейки можно отнести к двум первым интервалам (0–0,4). Профилировка их разнообразна – от почти прямых до сильно отклоненных наружу. Горшки VIII в. по сравнению с посудой, бытовавшей в IX–X вв., имеют менее профилированные шейки. Среди лепных форм около 13 % экземпляров имеют очень слабо отклоненные шейки, 46 % были слабо профилированными. Среди круговых преобладают профилированные (70 %), совсем отсутствуют слабо отклоненные и около 15 % шеек относится к очень профилированным. По этому признаку керамика Монастырька близка к горшкам из Каневского поселения, где средне профилированные сосуды составляют 58 %. Большинство сосудов имеют изогнутую линию шейки (70 %), но довольно часто встречаются горшки с прямой линией.

Как для лепных, так и круговых горшков характерно короткое плечо; сосуды с длинным плечом встречаются в единичных случаях и только среди лепных форм. По этому признаку рассматриваемая коллекция близка к горшкам Каневского поселения и Киева (горизонт VIII–X вв.) и отличается от поселений VIII–IX вв. Потясминья, где в значительном количестве (от 25 до 38 %) распространены горшки с длинным плечом.

Для всей коллекции характерно слабо или средне отклоненное плечо, горшки с сильно отклоненным плечом составляют около 10 %. Линия плеча в абсолютном большинстве выпуклая, прямое плечо составило около 20 %. Горшки по пропорции ФЕ варьируют в пределах 0,8–1,2. Абсолютное большинство их относится к высоким формам. Один сосуд средний по высоте. Расположение плеча довольно устойчивое, по этому параметру (ФЖ) горшки варьируют в пределах 0,55–0,71, т.е. имеют высокое или очень высокое плечо, кроме одного кругового горшка со средним положением плеча.

Придонная часть слабо отклонена, линия ее чаще всего прямая или выпуклая, но в единичных случаях встречаются сосуды с вогнутой линией.

В оформлении сосуда большое значение отводилось венчику, который в немалой степени определяет специфические черты керамических комплексов. Для лепной и при-

Таблица 1. Характеристика горшков по абсолютным размерам и указателям формы

№ п/п	P_1	P_2	P_3	P_4	P_5	P_6	P_7	ФА	ФБ	ФВ	ФГ	ФД	ФЕ	ФЖ
1	30,5	28,6	32,0	12,0	39,0	3,0	8,5	0,1	0,32	0,27	0,2	0,36	1,22	0,7
2	27,0	24,0	25,5	9,5	27,0	3,3	2,7	0,14	0,45	0,11	0,28	0,37	1,06	0,78
3	21,0	18,0	22,0	9,0	26,0	2,6	7,1	0,14	0,58	0,32	0,28	0,4	1,18	0,63
4	23,2	21,3	25,0	10,0	27,0	1,9	4,0	0,09	0,5	0,16	0,46	0,36	1,08	0,78
5	10,0	8,2	10,8	6,5	13,5	3,0	3,5	0,37	0,3	0,32	0,37	0,31	1,25	0,52
6	12,0	12,0	19,7	7,5	24,0	4,0	5,2	0,33	0,0	0,26	0,74	0,41	1,22	0,61
7	18,0	18,0	24,0	11,5	25,0	4,5	6,0	0,25	0,0	0,25	0,5	0,43	1,04	0,58
8	27,0	25,5	29,0	11,0	27,5	2,0	6,0	0,08	0,38	0,21	0,29	0,46	0,95	0,71
9	16,3	14,6	18,2	8,5	22,5	1,9	5,1	0,13	0,45	0,28	0,35	0,31	1,24	0,69
10	22,0	19,6	21,0	8,5	24,5	2,1	5,4	0,11	0,57	0,26	0,13	0,37	1,17	0,69
11	12,0	11,0	16,0	8,0	16,5	2,5	4,0	0,23	0,2	0,25	0,63	0,4	1,03	0,61
12	16,0	15,0	18,0	13,0	15,0	1,9	2,1	0,12	0,26	0,11	0,71	0,22	0,83	0,73
13	14,0	12,3	15,3	7,0	20,0	1,5	4,5	0,12	0,57	0,3	0,33	0,3	1,3	0,7
14	29,0	25,0	31,0	12,5	35,6	4,0	14,0	0,16	0,5	0,45	0,21	0,26	1,11	0,49

Таблица 2. Характеристика фрагментов горшков по абсолютным размерам и указателям форм

№ п/п	P_1	P_2	P_3	P_6	P_7	ФА	ФБ	ФВ	ФГ
15	15,8	14,6	16,8	2,0	2,4	0,14	0,3	0,14	0,46
16	16,0	14,0	16,0	1,6	0,4	0,12	0,63	0,15	0,42
17	16,0	15,0	19,5	3,0	5,0	0,2	0,17	0,26	0,45
18	12,2	9,5	11,0	2,0	2,5	0,21	0,68	0,23	0,3
19	11,0	9,0	11,0	2,7	4,3	0,3	0,37	0,39	0,23
20	17,0	15,2	16,8	1,8	2,7	0,12	0,5	0,16	0,3
21	17,0	15,6	19,0	2,0	7,1	0,13	0,35	0,37	0,24
22	18,5	16,0	18,5	2,3	3,5	0,14	0,54	0,19	0,36
23	22,0	20,4	22,0	1,8	3,6	0,09	0,44	0,16	0,22
24	28,0	25,2	27,4	2,8	5,8	0,11	0,5	0,21	0,19
25	16,2	14,7	18,8	4,5	7,3	0,31	0,17	0,39	0,28
26	20,0	17,5	19,5	4,0	5,5	0,23	0,31	0,28	0,18
27	18,0	16,0	19,5	2,0	4,0	0,13	0,5	0,21	0,44
28	12,0	10,5	13,5	2,2	4,5	0,21	0,34	0,33	0,33
29	17,5	15,5	18,5	2,0	4,0	0,13	0,5	0,22	0,38
30	18,5	18,0	22,5	3,0	8,0	0,17	0,08	0,35	0,28
31	16,0	13,5	19,0	2,5	5,0	0,19	0,5	0,26	0,55
32	18,0	14,5	17,0	3,5	5,5	0,24	0,5	0,32	0,23
33	14,0	13,0	17,0	2,0	4,5	0,15	0,25	0,26	0,44
34	11,0	10,5	13,5	2,0	3,5	0,19	0,13	0,26	0,43
35	22,0	19,0	25,0	3,0	6,5	0,16	0,5	0,26	0,46
36	18,0	14,6	17,4	2,0	3,0	0,14	0,85	0,17	0,47
37	18,0	17,0	21,0	2,3	4,5	0,14	0,22	0,21	0,44
38	20,0	18,0	24,0	2,0	5,0	0,11	0,5	0,21	0,6
39	20,0	18,4	25,2	2,5	6,7	0,14	0,32	0,27	0,51
40	18,0	16,0	21,0	2,0	3,0	0,13	0,5	0,14	0,83
41	18,0	14,6	20,0	2,8	5,0	0,19	0,61	0,25	0,54
42	22,5	20,0	22,5	3,0	7,0	0,15	0,41	0,31	0,18
43	12,0	11,2	14,0	2,0	2,5	0,18	0,2	0,18	0,56
44	12,4	10,5	11,5	2,0	3,5	0,19	0,48	0,3	0,14
45	14,0	12,2	15,0	2,2	4,8	0,18	0,41	0,32	0,29
46	16,0	14,4	18,3	2,0	5,5	0,14	0,4	0,3	0,35
47	16,0	14,1	16,2	1,7	2,5	0,12	0,56	0,15	0,42
48	16,0	15,2	17,5	2,5	4,5	0,16	0,16	0,26	0,26
49	28,4	27,4	32,2	2,0	4,2	0,07	0,25	0,13	0,57
50	25,0	23,5	25,5	2,3	3,2	0,1	0,33	0,13	0,31
51	20,5	18,4	20,0	2,5	2,4	0,14	0,42	0,12	0,33
52	20,0	17,3	21,0	3,5	4,5	0,2	0,36	0,21	0,41
53	20,0	18,4	22,0	2,3	4,2	0,13	0,35	0,19	0,43
54	16,0	15,0	18,6	2,0	5,0	0,13	0,2	0,27	0,34
55	20,5	18,5	19,7	1,8	4,0	0,1	0,56	0,20	0,15
56	26,0	25,5	30,0	1,5	7,0	0,06	0,16	0,23	0,32
57	10,0	9,0	10,0	1,5	3,0	0,17	0,33	0,3	0,16
58	8,0	6,3	7,7	1,5	3,5	0,24	0,57	0,45	0,2
59	14,0	13,0	14,3	3,0	4,0	0,23	0,17	0,28	0,16
60	16,4	15,7	23,0	2,0	7,0	0,13	0,18	0,30	0,52
61	11,0	10,5	11,4	2,0	2,0	0,19	0,13	0,18	0,23

Окончание табл. 2

№ п/п	P_1	P_2	P_3	P_6	P_7	ФА	ФБ	ФВ	ФГ
62	10,0	9,4	10,0	16,5	2,0	0,16	0,2	0,2	0,15
63	20,0	21,6	24,0	3,7	3,5	0,17	0	0,15	0,34
64	16,0	15,0	18,0	2,0	2,0	0,13	0,25	0,11	0,75
65	18,0	18,2	22,0	2,5	4,5	0,14	0	0,20	0,44
66	20,0	19,0	22,0	2,0	4,0	0,11	0,25	0,18	0,38
67	22,5	22,0	25,6	2,2	3,6	0,1	0,11	0,14	0,5
68	10,0	9,7	12,5	2,0	3,0	0,2	0,07	0,24	0,47
69	12,0	11,2	13,0	1,1	2,6	0,09	0,4	0,2	0,33
70	10,0	10,0	12,6	3,0	2,5	0,3	0	0,2	0,5
71	21,5	21,3	26,0	3,0	4,0	0,14	0,03	0,15	0,6
72	26,0	24,0	26,2	2,0	6,5	0,08	0,5	0,25	0,17
73	14,0	13,0	15,0	2,2	3,3	0,16	0,21	0,22	0,03
74	16,0	15,0	17,0	1,5	2,5	0,1	0,33	0,14	0,4
75	22,0	19,0	22,0	3,0	5,0	0,16	0,5	0,22	0,3
76	24,0	22,0	24,6	3,2	5,0	0,15	0,31	0,20	0,26
77	18,0	17,2	19,2	1,5	3,0	0,08	0,26	0,15	0,33
78	10,0	9,0	10,0	1,5	3,0	0,17	0,33	0,3	0,17
79	16,0	14,0	17,0	2,0	6,0	0,14	0,5	0,35	0,25
80	11,4	9,0	14,5	2,0	4,5	0,22	0,6	0,31	0,6
81	10,0	10,0	11,6	1,2	3,7	0,12	0	0,32	0,22
82	16,0	15,8	18,6	1,1	3,6	0,07	0,09	0,19	0,39
83	16,0	14,2	17,2	2,0	3,6	0,14	0,45	0,21	0,42
84	19,0	17,2	21,6	2,1	5,4	0,12	0,43	0,25	0,41
85	18,2	15,6	19,0	2,5	4,5	0,16	0,52	0,24	0,38
86	9,5	8,5	12,0	2,0	5,0	0,23	0,25	0,42	0,35
87	29,0	25,6	28,0	3,2	3,2	0,13	0,53	0,11	0,38
88	23,0	20,0	24,0	3,0	4,6	0,15	0,5	0,19	0,43
89	14,0	12,0	15,4	1,6	3,2	0,13	0,62	0,21	0,53
90	40,0	37,8	41,2	2,1	6,1	0,06	0,52	0,15	0,28

Таблица 3. Характеристика величины интервалов указателей формы и формулы определения указателей

Детали формы	Указатели формы	1-й интервал	2-й интервал	3-й интервал	4-й интервал	5-й интервал
Шейка	ФА $\frac{P_6}{P_2}$	0,03—0,13 очень низкая	0,13—0,23 низкая	0,23—0,38 средняя	0,38—0,43 высокая	—
	ФБ $\frac{P_1-P_2}{2P_6}$	—0,1—0,1 прямая или слегка отклоненная внутрь	0,1—0,3 слабо отклоненная	0,3—0,5 средне отклоненная	0,5—0,7 сильно отклоненная	0,7—0,9 очень сильно отклоненная
	ФВ $\frac{P_7}{P_3}$	0,04—0,14 очень короткое	0,14—0,24 короткое	0,24—0,34 среднее	0,34—0,44 длинное	0,44—0,54 очень длинное
Плечо	ФГ $\frac{P_3-P_2}{2P_7}$	0,01—0,26 очень слабо выпуклое	0,26—0,50 слабо выпуклое	0,50—0,76 средне выпуклое	0,76—1,01 сильно выпуклое	—
	ФЖ $\frac{P_3/P_6-P_7/}{P_3}$	0,35 очень низкое	0,35—0,45 низкое	0,45—0,55 среднее	0,55—0,65 высокое	0,65 очень высокое
Придонная часть	ФД $\frac{P_3-P_4}{P_3-/P_6-P_7/}$	0,15—0,27 очень слабо отклоненная	0,27—0,39 слабо отклоненная	0,39—0,51 средне отклоненная	0,51—0,68 сильно отклоненная	—
Общая пропорция	ФЕ $\frac{P_3}{P_2}$	0,40—0,65 очень низкие	0,65—0,90 низкие	0,90—1,15 средние	1,15—1,40 высокие	1,40—1,65 очень высокие

митивно-круговой керамики Монастырька характерны округлый (40 %) и скошенный наружу срезы венчика (53,7 %). На единичных экземплярах (6,3 %) употреблялся горизонтальный венчик. Для круговых горшков характерен утолщенный венчик (69 %), оформленный в виде бортика или "манжетки". Однако значительная часть горшков (26,2 %) имеет скошенный наружу венчик и лишь в единичных случаях — округлый или горизонтально срезанный.

Для статистической обработки орнаментации выделены 14 мотивов. Наиболее распространенным украшением венчика на горшках была пальцевая вмятина или лунка, сделанная наколом либо вдавливанием при помощи круглой в сечении палочки. Этот тип орнамента можно считать общеславянским. Он распространен на широкой территории и употреблялся для украшения лепных горшков VIII—IX вв. на Среднем Днестре и в Северной Буковине [Тимощук, 1976, с.22—23], сосудов третьей четверти I тыс. н.э. Верхнего Поднестровья и Западной Волыни [Баран, 1972, с.37—38]. Этот элемент узора преобладает на большинстве памятников VIII—X вв. Среднего Поднепровья (в среднем от 70 до 80 %). Несколько реже венчики горшков украшались насечками (20 %) и в единичных случаях — "гусеничкой" по венчику. Сравнительно широко насечки по венчику были распространены на горшках из Макарова Острова (25 %) и совсем отсутствуют на керамике из поселения Лука Райковецкая. Узор "гусеничка" по венчику считается характерным для левобережного Поднепровья. Однако его распространение на Волынцевском поселении невелико (7 % общего числа всех других орнаментальных мотивов на этом памятнике). Единичные сосуды, украшенные "гусеничкой", известны в Сахновке, несколько больше (9 %) — в Ходосовке. С применением круга широкое распространение получает волнистый и линейный орнамент, покрывающий всю поверхность или отдельные части горшка. Наиболее популярным среди них является волна, прочерченная острием по сырой глине. Этот узор встречается на шейке, плече и придонной части, но преобладает на шейке (37 %). Близок к волнистому орнаменту узор из семечковидных углублений, соединенных слабо прочерченной линией. Он наносился только по шейке, был так же широко распространен, как и обычная волна (31,5 %). На круговой посуде по шейке изредка применялся орнамент в виде семечковидных углублений.

Почти так же широко, как и "волна", использовался орнамент из линий, расположенных по всему тулову. Особенно популярны были сплошные линии, прочерченные по плечу и стенкам горшка.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

В.Д.Гопак

МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КУЗНЕЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ

Многолетние раскопки Восточного и Западного городищ памятника позволили собрать значительную коллекцию железных изделий разнообразного назначения. Подавляющее большинство из них (87 экз.) подвергнуто металлографическим анализам. Таким образом, Монастырек является первым археологическим памятником Среднего Поднепровья, на котором металлографически исследован практически весь комплекс железных находок. Это позволяет достаточно полно осветить развитие местной железообработки на разных этапах существования памятника.

По технологическим, типологическим и стратиграфическим признакам исследованные предметы разделены на три хронологические группы — зарубинецкой культуры — 10 экз. (рис. 72), ранних славян VIII–X вв. — 52 экз. (рис. 73; 74), древнерусские — 15 экз. (рис. 75). Точная хронологическая принадлежность 10 экз. не установлена (рис. 72).

Изложение результатов исследований ведется в соответствии с их хронологией. Нумерация анализов соответствует картотеке исследований.

ИЗДЕЛИЯ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

*Ан.*480.* Серп М-74, Ж.7, № 90. Длина серпа 196 см, ширина лезвия 30,4 мм, толщина спинки 5,5 мм, масса 57,5 г. Изготовлен из плохо прокованной малоуглеродистой стали. Микроструктура — феррит, мало перлита. Содержание углерода в металле крайне неравномерно и изменяется в различных зонах изделия от 0 до 0,5 %. Микротвердость 95,8–170 к/мм^2. Следов термической обработки нет. В металле много остатков шлака.

Ан.485. Фрагмент серпа. М-74, Ж.7, № 91. Ширина лезвия 16,5 мм, толщина спинки 3,5 мм. Изготовлен из плохо прокованного кричного железа. Микроструктура — феррит, местами следы перлита. Микротвердость слегка повышена — 193 кг/мм^2. В металле много остатков шлака.

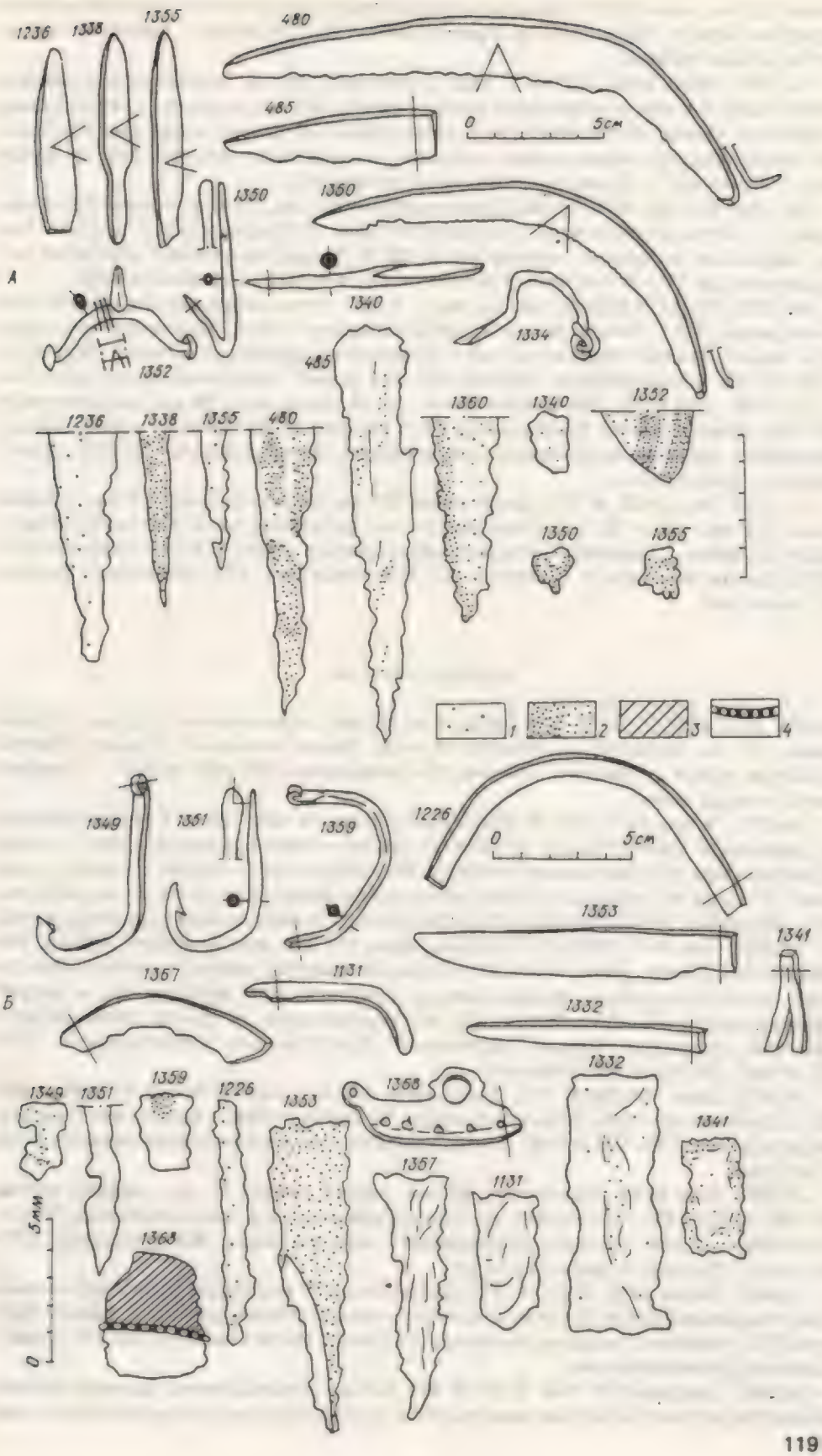
Ан.1236. Нож (без индекса). Черенок обломан. Длина сохранившейся части 68 мм, ширина лезвия 14,4 мм, толщина спинки 3,5 мм. Изготовлен из плохо прокованного кричного железа. Микроструктура — феррит (балл зернистости № 7), следы перлита. Микротвердость 116 кг/мм^2. В металле много остатков шлака.

Ан.1334. Фибула М-82, Я.164, № 624. Длина фибулы 52 мм, длина приемника 24 мм, масса 6 г. Изготовлена из качественной среднеуглеродистой стали. Микроструктура — феррит и перлит, содержание углерода 0,4–0,5 %. Микротвердость 170–236 кг/мм^2. Остатков шлака почти нет.

Ан.1338. Нож М-82, № 1196. Длина ножа 77 мм, ширина лезвия 12,2 мм, толщина

Рис. 72. Зарубинецкая культура. Изделия из железа и их технологические схемы (А). Прочие изделия из железа и их технологические схемы (Б):
1 — железо; *2* — сталь без термической обработки; *3* — сталь, термически обработанная; *4* — медь.

* Здесь и далее приняты сокращения слов: Ан. — анализ, Ж. — жилище, Я. — яма.


А
1236
1338
1355
480
485
0
5см
1350
1360
1340
1334
1352
485
1236
1338
1355
480
1360
1340
1352
1350
1355
1 2 3 4
Б
1349
1351
1359
1226
0
5см
1353
1341
1367
1131
1332
1349
1351
1359
1226
1353
1368
1332
1341
1367
1131
5мм
0
1368

спинки 3,8 мм, масса 5,9 г. Откован из среднеуглеродистой стали с нормализованной феррито-перлитной структурой. Микротвердость 116–236 кг/мм^2. Шлаковых включений в металле немного.

Ан.1340. Шило М-82, Я.224, № 1030. Длина шила 91 мм, максимальный диаметр рабочей части 6,5 мм, максимальное сечение черенка 4x7 мм, масса 9,1 г. Изготовлено из кричного железа. Микроструктура – мелкозернистый феррит, следы перлита. Высокая микротвердость железа может указывать на упрочение рабочей части наклепом (H_{100} – 420 кг/мм^2). Остатков шлака в металле немного.

Ан.1350. Крючок М-83, № 636. Длина крючка 66,3 мм, диаметр стержня 3,5–4 мм, масса 4,1 г. Изготовлен из среднеуглеродистой стали. Микроструктура – феррит и перлит, содержание углерода в металле около 0,5 %. Следов термической обработки нет, микротвердость 181–274 кг/мм^2. В металле много точечных включений шлака.

Ан.1352. Шпора М-83,3 ап. раскоп (вал), № 607. Длина шпоры 62 мм, высота шипа 16 мм, масса 12,3 г. Изготовлена из среднеуглеродистой стали. Микроструктура – феррит и перлит. Заметно чередование зон с различным содержанием углерода (0,6–0,7 % и 0,2–0,3 %). Микротвердость металла 193–254 кг/мм^2. Включений шлака почти нет.

Ан.1355. Нож М-83, Зап. раскоп (вал), кв. 15. Длина ножа 79 мм, ширина лезвия 11,7 мм, толщина спинки 2,9 мм, масса 6,9 г. Изготовлен из кричного железа. Микроструктура – мелкозернистый феррит, следы перлита. Микротвердость 170–236 кг/мм^2. Остатков шлака почти нет.

Ан.1360. Серп М-83, № 611. Длина серпа 159 мм, ширина лезвия 16,2 мм, толщина спинки 3,7 мм, масса 32 г. Откован из среднеуглеродистой стали. Микроструктура – феррит и перлит. Содержание углерода неравномерно и колеблется в пределах 0,3–0,5 %. Следов термической обработки нет. Микротвердость 236–254 кг/мм^2. Включений шлака мало.

ИЗДЕЛИЯ VIII–X вв.

Ан.475. Нож М-74, Я.11, № 544. Длина ножа 92 мм, ширина лезвия 12,7 мм, толщина спинки 2,4 мм, масса 10,3 г. Откован из стали. Лезвие закалено и отпущено. Микроструктура лезвия – троостит отпуска. Микротвердость 297–420 кг/мм^2. В металле много остатков шлака.

Ан.476. Гвоздь М-74, Ж.5, № 365. Длина изделия 49 мм. Головка гвоздя высажена на гвоздильной доске. Гвоздь откован из грубой малоуглеродистой стали с крайне неравномерным распределением углерода. Микроструктура – феррит и перлит, содержание углерода по отдельным зонам микрошлифа изменяется от 0,6 % до почти полного отсутствия. Микротвердость 151–254 кг/мм^2. В металле много остатков шлака.

Ан.477. Нож М-74, Ж.16, № 768. Длина ножа 112 мм, ширина лезвия 15,1 мм, толщина спинки 3,8 мм, масса 14,1 г. Изготовлен из кричного железа, не исключаются остатки цементации лезвия. Микроструктура основного поля микрошлифа – феррит, поверхностные зоны на глубину до 0,5 мм науглерожены, по центру пятно феррито-перлитной структуры. Следов термической обработки нет, микротвердость 128–206 кг/мм^2. Остатков шлака немного.

Ан.479. Тесло Зар.59, № 415. Длина тесла 204 мм, ширина лезвия 87,5 мм, масса 650 г. Откована из грубого кричного железа. Микроструктура – феррит, мало перлита, микротвердость 128–193 кг/мм^2. По засоренности шлаком металл приближается к губчатой крице.

Ан.481. Нож М-74. Длина ножа 80 мм, ширина лезвия 16 мм, толщина спинки 3,4 мм, масса 9,2 г. Изготовлен из хорошо прокованного кричного железа. Микроструктура – феррит со слабо травящимися границами зерен. Микротвердость 125–151 кг/мм^2. Включений шлака почти нет.

Ан.482. Гвоздь М-74, Я.11, № 545. Длина гвоздя 71 мм, масса 9 г. Головка высажена на гвоздильной доске. Откован из кричного железа. Микроструктура – феррит (балл зерна № 8), поверхностные зоны слегка науглерожены. Микротвердость 128–181 кг/мм^2. Включений шлака почти нет.

Ан.483. Скобка М-74, Я.8 (Ж.9), № 478. Сильно коррозирована, размеры не измерялись. Изготовлена из хорошо прокованного кричного железа. Микроструктура – мел-

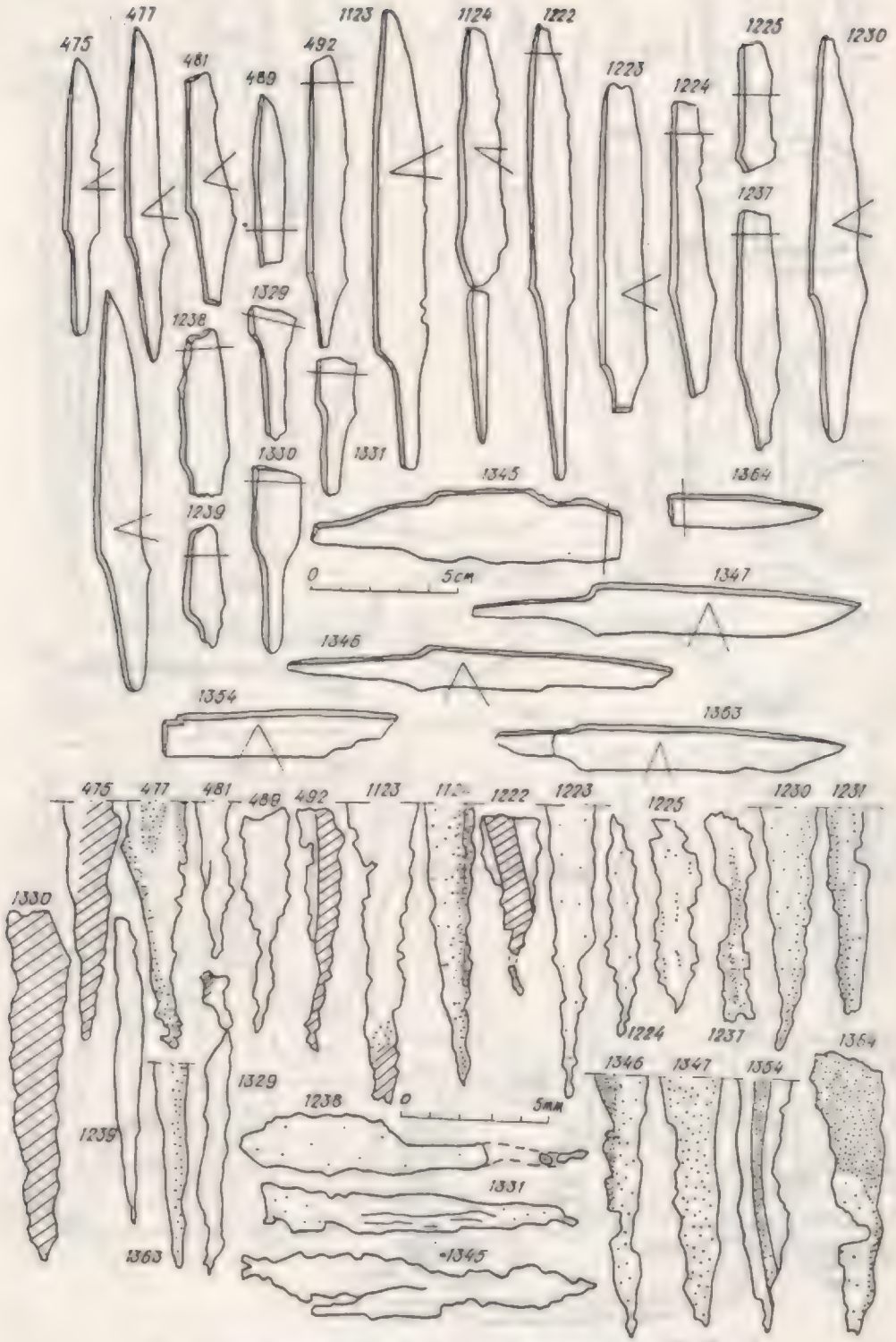


Рис. 73. Изделия из железа VIII—X вв. и их технологические схемы.

Рис. 74. Изделия из железа VIII—X вв. и их технологические схемы.

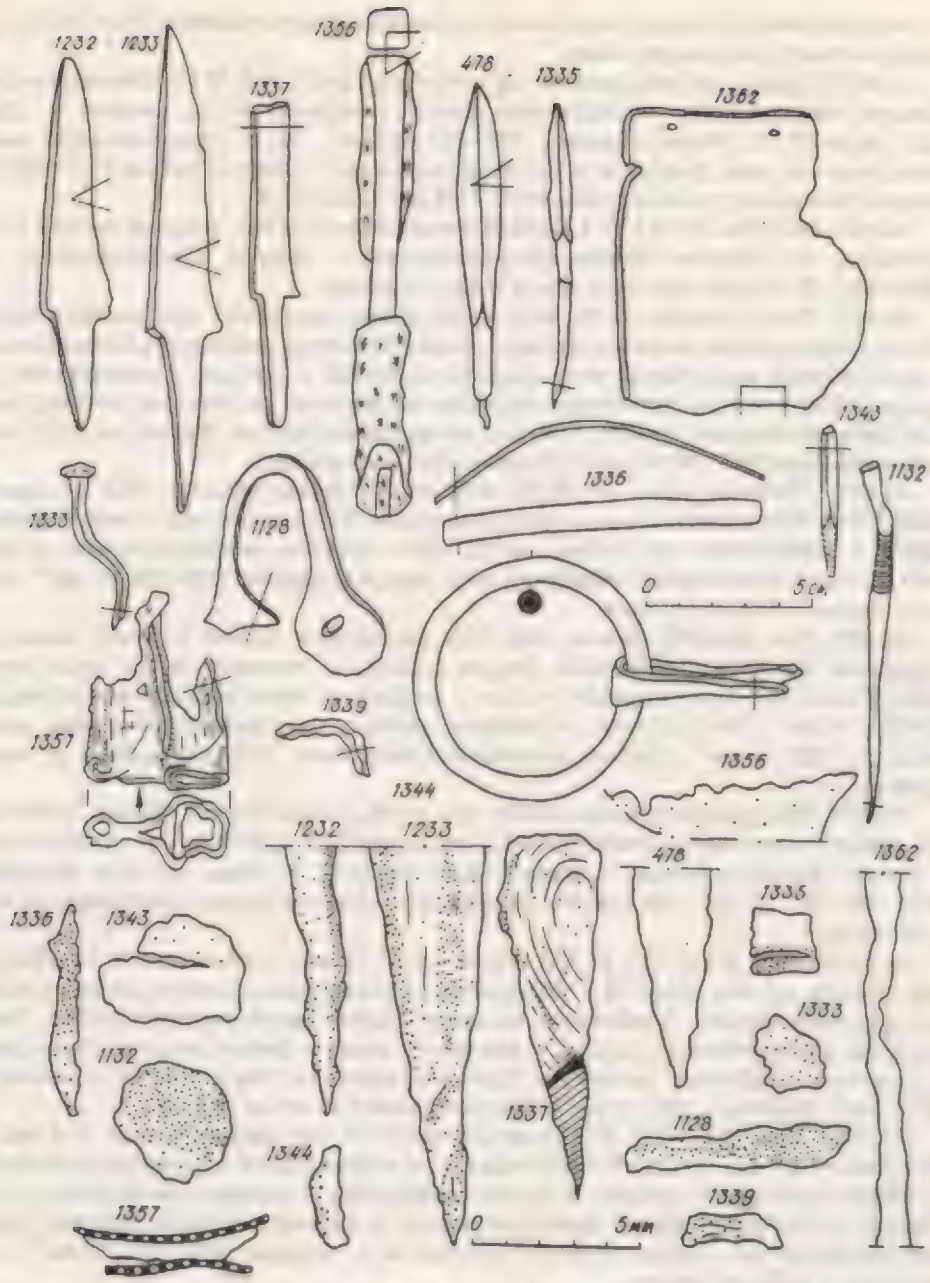


Рис. 75. Изделия из железа XII—XIII вв. и их технологические схемы.

козернистый феррит, местами следы перлита. Микротвердость 116—160 кг/мм^2. Остатков шлака почти нет.

Ан.484. Фрагмент пластины М-74, Ж.10, № 477. Ширина пластины 19,6 мм, толщина — 2,4 мм. Изготовлена из кричного железа. Микроструктура — феррит со слабо травящимися границами зерен. Микротвердость 170 кг/мм^2. Включений шлака в металле немного.

Ан.486. Шило М-74, Я.22, № 633. Длина шила 65,8 мм, максимальный диаметр рабочей части 4 мм. Изготовлено из кричного железа. Микроструктура — феррит, "иглы" нитридов (?). Микротвердость 110—143 кг/мм^2. В металле довольно много остатков шлака.

Ан 487. Фрагмент дужки ведра М-74, Ж.6, № 262. Поперечное сечение стержня дужки 7,7 x 8,3 мм. Изготовлена из слабо прокованного кричного железа. Микроструктуру

ра — мелкозернистый феррит, местами следы перлита. Микротвердость 95,8—143 кг/мм^2. В металле много включений шлака.

Ан.488. Кольцо для закрепления косы-горбуши М-74, Ж.9, № 94. Сварено из прямоугольной полосы слабо прокованного железа. Микроструктура металла — феррит (балл зерна № 8). Микротвердость 100—151 кг/мм^2. Четко прослеживается светлая полоса сварного шва. В металле много остатков шлака. Габариты кольца 48,3 х 48,1 мм, размеры поперечного сечения стержня 10,7 х 8 мм, масса 51,4 г.

Ан.489. Нож Зар. 60, Я.1, Ж.1. Ширина лезвия ножа 11,5 мм, толщина спинки 3,1 мм. Изготовлен из кричного железа. Микроструктура — феррит, микротвердость 110—143 кг/мм^2. В металле довольно много остатков шлака.

Ан.490. Язык пряжки М-74, Ж.5, № 89. Длина языка 63,7 мм, диаметр стержня 4,9 мм. Изготовлен из обломка сварного предмета (металл вторичного использования). На микрошлифе выделяются зоны феррито-перлитной структуры с содержанием углерода до 0,6 %, затем со значительно меньшим содержанием углерода и, наконец, феррита со слабыми следами перлита. Границы между зонами четкие. Микротвердость колеблется в пределах 128—181 кг/мм^2. Включений шлака немного.

Ан.491. Обломок иглы (?) М-74, Ж.9, № 260. Длина обломка 23,3 мм, диаметр около 3 мм. Изготовлена игла из кричного железа. Микроструктура — мелкозернистый феррит, у поверхности на глубину до 0,3 мм — остатки науглероживания (цементации?). Следов термической обработки нет, микротвердость 116—236 кг/мм^2. Включений шлака в металле немного.

Ан.492. Нож Зар.2-60. Длина ножа 96,6 мм, ширина лезвия 13,3 мм, масса 9,7 г. Изготовлен в технике продольной сварки стальной и железной полос, после чего закален. Микроструктура стальной полосы — мартенсит, зерна феррита, микротвердость 274—572 кг/мм^2. Микроструктура железной зоны — мелкозернистый феррит, микротвердость 193 кг/мм^2. Сварка выполнена качественно, остатков шлака в металле немного.

Ан.493. Заостренный стержень М-74, Ж.5, № 96. Длина стержня 118 мм, максимальный размер поперечного сечения 7,8 х 8,1 мм, масса 22,9 г. Откован из грубого кричного железа. Микроструктура — феррит (балл зерна № 7), следы перлита. Микротвердость 122—151 кг/мм^2. По степени засоренности шлаком металл приближается к губчатой крице.

Ан.1123. Нож М-79, Ж.1, № 730. Длина ножа 152 мм, ширина лезвия 19,4 мм, толщина спинки 4,5 мм, масса 28 г. Изготовлен из плохо прокованного кричного железа. Зона режущей кромки подвергнута локальной цементации и местной закалке. Микроструктура цементованного острия — мартенсит, выше — тростит закалки, переходящий в ферритную структуру основного поля микрошлифа. Микротвердость мартенсита 642 кг/мм^2, феррита — 181 кг/мм^2. В металле много остатков шлака.

Ан.1124. Нож М-79, Ж.1, № 727. Длина ножа 135 мм, ширина лезвия 16,4 мм, толщина спинки 3,7 мм, масса 14 г. Изготовлен из односторонне науглероженной заготовки. Микроструктура — феррит и перлит, содержание углерода уменьшается от 0,8 % у одной из боковых сторон лезвия до следов у противоположной. Следов термической обработки нет, микротвердость колеблется в пределах 274—122 кг/мм^2. Остатков шлака в металле немного.

Ан.1125. Черенковый наконечник стрелы М-79, Ж.1, № 726. Длина наконечника 116,4 мм, масса 14,6 г. Откован из плохо прокованного кричного железа. Микроструктура — феррит, следы перлита. Зерна деформированы в результате ковки при низкой температуре нагрева заготовки. Микротвердость 170—221 кг/мм^2. В металле много остатков шлака.

Ан.1126. Фрагмент предмета М-79, Ж.1, № 726. Сохранились остатки трех плоских пластин, соединенных заклепками. Одна из пластин цельножелезная. Микроструктура — феррит, мало перлита (не более 0,1 % углерода). Микротвердость 193 кг/мм^2. Остатков шлака в металле немного.

Ан.1127. Корпус пряжки М-79, Ж.1, № 731. Габариты корпуса 40,8 х 36,4 мм, масса 11,3 г. Изготовлена из плохо прокованного кричного железа. Микроструктура — феррит со слабо травящимися границами зерен, в центре — следы перлита. Микротвердость повышена — 206—254 кг/мм^2. По степени засоренности шлаком металл приближается к губчатой крице.

Ан.1129. Втульчатый наконечник стрелы. Длина наконечника 78 мм, масса 9–12 г. Откован из обломка сварного предмета (металл вторичного использования). На микрошлифе прослеживаются две зоны – феррито-перлитная с неравномерным распределением углерода (0,1–0,4 %) и микротвердостью 193 кг/мм^2, а также ферритная, микротвердость которой повышена – 221 кг/мм^2. В металле много остатков шлака.

Ан.1130. Крючок М-79, Ж.22, № 317. Длина крючка 58,4 мм, поперечное сечение стержня 5,4 х 4,7 мм, масса 5,7 г. Изготовлен из кричного железа. Микроструктура – феррит, следы перлита, микротвердость 91,6–206 кг/мм^2. Включений шлака в металле немного.

Ан.1222. Нож М-80, № 318. Длина ножа 149 мм, ширина лезвия 12,3 мм, толщина спинки 5 мм, масса 15 г. Изготовлен в типичной для IX–X вв. трехслойной технологической схеме со стальным сердечником. Нож закален и отпущен. Микроструктура стального сердечника – троостит отпуска, микротвердость 383–514 кг/мм^2, боковых полос – феррит. Микротвердость феррита повышена – 236–254 кг/мм^2. Остатков шлака в металле немного.

Ан.1223. М-80, Ж.28, № 393. Ширина лезвия ножа 15 мм, толщина спинки 4 мм. Изготовлен из кричного железа. Микроструктура – мелкозернистый феррит, следы перлита, микротвердость 116–181 кг/мм^2. Остатков шлака в металле немного.

Ан.1224. Нож М-80, № 391. Ширина лезвия ножа 13,5 мм, толщина спинки 2,2 мм. Изготовлен из плохо прокованного кричного железа. Микроструктура – феррит, следы перлита. Микротвердость 160–206 кг/мм^2. В металле много остатков шлака.

Ан.1225. Нож М-80, № 449. Ширина лезвия ножа 13,8 мм, толщина спинки 2 мм. Изготовлен из кричного железа. Микроструктура – феррит, следы перлита. Микротвердость 135–206 кг/мм^2. Остатков шлака в металле немного.

Ан.1227. Фрагмент пластины М-80, Ж.28. Ширина пластины 5,6 мм, толщина – 2 мм. Изготовлена из стали с неравномерным распределением углерода. Содержание углерода изменяется в различных зонах микрошлифа от 0,7 % до следов. Остатков термической обработки не обнаружено, микроструктура – феррит и перлит, микротвердость 128–297 кг/мм^2. Остатков шлака почти нет.

Ан.1228. Скоба М-80, Ж.9 (?). Размеры скобы 39 х 54 мм, масса 16 г. Изготовлена из слабо прокованного кричного железа. Микроструктура – феррит (балл зерна № 8), местами следы перлита. Микротвердость 105–160 кг/мм^2. В металле много остатков шлака.

Ан.1229. Скобка М-80, Ж.9 (?). Размеры скобки 19 х 19 мм, масса 2,5 г. Изготовлена из слабо прокованной цементованной заготовки. Микроструктура – сорбитообразный перлит, зоны феррита со следами перлита. Микротвердость 135–236 кг/мм^2. В металле много остатков шлака.

Ан.1230. Нож М-80, Я.69, № 319. Длина ножа 127,2 мм, ширина лезвия 17,5 мм, толщина спинки 5 мм, масса 20,4 г. Цельностальной, следов термообработки не сохранил. Микроструктура – феррит и перлит, содержание углерода около 0,3 %. Остатков шлака в металле немного.

Ан.1231. Нож М-80, № 450. Длина ножа 132 мм, ширина лезвия 16,8 мм, толщина спинки 3,6 мм, масса 20,1 г. Откован из среднеуглеродистой стали. Микроструктура – феррит и перлит, содержание углерода неравномерное и колеблется в пределах 0,2–0,4 мм. Следов термической обработки нет, микротвердость 135–254 кг/мм^2. Остатков шлака в металле немного.

Ан.1234. Ложкарь М-80, Ж.29, № 439. Длина ложкаря 103,5 мм, ширина лезвия 16,7 мм, толщина лезвия 3,5 мм, масса 12,9 г. Изготовлен из кричного железа. Микроструктура – феррит, мало перлита (0–0,3 % углерода). Микротвердость 110–181 кг/мм^2. Остатков шлака в металле немного.

Ан.1235. Пряжка М-80, Ж.29. Диаметр кольца пряжки – около 50 мм, длина языка 57 мм, масса 17 г. Изготовлена из слабо прокованного кричного железа. Микроструктура – феррит (балл зерна № 7–8). Микротвердость 143–221 кг/мм^2. В металле много крупных включений шлака.

Ан.1237. Нож М-80, Я.89, № 324. Ширина лезвия ножа 15,4 мм, толщина спинки 3,3 мм. Откован из частично науглероженной заготовки с выводом на острие науглероженной зоны. Следов термической обработки нет. Микроструктура – феррит и перлит, содержание углерода изменяется от 0,7 % у острия до почти полного отсутствия его у спинки. Микротвердость 254–221 кг/мм^2. В металле много остатков шлака.

Ан.1238. Нож (?) М-80, № 447. Ширина лезвия ножа (?) 17,8 мм, толщина спинки 3,3 мм. Изготовлен из кричного железа. Микроструктура — феррит (балл зерна № 8), следы перлита. Микротвердость 105—128 кг/мм^2. Остатков шлака в металле мало.

Ан.1239. Нож М-80, № 390. Ширина лезвия ножа 13,6 мм, толщина спинки 2,1 мм. Изготовлен из слабо прокованного кричного железа. Микроструктура — феррит со слабо травящимися границами зерен. Микротвердость 170—206 кг/мм^2. В металле много включений шлака.

Ан.1329. Нож М-82, № 646. Ширина лезвия ножа 16 мм, толщина спинки 2 мм. Изготовлен из кричного железа. Микроструктура феррит (балл зерна № 8), следы перлита. Наличие у спинки небольшого участка местного науглероживания, имеющего структуру мартенсита, не исключает попытки закалки. Микроструктура феррита 160—236 кг/мм^2, мартенсита — 946 кг/мм^2. Остатков шлака в металле немного.

Ан.1330. Нож М-82, № 642. Ширина лезвия ножа 17 мм, толщина спинки 4 мм. Нож цельностальной, не исключена мягкая закалка лезвия. Микроструктура — сорбит закалки (?), микротвердость 274 кг/мм^2. В металле много включений шлака.

Ан.1331. Нож М-82, № 494. Ширина лезвия ножа 12 мм, толщина спинки 2 мм. Откован из грубого кричного железа. Микроструктура — феррит (балл зерна № 6—8), местами следы перлита. Микротвердость 160—221 кг/мм^2. По степени засоренности шлаком металл приближается к губчатой крице.

Ан.1342. Гвоздь М-82, Ж.40, № 1198. Длина гвоздя 45 мм, головка высажена на гвоздильной доске. Изготовлен из грубого кричного железа. Микроструктура — феррит (балл зерна № 6), микротвердость повышена — 181—254 кг/мм^2. В металле много остатков шлака.

Ан.1345. Нож М-83, № 115. Ширина лезвия ножа 23,4 мм, толщина спинки 2,8 мм. Откован из грубого кричного железа. Микроструктура — крупнозернистый феррит (балл зерна № 5—6), микротвердость высокая — 236—383 кг/мм^2. По степени засоренности шлаком металл приближается к губке.

Ан.1346. Нож М-82, Ж.40, № 1127. Длина ножа 129 мм, ширина лезвия 16,2 мм, толщина спинки 3 мм. Откован из односторонне науглероженной заготовки. Микроструктура — феррит и перлит, содержание углерода от одной боковины к другой уменьшается от 0,7 % до 0,1 %. Микротвердость 193—329 кг/мм^2, средняя по шлифу — 221 кг/мм^2. Следов термической обработки нет. Включений шлака в металле немного.

Ан.1347. Нож М-82, Ж.37, № 1027. Длина ножа 128 мм, ширина лезвия 19 мм, толщина спинки 4 мм, масса 23,8 г. Изготовлен из среднеуглеродистой стали с содержанием углерода около 0,3 %. Следов термической обработки нет. Микроструктура — феррит и перлит, микротвердость 206—254 кг/мм^2. Остатков шлака в металле немного.

Ан.1348. Ключ М-82, Ж.42, № 1247. Длина ключа 175 мм, высота "головки" 102 мм, масса 75,3 г. Откован из грубого кричного железа с участками локального науглероживания. Микроструктура — феррит (балл зерна № 8), отдельные участки термообработанной структуры (троостита?). Микротвердость феррита 170—236 кг/мм^2, термообработанных зон — 297—464 кг/мм^2. Не исключена попытка термообработки изделия. В металле много остатков шлака.

Ан.1354. Нож М-83, Ж.43, № 621. Ширина лезвия ножа 15,9 мм, толщина спинки 3,5 мм. Изготовлен в типичной для IX—X вв. трехслойной технологической схеме со стальным сердечником. Следов термической обработки нож не сохранил, хотя мелкодисперсность нормализованной феррито-перлитной структуры стального сердечника может свидетельствовать об этом (H_{100} = 254—322 кг/мм^2). Микроструктура боковых зон — феррит, микротвердость 193—236 кг/мм^2. В металле много остатков шлака.

Ан.1358. Кольцо М-83, Ж.43, Я. № 622. Наружный диаметр кольца 25 мм, внутренний — 25 мм, толщина 1,5 мм. Изготовлено из кричного железа. Микроструктура — феррит (балл зерна № 8), "иглы" нитридов (?). Микротвердость 160—236 кг/мм^2. Включений шлака в металле немного.

Ан.1361. Долото втульчатое М-83, № 630. Длина долота 63 мм, ширина лезвия 15 мм, масса 24,6 г. Отковано из малоуглеродистого пакетного металла. Микроструктура — феррит, мало перлита. Четко прослеживаются светлые полосы сварных швов. Следов термической обработки нет, микротвердость 170—221 кг/мм^2. В металле много остатков шлака.

Ан.1363. Нож М-83, Зап. городище, Ж.2, № 18. Длина ножа 104 мм, ширина лезвия 14,3 мм, толщина спинки 2,9 мм, масса 11,6 г. Откован из кричного железа. Микроструктура – феррит, мало перлита. Содержание углерода не превышает 0,1–0,2 %. Остатков шлака в металле немного.

Ан.1364. Нож М-83, Зап. городище, Ж.3, № 21. Ширина лезвия ножа 12,4 мм, толщина спинки 3,3 мм. Изготовлен из цементованной заготовки с неравномерным распределением углерода. Микроструктура – феррит и перлит, содержание углерода изменяется от 0,7 % до следов. Остатков термической обработки нет, микротвердость 116–160 кг/мм^2. В металле много остатков шлака.

Ан.1365. Черенковый наконечник стрелы (?), М-83, Зап. городище, Ж.6. Изготовлен из грубого кричного железа. Микроструктура – феррит, местами следы перлита, "иглы" нитридов (?). Микротвердость 91,6–122 кг/мм^2. По степени засоренности шлаком металл приближается к губчатой крице.

Ан.1366. Пластина, М-83, Зап. городище, Ж.6. Ширина пластины 13,4 мм, толщина – 1,8 мм. Изготовлена из кричного железа. Микроструктура – крупнозернистый феррит (балл зерна № 4–5), "иглы" нитридов (?). Микротвердость 143–181 кг/мм^2. Остатков шлака в металле немного.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ИЗДЕЛИЯ

Ан.478. Черенковый наконечник стрелы Зап. Г.60, р.4. Ширина лезвия наконечника 14,1 мм, толщина – 3,7 мм. Изготовлен из кричного железа. Микроструктура – крупнозернистый феррит со слабо травящимися границами зерен. Микротвердость 151–193 кг/мм^2. Остатков шлака в металле немного.

Ан.1128. Скоба М-79, № 762. Размеры скобы 70 х 56 мм. Цельностальная. Микроструктура – сорбитообразный перлит, микротвердость 193–254 кг/мм^2. Включений шлака в металле немного.

Ан.1132. Заколка (?) М-79, Ж.25. Длина изделия 107 мм, максимальный диаметр 5 мм, масса 9,5 г. Изготовлена из плохо прокованной стали с неравномерным распределением углерода (колеблется в пределах 0,4–0,7 %). Следов термической обработки нет. Микроструктура – феррит и перлит, микротвердость 181–236 кг/мм^2. В металле много остатков шлака. Изделие орнаментировано кольцевыми нарезками.

Ан.1232. Нож, М-80, № 395. Длина ножа 115 мм, ширина лезвия 23,6 мм, толщина спинки 3,6 мм, масса 20,1 г. Изготовлен из слабо прокованной среднеуглеродистой стали с неравномерным распределением углерода. Следов термической обработки нет. Микроструктура – феррит и перлит, содержание углерода колеблется в пределах 0,2–0,6 %. Микротвердость 143–236 кг/мм^2. В металле много остатков шлака.

Ан.1233. Нож, М-80, кв.17. Длина ножа 150 мм, ширина лезвия 25,4 мм, толщина спинки 5,7 мм, масса 34,5 г. Откован из "уклада", на что указывают крайняя неравномерность распределения углерода и остатки беспорядочных сварных швов в металле. Следов термической обработки нет, микротвердость 122–297 кг/мм^2. Включений шлака немного.

Ан.1333. Гвоздь, М-82, Ж.33, № 131. Длина гвоздя 63 мм, масса 5,3 г. Изготовлен из кричного железа. Микроструктура – феррит, следы перлита, микротвердость 122–181 кг/мм^2. Включений шлака в металле немного.

Ан.1335. Черенковый наконечник бронебойной стрелы, М-82, Ж.33, № 1197. Длина наконечника 93 мм, сечение жала 6х7 мм, масса 12 г. Изготовлен методом холодной ковки из частично цементированной заготовки. На микрошлифе прослеживается зона феррито-перлитной структуры с содержанием углерода 0,6–0,7 %, переходящая в зону феррита с деформированными зернами, между зонами трещина. Микротвердость колеблется в пределах 170–254 кг/мм^2. Остатков шлака в металле почти нет.

Ан.1336. Пластина, М-82, Ж.33, № 128. Ширина пластины 7,5 мм, толщина – 1,2 мм. Изготовлена из среднеуглеродистой стали. Микроструктура – феррит и перлит. Содержание углерода неравномерно и колеблется в пределах 0,3–0,6 мм. Микротвердость 193–254 кг/мм^2. Включений шлака в металле немного.

Ан.1337. Нож, М-82, Ж.33, № 82. Ширина лезвия ножа 18 мм, толщина спинки 18 мм. Выполнен в технике наварки стального лезвия на железную основу, типичной для

древнерусских изделий XI–XIII вв. Нож подвергнут мягкой закалке. Микроструктура стального лезвия – сорбит закалки. Микротвердость 322 кг/мм^2. Микроструктура железной основы – феррит, мало перлита. Прослеживается слоистость металла. Микротвердость 221 кг/мм^2. В металле много остатков шлака.

Ан.1339. Фрагмент изделия, М-82, Ж.35, № 563. Изготовлен из кричного железа. Микроструктура – феррит, участки феррито-перлитной структуры с содержанием углерода 0,1–0,2 %. Микротвердость 193–221 кг/мм^2. Остатков шлака в металле немного.

Ан.1343. Обломок стержня, М-82, Ж.41, № 1243. Размеры поперечного сечения стержня 3,5×4 мм. Изготовлен из грубого кричного железа. Микроструктура – феррит, местами следы перлита. Микротвердость 193–206 кг/мм^2. По степени насыщенности шлаком металл приближается к губчатой крице.

Ан.1344. Ручка дверная в виде кольца на скобе, М-82, Ж.35, № 625. Наружный диаметр кольца 73 мм, масса кольца со скобой 64 г. Скоба откована из кричного железа. Микроструктура – феррит, участок феррито-перлитной структуры с содержанием углерода не более 0,2 %. Микротвердость 135–193 кг/мм^2. Остатков шлака в металле немного.

Ан.1356. Долото простое, М-83, № 624. Сильно окислено. Изготовлено из кричного железа. Микроструктура – мелкозернистый феррит, мало перлита. Содержание углерода 0,1–0,2 %. Микротвердость 170–254 кг/мм^2. Остатков шлака почти нет.

Ан.1357. Корпус замка, М-83, № 625. Изготовлен из кричного железа, омеднен. Микроструктура железа – феррит, микротвердость 170–193 кг/мм^2. В металле много включений шлака. Толщина омеднения 0,1–0,2 мм, омеднение двухслойное.

Ан.1362. Фрагмент панцирной пластины, М-83 (без индекса). Толщина пластины 1,6 мм. Изготовлена из кричного железа. Микроструктура – феррит, зернистость колеблется от № 5 до № 7. Микротвердость 135–181 кг/мм^2. Остатков шлака в металле почти нет.

Ан.1131. Фрагмент изделия, М-79, № 131. Изготовлен из кричного железа. Микроструктура – феррит (балл зерна № 7–8). Прослеживается слабая полосчатость. Микротвердость 135–193 кг/мм^2. Включений шлака в металле немного.

Ан.1226. Обломок обруча, М-80, № 394. Ширина изделия 9,2 мм, толщина – 1,5 мм. Изготовлен из слабо прокованного кричного железа. Микроструктура – феррит (балл зерна № 8), участки слабого поверхностного науглероживания. Микротвердость 135–193 кг/мм^2. В металле много остатков шлака.

Ан.1332. Черенок (ножа?), М-82, № 72. Изготовлен из слабо прокованного кричного железа. Микроструктура – феррит, по центру шлифа – феррит и мало перлита (0,1–0,2 % углерода). Микротвердость 221 кг/мм^2. В металле много остатков шлака.

Ан.1341. Фрагмент предмета, М-82, № 695. Изготовлен из грубого кричного железа. Микроструктура – феррит со слабо травящимися границами зерен, края слегка науглерожены. Микротвердость 206–236 кг/мм^2. В металле много остатков шлака.

Ан.1349. Крючок рыболовный, М-83, № 631. Длина крючка 68 мм, масса 6,5 г. Откован из цельножелезной заготовки с поверхностным науглероживанием. Не исключаются цементация и термическая обработка. Микроструктура основного поля микрошлифа – мелкозернистый феррит, следы перлита; науглероженных поверхностных зон – сорбит закалки (?). Микротвердость основного поля 193–206 кг/мм^2, сорбита – 322 кг/мм^2. Остатков шлака в металле немного.

Ан.1351. Крючок рыболовный, М-83, № 635. Длина крючка 56 мм, масса 11,3 г. Изготовлен из слабо прокованного кричного железа. Микроструктура – феррит (балл зерна № 8). Микротвердость 181–206 кг/мм^2. В металле много остатков шлака.

Ан.1353. Нож, М-83, № 620. Ширина лезвия ножа 16 мм, толщина спинки 4,6 мм. Выполнен в технике сварки стальной и железной полос с выходом на режущую кромку железной зоны. Не исключены остатки термической обработки. Микроструктура железной полосы – феррит со слабо травящимися границами зерен, стальной – феррит, зернистый перлит. Микротвердость 170–221 кг/мм^2. Остатков шлака в металле немного.

Ан.1359. Корпус пряжки, М-83, № 613. Изготовлен из кричного железа. Микроструктура – феррит (балл зерна № 8), участок местного поверхностного науглероживания. Микротвердость 122–221 кг/мм^2. Остатков шлака в металле немного.

Ан.1367. Фрагмент серпа (?), М-83, Зап. городище. Изготовлен из грубого кричного железа. Микроструктура – крупнозернистый феррит (балл зерна № 4–5), полосы

мелкозернистого (балл зерна № 8) феррита. Микротвердость 116–193 кг/мм^2. По степени насыщенности шлаком металл приближается к губчатой крице.

Ан.1368. Кресало, М-83, могильник, урочище. Под акацией, случайная находка. Выполнена в технике напайки медью стальной ударной площадки на железную основу. Микроструктура основы — крупнозернистый феррит (балл зерна № 4–5), микротвердость 160–181 кг/мм^2. По насыщенности шлаком приближается к губчатой крице. Микроструктура ударной площадки — мартенсит, микротвердость 420–946 кг/мм^2. Включений шлака почти нет.

ВЫВОДЫ

1. По ассортименту, конструкции, технологии изготовления и размерам зарубинецкие изделия Монастырька близки кузнечной продукции прочих памятников зарубинецкой культуры. Свидетельством достаточно высокого для своего времени уровня железообработки на памятнике является широкое использование стали при изготовлении предметов различного назначения. В частности, среди десяти исследованных предметов шесть оказались стальными.

Местные кузнецы уже к рубежу нашей эры свободно владели всеми приемами свободной ковки металла, отработали устойчивые формы кузнечных изделий, освоили производство стали.

Немногочисленность находок и отсутствие в их числе сварных и термически обработанных предметов не позволяют определить степень знакомства местных кузнецов с кузнечной сваркой и термической обработкой стали. Однако, судя по материалам прочих зарубинецких памятников этого региона, они должны были им быть известны.

2. К периоду VIII–X вв. относится подавляющее большинство найденных на памятнике железных предметов. Это свидетельствует о том, что именно последняя четверть I тыс. н.э. является периодом наиболее интенсивного заселения Монастырька.

Ассортимент кузнечных изделий VIII–X вв. достаточно широк и включает орудия труда и элементы сельскохозяйственного инвентаря (ножи, шилья, иглы (?), тесла, долота, ложкари, кольца для закрепления кос), предметы вооружения, охоты и, очевидно, рыболовного промысла (дротики*), черенковые и втульчатые наконечники стрел, рыболовные крючки (?), изделия бытового и хозяйственного назначения (гвозди, скобы, пластины, крючья, кольца, стержни, дужки ведер, пряжки, ключи и пр.).

Разнообразие кузнечного ассортимента продукции указывает на многоотраслевой характер хозяйственной деятельности населения Монастырька в VIII–X вв. Он позволяет установить, что наряду с земледелием, охотой и рыболовством здесь получают развитие отдельные отрасли ремесла, в частности кузнечное, деревообрабатывающее и, очевидно, металлургическое. Существование последнего доказывается неоднократными находками на Восточном городище памятника скоплений металлургического шлака и обломков стенок сыродутных горнов для выплавки железа.

Исследования показывают, что наряду с использованием всех приемов свободной ковки металла кузнецы использовали здесь технику кузнечной сварки железа и стали, термическую обработку стальных изделий, в том числе довольно сложную — раздельные закалку и отпуск, мягкую закалку. Применялась также цементация железных предметов, в том числе локальное науглероживание режущей кромки изделия с последующей местной закалкой. Был известен и пакетный металл.

Использование железа и стали было дифференцированным в зависимости от назначения поковок. В числе исследованных орудий труда с использованием стали изготовлено 53 % изделий, среди прочих — 27 %. Сталь расходовалась экономно, главным образом при изготовлении ножей, что указывает на ее высокую стоимость. Характерной чертой большинства стальных изделий памятника является неравномерное распределение углерода без резких скачков и колебаний его содержания в различных зо-

---

* В одном из жилищ VIII–X вв. найден воткнутый в полуобгоревшую деревянную стенку железный наконечник дротика с обугленными остатками древка. К сожалению, степень сохранности наконечника не позволила произвести его металлографическое исследование.

нах металла. Это обычно для стали, полученной путем цементации железных пластин и их последующей проковки, так называемой томленой.

Все эти черты характерны для продукции кузнецов-профессионалов, превративших железообрабатывающее ремесло в основное занятие.

Примечательны находки в объектах последней четверти I тыс. н.э. типичных для большинства славянских памятников IX–X вв. ножей с трехслойной технологической схемой (ан.1222, 1354) и гвоздей, изготовленных на гвоздильной доске, являющейся, как известно, орудием их серийной выделки. Это может служить свидетельством существования на Монастырьке в IX–X вв. товарного кузнечного ремесла. Одновременно отсутствие у большинства исследованных однотипных изделий, главным образом ножей, элементов стандартизации в конструкции и технологии изготовления показывает, что подобное производство широкого распространения еще не получило.

В целом же местное кузнечное ремесло VIII–X вв. н.э., за исключением некоторых локальных особенностей (относительно широкое распространение цементованных изделий, единичность находок из пакетного металла), находится на уровне, характерном для других памятников Среднего Поднепровья этого времени [Гопак, 1975, с.21].

3. Крайне незначительное для древнерусских памятников число железных изделий XI–XIII вв., обнаруженных на Монастырьке, свидетельствует о непродолжительности его заселения в древнерусский период. Едва ли здесь велась и интенсивная хозяйственная деятельность. Характерно, что за исключением трех ножей, сильно окислившегося долота и прекрасно сохранившегося серпа, который не исследовался, все прочие находки представлены бытовыми изделиями и немногочисленными предметами вооружения. Можно предположить, что они оставлены сторожевым отрядом, обосновавшимся на Восточном городище памятника после того, как существовавший здесь в VIII–X вв. поселок перестал функционировать.

4. В числе прочих находок обломок обруча (ан.1226), рыболовные крючки (ан.1349, 1351) могут быть датированы VIII–XIII вв. Тем же временем датируется и корпус пряжки (ан.1359).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

Г.А.Пашкевич

ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗЛАКОВ

Пожар, уничтоживший во время нападения врагов городище, сохранил, как это ни парадоксально, в обугленном состоянии значительное количество зерновок и семян культурных и сорных растений. Кровли, упавшие в результате пожара, создали особые условия температурного режима, при котором зерновки не сгорели, а обуглились и затем сохранились в ископаемом состоянии. Так как пища находилась, безусловно, в каждом жилище, то вероятность находок палеоботанических материалов при археологических раскопках таких внезапно сгоревших городищ или поселений велика. Материалы раскопок городища Монастырек — хорошее тому свидетельство. Однако впервые палеоботанические материалы привлекли внимание исследователей городища лишь в 1974 г., когда в хозяйственной яме № 15 у жилища № 6 было вскрыто обугленное зерно массой почти 20 кг, а в развале печи-каменки жилища № 5 обнаружено несколько обугленных комков, которые при дальнейшем исследовании оказались образованными из спекшихся зерновок проса обыкновенного и льна культурного. В последующие годы такие обугленные комки собирались специально, кроме того, была проведена промывка содержимого отложений жилищ и хозяйственных ям через набор почвенных сит (таблица).

По мере поступления материал исследовался, а результаты публиковались [Пашкевич, Янушевич, 1978; Пашкевич, Петрашенко, 1982]., давая возможность судить о культурных растениях, выращивавшихся жителями в окрестностях городища.

Среди находок преобладает пшеница нескольких видов: полба-двузернянка, спельта, или настоящая полба, карликовая и карликово-мягкая. Первые два вида пшеницы относятся к пленчатым, а последние два — к голозерным пшеницам. Первое место по количеству обнаруженного зерна, а также по количеству местонахождений занимает полба-двузернянка, что, очевидно, может указывать на широкое использование этой пшеницы в хозяйстве.

Полба относится к числу наиболее древних и распространенных в прошлом пшениц. На территории Украины находки ее известны начиная с трипольского времени. На рубеже и в I тыс. н.э. она являлась наиболее употребляемой зерновой культурой. Такое широкое распространение полбы в прошлом (вплоть до начала XX в.) объясняется ее агробиологическими особенностями, привлекательными для земледельцев. Это прежде всего ее нетребовательность к качеству обработки и плодородию почвы, засухо- и зимостойкость, надежность получения урожая.

Однако зерновки полбы, плотно заключенные в пленки, требовали больших затрат труда для очистки. Их вначале следовало подсушить, а затем толочь в ступах. Возможно, что для подсушивания колосков полбы использовались жаровни, обнаруженные на печах-каменках. Такие жаровни известны почти в каждом жилище из поселений VIII—X вв. правобережного Поднепровья. Постепенно посевы полбы уступали посевам голозерных пшениц.

Среди пленчатых пшениц, обнаруженных на Монастырьке, была также спельта. Эта пшеница обнаружена в яме № 15 в качестве небольшой примеси к основной массе. Возможно, спельта использовалась для посевов, как и полба-двузернянка, тем более, что среди находок были зерновки переходной формы спельта-двузернянка. В конце I тыс. н.э.

Суммарный состав культурных остатков с городища Монастырек

Культурные и сорные растения	Отпечатки на		Обугленный материал							
	керамике	жировне	Западное городище		Восточное городище					
			Промывка		Находки				Промывка	
	Яма 15	Жилище 4	Жилище 2	Жилище 4	Жил. 5	Жил. 6	Яма 104	Яма 15	Жил. 21	Жил. 22
Пшеница двузернянка (полба) (Triticum dicoccum Shrank.)	1	5		2				327*	5	4
Пшеница спельта (полба настоящая) (Tr. spelta L.)								54		
Пшеница спельта-двузернянка (Tr. spelta-dicoccum)								35		2
Пшеница карликовая (Tr. compactum Host.)								22	2	
Ячмень голозерный (Hordeum vulgare var. coelestre)	3							38		
Ячмень пленчатый (Hordeum vulgare)		1							3	
Рожь (Socale cereale L.)		1		1					7	4
Овес (Avena sativa L.)	1			2				19	1	5
Просо обыкновенное (Panicum miliaceum L.)	108	4	Комок	9	Комок	Комок			2	9
Горох посевной (Pisum sativum L.)								1		
Лен культурный (Linum usitatissimum Z.)					Комок		Комок			1
Плевел одурящий (Lolium temulentum L.)								50		
Костер полевой (Bromus arvensis L.)								12		
Костер ржаной (B.secalinus L.)		1						27	Часть колоса	1
Горец вьюнковый (Polygonum convolvulus L.)								5		22
Щавель (Rumex sp.)				2				7		
Щетинник сизый (Setaria glauca (L.) P.B.)								3		
Куриное просо (Echinochloa crus-galli (L.) Roem et Shult.								**	Комок	
Бурачок (Alissum sp.)								6		
Марь белая (Chenopodium album L.)								1		

* Количество зерновок в 10 мл (средняя проба).

** Зерновки не поддаются подсчету, ибо заключены в комок вместе с зерновками проса обыкновенного.

спельта хорошо известна на Правобережной Украине. Отпечаток ее колоска зафиксирован на глиняной обмазке печи из слоя, датируемого IX–X вв., на поселении Лепесовка Хмельницкой области [Янушевич, 1973].

Спельта, как и двузернянка, отличается неприхотливостью к почвам, устойчивостью к низким температурам и избытку влаги весной. Зерновки спельты, как и двузернянки, обладают высокой калорийностью и наиболее благоприятным для человека сочетанием аминокислот.

Зерновки пленчатых пшениц в древности использовались прежде всего для приготовления крупы, которая по вкусовым достоинствам ценится гораздо выше ячменной [Жуковский, 1971]. Согласно этнографическим данным, в Грузии ритуальная еда – кутья – почти до наших дней варилась только из пленчатых пшениц, для чего полбу выращивали специально, хотя и в небольшом количестве [Брегадзе, 1982].

Помимо пленчатых, в материалах Монастырька зафиксированы находки голозерных пшениц – карликовой и промежуточной формы карликово-мягкой. Малочислен-

ность находок еще не дает основания с уверенностью говорить о выращивании голозерных пшениц как самостоятельных культур. Возможно, они были только спутниками полб в посевах, т.е. их засорителями. Хотя, судя по недавно полученным данным, голозерные пшеницы уже использовались в некоторых местах в самостоятельных посевах. Например, в зерновой яме №45 поселения Стадники Ровенской области преобладают находки зерновки мягкой (75,2 %) и карликовой пшениц (2,9 %). Это поселение (тип Луки Райковецкой) датируется VIII–IX вв.

На территории Украины смешанные популяции голозерных пшениц известны для Райковецкого городища (XII–XIII вв.) и г.Изяславля (XII в.) [Янушевич, 1976].

Обитатели Монастырька могли отдавать предпочтение пленчатым пшеницам по следующим причинам. Судя по составу сорной растительности, ископаемые находки которой в виде семян и зерновок обнаружены в значительном количестве в зерновой яме № 15, поля в окрестностях поселения были в длительном употреблении и утратили свою первоначальную плодородную структуру. В таких условиях пленчатые пшеницы (как нетребовательные к почвам) являлись наиболее пригодными для посевов. Кроме того, не следует забывать и о роли климатических факторов. Период с VIII по XII в. характеризуется очень неустойчивой погодой со значительным количеством аномалий (засухи, пожары, наводнения) при высоком уровне солнечной активности [Турманина, 1976]. Пленчатые пшеницы, обладающие высокой пластичностью и легко приспосабливающиеся к различным условиям, при такой погоде были "надежным" хлебом.

На втором месте по количеству находок находится просо обыкновенное. Наличие в обугленных комках проса среди его зерновок семян сорняков, типичных для посевов проса, – куриного проса и щетинника сизого – является хорошим доказательством существования в окрестностях городища посевов этого злака. Много проса обнаружено и в виде отпечатков на керамике (см. таблицу).

Просо – хорошо известная зерновая культура на территории Украины в I тыс. н.э. [Paškevic, 1983]. Оно характеризуется скороспелостью, засухоустойчивостью, хорошими пищевыми качествами, однако плохо переносит весенние заморозки, поэтому выращивается в основном в степной и лесостепной зонах. Это растение требует хорошо очищенной от сорняков почвы, поэтому в прошлом земледельцы использовали просо при посевах на подсеках и гарях, целине сразу же после ее распашки, на залежных землях.

Третье место среди культурных растений принадлежит ячменю, который обнаружен в виде пленчатой и голозерной форм. Исходя из количества находок трудно определить, какой форме отдавалось предпочтение. Использовался ячмень для приготовления каш и, возможно, в качестве фуражной культуры для лошадей.

Интересны находки зерновок овса. Находки его в I тыс. н.э. довольно редки. Однако среди материалов Монастырька овес встречается несколько раз: среди обугленного зерна в зерновой яме № 15, а также среди промытого материала из заполнений жилищ № 21 и № 22. Очевидно, что это культурное растение входило в состав ассортимента, использовавшегося обитателями городища. Наличие овса можно связать с разведением лошадей и выращиванием его для корма. Об использовании лошадей свидетельствуют находки палеозоологов.

Не менее интересны находки ржи. В лесостепи они известны начиная со скифского времени, т.е. с VII–V вв. до н.э. [Шрамко, 1957; 1971; Шрамко, Янушевич, 1985]. На Монастырьке рожь обнаружена вместе с типичным сорняком озимой формы этой культуры – костром ржаным. Это обстоятельство дает основание с уверенностью говорить о выращивании ее в качестве самостоятельной культуры, причем озимой.

Многие исследователи связывают появление ржи в посевах ранних славян во второй половине I тыс. н.э. с прогрессом в земледельческом хозяйстве, а именно с появлением более совершенных орудий обработки почвы, например железных наральников. Рожь – растение, требующее глубокой пахоты. Судя по палеоботаническим материалам, увеличение доли ржи среди выращивавшихся культур происходит как раз в то время, когда появляются железные наральники. С ее же распространением связано более широкое использование жерновов, так как зерновки ржи использовались не для крупы, как пленчатые пшеницы, а для приготовления муки.

Рожь обладает очень важным качеством, имевшим существенное значение в примитивном земледельческом хозяйстве. Это ее сорноочищающие способности. Осенью

и весной растение сильно кустится, образуя затеняющий полог, под которым погибают всходы сорняков, особенно многолетников. На поле, очищенном с помощью ржи, с успехом выращивают яровые хлеба.

Рожь используется главным образом как озимая культура и только в Восточной Сибири и Забайкалье высевается как яровая, т.к. озимая при суровых зимних температурах там вымерзает.

Помимо зерновых жителям Монастырька были известны также бобовые и технические культуры. Из бобовых обнаружен пока только горох, из масличко-волокнистых — лен культурный. Обнаружен он в виде спекшихся в комок семян в жилище № 5 и яме № 104. Вместе с семенами льна в комках имеются семена типичного засорителя посевов льна — рыжика льняного.

Наряду с обугленными семенами и зерновками культурных растений в материалах городища найдены семена сопутствующих им сорняков. Их состав дает возможность реконструировать некоторые стороны земледельческого хозяйства. Так, наличие костра ржаного может служить убедительным свидетельством существования озимых посевов ржи, ибо этот сорняк является обычным для озимых посевов ржи. Типичные сорняки проса — щетинник сизый и куриное просо — появляются в собранном урожае только при длительном использовании полей. Занесенные с посевным материалом, эти сорняки быстро размножаются, образуя семена уже после жатвы основной культуры, в данном случае проса (так называемые пожнивные сорняки), и сильно засоряют грунт. Их наличие свидетельствует о длительном использовании поля. Кроме этих, были обнаружены также семена плевела одурящего, горца вьюнкового, мари белой — сорняков, известных в качестве засорителей яровых посевов.

Таким образом, жителям городища были известны яровые (пшеница, овес, ячмень, просо) и озимые посевы (рожь). Поля были старопахотными, длительно используемыми в хозяйстве. Для возобновления их плодородия необходимо было оставлять их время от времени в залежи, а также вносить удобрения.

П.М.Покас

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБЕНИЙ

Местонахождение древнерусского городища и могильника в урочище Монастырек на южном порубежье Киевской земли, сложность этнического состава данного региона, отмеченная летописью и рядом исследователей-археологов [Рыбаков, 1982, с.488–490; Толочко, 1987, с.180–191], обусловили определенный интерес и к выяснению антропологического состава населения, оставившего этот археологический памятник.

Таблица 1. Средние размеры и статистические данные серии мужских черепов из древнерусского могильника в урочище Монастырек

№ по Мартину	Признак	n	M	σ	V
1	Продольный диаметр	8	185,8	9,138	4,92
8	Поперечный диаметр	11	137,4	2,942	2,14
17	Высотный диаметр от базиона	4	133,8	5,679	4,24
20	Высотный диаметр от порион а	7	114,3	7,088	6,20
5	Длина основания черепа	5	103,0	13,472	1,31
9	Наименьшая ширина лба	7	93,7	5,908	6,31
12	Ширина затылка	9	110,6	5,028	4,55
32	Угол профиля лба от назиона	2	79,0	–	–
	Угол профиля лба от глабеллы	2	73,0	–	–
	Надпереносье (по Мартину 1–6)	8	3,5	–	–
40	Длина основания лица	4	105,5	11,846	11,23
45	Скуловой диаметр	5	133,4	3,486	2,46
48	Верхняя высота лица	6	68,2	3,251	4,77
43	Верхняя ширина лица	5	101,2	7,396	7,31
46	Средняя ширина лица	4	92,8	4,031	4,34
54	Ширина носа	4	26,0	1,581	6,08
55	Высота носа	4	51,3	2,500	4,87
51	Ширина орбиты (максилло-фронт.)	4	42,8	2,327	5,44
51a	Ширина орбиты (дакриальная)	2	40,0	–	–
52	Высота орбиты	4	33,4	0,947	2,84
77	Назо-малярный угол	2	132,5	–	–
	Зигомаксиллярный угол	4	124,5	2,380	1,91
	Глубина клыковой ямки (в мм)	5	5,0	2,092	–
	Передненосовая ость	5	2,6	–	–
72	Общий лицевой угол	2	81,0	–	–
74	Угол альвеолярной части лица	2	76,5	–	–
75.1	Угол выступания носа	2	32,5	–	–
8:1	Черепной указатель	8	73,9	1,324	1,79
17:1	Высотно-продольный диаметр	4	72,4	3,883	5,36
40:5	Указатель выступания лица	4	98,2	5,822	5,93
48:45	Верхнелицевой указатель	4	52,3	0,981	1,88
54:55	Носовой указатель	4	50,8	3,710	7,30
52:51	Орбитный указатель	4	78,3	5,456	6,97
	Дакриальный указатель	3	53,2	8,737	16,42
	Симотический указатель	6	46,7	6,336	13,57

Таблица 2. Сравнительные данные средних величин основных признаков черепов

№ по Мартину	Местонахождения могильника	Монастырек		Княжья гора, Сагуновка		Киев	
	Исследователь	Покас П.М.		Алексеева Т.И., 1973 г.			
	Признак	П	М	П	М	П	М
1	Продольный диаметр	8	185,8	13	183,9	36	181,5
8	Поперечный диаметр	11	137,4	14	139,6	35	139,6
17	Высотный диаметр от базиона	4	133,8	13	135,5	36	134,1
9	Наименьшая ширина лба	7	93,7	14	96,5	35	95,9
32	Угол лба от назиона	2	79,0	10	83,2	28	83,4
45	Скуловой диаметр	5	133,4	12	134,2	28	134,1
48	Верхняя высота лица	6	68,2	12	68,1	36	67,6
54	Ширина носа	4	26,0	13	26,0	35	25,6
55	Высота носа	4	51,3	13	49,1	36	49,9
51	Ширина орбиты от максилло-фронт.	4	42,8	13	40,9	35	41,3
52	Высота орбиты	4	33,4	12	31,2	35	31,0
77	Назомалярный угол	2	132,5	14	136,9	35	137,8
	Зиго-максиллярный угол	4	124,5	10	128,1	25	128,6
72	Общий лицевой угол	2	81,0	9	83,5	28	83,6
75 (1)	Угол выступания носа	2	32,5	5	28,6	22	27,3
8:1	Черепной указатель	8	73,9	13	75,6	32	77,5
48:45	Верхне-лицевой указатель	4	52,3	12	50,7	28	50,4
54:55	Носовой указатель	4	50,8	13	52,9	35	51,2
52:51	Орбитный указатель	4	78,3	12	76,3	35	75,1
	Дакриальный указатель	3	53,2	13	55,4	34	58,2
	Симотический указатель	6	46,7	13	45,1	35	48,8

Антропологический материал получен из 13 погребений (12 черепов и 12 посткраниальных скелетов). В целом черепа и длинные трубчатые кости хорошей сохранности. Все погребения принадлежали мужчинам, что, вероятно, можно объяснить и специфичностью могильника, и особенностями обстоятельств смерти погребенных. Косвенно на это указывает наличие в двух случаях (погр. 1, 17) следов травм на черепах. Кроме того, в одном случае (погр. 12) отмечена деструкция костной ткани сифилитического характера в области верхнечелюстных и носовых костей черепа.

Возраст погребенных колебался от 20 до 50 лет. Средняя величина его – 35,2 года. По этому показателю исследуемая серия близка к славянским сериям соседних территорий [Алексеев, 1972, с.16–17]. Рост погребенных также проявил значительную вариабельность. Средний его показатель, по таблицам Л.Мануврие, равен 164,9 см, по формулам К.Пирсона и П.Ли, – 163,1 см, по таблицам М.Троттер и Г.Глезер, – 168,9 см, и по формулам Г.Ф.Дебеца, – 166,9 см [Алексеев, 1966, с.223–243]. Судя по рельефу и массивности длины трубчатых костей, можно отметить наличие среди погребенных индивидуумов пикнического и астенического телосложения (погр. 6, 7, 8).

Измерения черепов проводились по общепринятой в советской антропологии методике [Алексеев, Дебец, 1964]. Удалось измерить 11 черепов. Серия характеризуется долихо-мезокранией мозговой коробки. Лицо среднеширокое, невысокое, резко профилировано в горизонтальной плоскости. По вертикальной профилировке оно мезогнатное. Орбиты средневысокие и среднеширокие. Нос резко выступающий среднеширокий. Переносье невысокое. Мышечный рельеф черепа хорошо развит (табл. 1). В целом черепа исследуемой группы европеоидные и характеризуются общеславянским комплексом величин основных краниологических признаков.

Статистический анализ серии, проведенный с помощью сопоставления средних квадратических уклонений и коэффициентов вариации (табл. 1) с мировыми стандартами [Алексеев, Дебец, 1964, с.123–128], указывает на значительную неоднородность

мужских серий древнерусского времени с территории Поднепровья и Поросья

Юрьев		Николаевка		Хут.Половецкий		Каменка		Курганы X–XII вв. Днепропетровской и Харьковской обл.	
Покас П.М.		Зиневич Г.П., 1967 г.				Кондукторова Т.С., 1957 г.		Дебец Г.Ф., 1948 г.	
П	М	П	М	П	М	П	М	П	М
18	188,1	8	186,4	15	181,7	13	178,7	35	181,3
17	141,5	8	139,9	13	138,4	13	146,1	35	150,5
12	135,6	7	135,3	14	134,3	11	129,4	20	134,1
13	98,0	7	96,6	15	94,8	15	99,0	37	97,4
8	77,7	7	85,8	14	88,8	14	80,8	28	82,0
9	133,7	7	131,1	13	130,4	13	135,6	29	141,1
14	71,2	7	69,4	15	67,4	16	72,4	32	73,8
18	24,2	7	23,7	14	25,4	15	24,9	–	–
14	52,5	7	50,1	15	49,8	15	52,1	–	–
14	42,8	7	41,0	15	40,3	16	41,6	–	–
14	33,7	7	33,0	15	33,1	16	32,0	–	–
9	138,8	4	135,9	14	138,0	15	137,3	–	–
13	127,0	6	126,5	14	125,6	13	128,7	–	–
8	83,0	7	83,9	14	83,1	14	84,7	24	86,3
5	32,8	4	31,3	14	25,9	13	27,4	16	31,9
15	75,9	8	75,1	13	76,9	13	81,8	35	83,2
8	54,5	7	52,9	13	51,4	13	54,0	25	53,1
13	45,7	7	47,3	14	51,1	15	47,4	32	47,9
13	78,7	7	80,6	15	79,8	–	76,9	–	–
6	58,6	5	52,3	14	60,4	–	50,7	–	–
11	50,4	5	49,5	15	47,9	–	52,3	–	–

серии по таким признакам, как продольный, поперечный и скуловой диаметры и связанные с ними указатели. Эти данные могут косвенно указывать на нестабильный состав населения, оставившего могильник в урочище Монастырек.

Нами сделан сравнительный анализ исследуемой серии с синхронными группами черепов близлежащих территорий правобережного Поднепровья и Поросья (табл. 2). Отметим, что при сопоставлении средних величин признаков серии из Монастырька с древнерусскими сериями Киева [Алексеева, 1969, с.73–76], Юрьева, Княжей Горы и Сагуновки [Алексеева, 1973, с.56–59], а также Николаевки и хут.Половецкого [Зиневич, 1967, с.138–144] определяется их типологическая общность по основным краниологическим признакам мозгового отдела черепа, верхней высоте лица, высоте орбит и носа. Все же по величине скулового диаметра черепа из Монастырька в большей степени близки к группам черепов городского населения Юрьева, Киева и черепам жителей древнерусских пограничных городищ у с.Сагуновка и урочища Княжья Гора. Ширина лицевого отдела на черепах этих серий больше по сравнению с сериями из сельских грунтовых могильников Поросья (Николаевка и Хутор Половецкий). Очевидно, это следует объяснять как "частное выражение общего процесса укрупнения костяка в условиях города, в связи с изменением уровня социальной жизни" [Алексеева, 1973, с.131].

Сравнение исследуемой группы черепов с синхронной серией Степного Поднепровья (Каменка) [Кондукторова, 1957] и черепами кочевников X–XII вв. из курганов Днепровской и Харьковской областей [Дебец, 1948, с.262–265] указывает на их значительные различия по размерам мозговой коробки, а также ширине и высоте лица. Черепа кочевников брахикранные, более высоко- и широколицы. Следовательно, здесь имеет место различие антропологических типов.

В итоге можно прийти к выводу о принадлежности исследуемой серии черепов древнерусскому славянскому населению киевской земли, в большей степени типологически близкому к городскому.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

Р.С.Орлов

ПАМЯТНИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ

Коллекция изделий из цветного металла из поселения у с.Монастырек невелика, а находок ювелирных изделий VIII–X вв. всего семь. Они исследованы методом типологического и стилистического анализов. Оказалось целесообразным включить в список две находки с находящегося неподалеку Каневского поселения. Кроме того, исследован химический состав трех монет, найденных на поселении у с.Монастырек.

Особый интерес представляет химический состав сплавов, используемых ювелирами. Он определялся количественным спектрографическим анализом в Отделе спектральных методов исследований Института геофизики и геохимии минералов АН УССР. Для этого были использованы серии эталонов, применяемых в аналитической практике отечественных спектральных лабораторий металлургического профиля для анализа металлов и сплавов. Это в основном комплекты для латуней и бронз (82 комплекта эталонов латуней типа ЛС–59–1, комплект М4 латуней ЛС–59–1, ЛО–70–1, 100-й комплект эталонов бронзы ОУ–4–3 и др.). Для образцов серебряно-медных и серебряных были искусственно приготовлены серии эталонов на основе металлического серебра и медного порошка, которые спекались в муфельной печи.

Исследуемый образец массой 10 мг помещался в кратер угольного электрода, производилось сжигание до полного выгорания образца. Фотографирование спектров производилось на спектрометре со скрещенной дисперсией СТЭ-1, кварцевая оптика, спектр четвертого порядка, диапазон 252,0–337,5 мм. Использовались фотопластинки спектрографические, тип 1, чувствительностью 6 ед. по ГОСТу. Условия обработки стандартные.

Анализируемые образцы и эталоны фотографировались на одной пластинке (образцы – по два раза, эталоны – по три раза). Фотометрирование производилось на микрометрометре МФ-2. Ошибка воспроизводимости, вычисленная по результатам двадцатикратной съемки эталонов, составляла в среднем 20–25 %.

Рассмотрим образцы.

1. Серьга в виде перевернутой "лунницы" с гроздевидной подвеской, петля обломана (рис. 11, *б*). Орнаментальный узор воспроизводит мотивы зигзага, концентрических полуокружностей, бордюр по краю, выполненные ложной зернью. На конце подвески – пять шариков. Подвеска целиком, за исключением петли, отлита в двухсторонней разъемной форме, в чем нас убеждают следы литейных швов. Размеры серьги (24 × × 28 × 1,5–5 мм), форма и декор не оставляют сомнений в том, что прототипом для нее послужили серьги так называемого белобродского типа, а скорее, карпато-дунайского. Ближайшие аналогии происходят из Нитры [Максимов, Петрашенко, 1980, с.14] и Гнездовского могильника.

Химический состав металла серьги (спектрограмма 2, анализ 10 за 1983 г.) свидетельствует о том, что применялся многокомпонентный сплав на основе меди (83 %). Лигатурой служили цинк, свинец, олово. Серьга обнаружена в жилище № 6 IX–X вв.

2. Серьга в виде перевернутой "лунницы" с гроздевидной подвеской. Отличается от предыдущего изделия большей массивностью, одинаковым мотивом двух концентрических полуокружностей на обеих сторонах. Химический состав также близок первому изделию и представляет многокомпонентный сплав на основе меди (86 %) с не-

сколько иными соотношениями олова, свинца и цинка. Важно то, что концентрации микропримесей (сурьмы, мышьяка, серебра) близки в обоих предметах (табл.). Это указывает не только на изготовление серег в одной металлургической традиции, но также из одного сырья, и скорее всего в одном ремесленном центре.

Серьга обнаружена в яме 69, относимой авторами публикации к IX–X вв.

3. Бубенчик-привеска, размерами 25 х 17 мм. Найдена половинка бубенчика, который относится к типу овально-граненых со щелевидной прорезью. Петелька отлита вместе с каждой половинкой, после чего они спаивались в целое изделие. Наиболее близкие аналогии находим в материалах салтовской культуры.

Сплав для бубенчика — оловянистая бронза с высоким содержанием олова (до 12 %), имеются включения цинка, свинца, мышьяка (табл.). Использование олова в качестве лигатуры для бубенчиков установлено и на материалах кривичских и вятичских украшений [Коновалов, 1972, с.157].

4. Браслет с несомкнутыми концами, 58 х 6 мм, относится к типу узко массивных. Он имеет в сечении форму сегмента, орнамент в виде насечек нанесен чеканом. Изготовлен литьем. Близкие типы известны в Новгороде, где датируются X — началом XII вв. [Седова, 1981, с.103]. Он изготовлен из сплава типа латуни с высоким содержанием цинка (до 15 %). Свинца содержится до 0,6 %, олова — до 0,15 % (табл.). Отметим, что браслеты Новгорода изготовлены из подобного сплава, который характерен для Балтийского региона.

5. Подвеска листовидной формы 53 х 12 мм. Напоминает щиток перстня или окончание гривны, но от последних отличается меньшими размерами и наличием с одной стороны крючка. Орнаментирована отпечатками треугольного штампа с тремя точками внутри и насечкой по краю и на центральном рубчике. Применение такого штампа характерно для изделий X–XI вв. Аналогичные подвески происходят из Гнездовского поселения IX–X вв. (раскопки И.И.Ляпушкина, № 3957, 4023, 4025, 5982, фонды Гос. Эрмитажа, отдел первобытной культуры).

Изготовлена подвеска из латуни, в которой содержание цинка составляет 6 %. Концентрация свинца в сплаве достигает 0,2 %, в подвеске 3957 из Гнездовского поселения — 0,7, а в других — 3,0, 4,0, 6,0 %. Содержание микропримесей совпадает (висмут, сурьма, серебро, мышьяк). Это указывает на непосредственный импорт из Гнездова или региона. Для сравнения показательны аналогичные подвески (перстни?) из городища у с.Выползово (Остерский музей, раскопки А.Г.Розанова, 1924 г.), которые изготовлены из многокомпонентных сплавов с более высоким содержанием легирующих добавок (цинка до 23 %, свинца до 10 %, олова до 4 %).

Подвеска найдена в постройке на селище вместе с описанным выше браслетом и датируется авторами раскопок временем разрушения поселения, то есть серединой X в.

6. Браслет круглопроволочный, изготовлен из латуни (цинка до 6,5 %, с примесью свинца 0,6 %), возможно, также являющегося лигатурной примесью (18, *6*; таблица).

Браслет найден в жилище 21, относимом к VIII–IX вв. Других данных, указывающих на хронологические рамки бытования таких браслетов, нет.

7. Кольцо с завязанными концами от точильного бруска, круглопроволочное, диаметром 25 мм, в сечении 1,5 мм (рис. 21, *6*). Изготовлено из многокомпонентного сплава типа медь—цинк—свинец. Довольно много олова — до 0,8 %, а также мышьяка — до 0,9 %, что не позволяет с достоверностью их отнести к легирующим добавкам (таблица).

8. Дирхем ал-Мансура, чекан 761/762 гг. Найден в постройке 9. Содержит высокий процент серебра 93 %, но много меди — до 6 % — и незначительное количество золота — до 0,035 % (таблица).

9. Дирхем Хишама Абд ал-Малика, чекан 742/743 гг. Найден в постройке, сгоревшей в середине X в., вместе с браслетом 4 и подвеской 5. Содержание серебра — до 97 %.

10. Фейс ал-Ма'муна, чекан 813/814 гг. Найден в постройке 2 на Восточном городище, сгоревшей в середине X в. Металл монеты — практически чистая медь — 99 % (таблица).

Кроме материалов из Монастырька получены данные по двум предметам из Каневского поселения.

11. Кольцо круглопроволочное изготовлено из биллона, где основные составляющие — медь (34 %) и серебро (60 %) (таблица).

12. Лунница, украшенная ложной зернью, являющаяся литейным браком. Серебра в сплаве типа биллон содержится до 50 %, меди — до 40 % (таблица). Отметим, что

Химический состав ювелирных изделий из поселений у с.Монастырек и Каневского поселения

№ п/п	Спектрограмма, анализ, год	Состав сплава										
		Cu	Pb	Sb	Bi	Zn	Sn	Ag	As	Au	Fe	Ni
1	2, 10, 1983	83	5,0	0,5	0,01	7,0	3,5	0,8	0,45	0,003	0,08	0,02
2	11, 33, 1981	86	0,6	0,8	0,06	0,3	11,0	0,3	0,7	0,01	0,1	0,02
3	11, 35, 1981	86	0,25	0,01	0,002	0,8	12	0,05	0,3	0,01	1,0	0,1
4	11, 31, 1981	82,5	0,6	0,1	0,03	15	0,15	0,1	1,0	0,01	0,3	0,2
5	11,32, 1981	93,5	0,2	0,006	0,001	6,0	0,04	0,05	0,15	0,002	0,08	0,03
6	11, 34, 1981	92	0,6	0,06	0,008	6,5	0,1	0,06	0,6	—	0,1	0,05
7	11, 36, 1981	83	4,0	0,2	0,05	11,0	0,8	0,06	0,9	0,006	0,2	0,1
8	2, 12, 1983	6,0	0,4	—	0,25	—	0,006	93,0	—	0,035	—	—
9	2, 13, 1983	2,0	0,5	—	0,2	—	—	97,0	—	0,05	—	—
10	2, 11, 1983	99	0,7	0,016	0,04	—	0,07	0,1	0,16	0,002	0,003	0,06
11	41, 2, 1980	34	2,4	0,04	0,05	2,0	0,6	60	0,06	0,25	0,05	0,01
12	39, 1, 1980	40	5,5	0,06	0,1	3,5	0,5	50	0,2	0,08	0,1	0,02

такой сплав был излюбленным материалом для славянских ювелиров X—XI вв. Так, материалы могильника у с.Липовое, исследованного А.П.Моцей в 1981—1982 гг., свидетельствуют об использовании сплава со средним содержанием серебра около 57 %.

Как уже отмечалось, коллекция памятников ювелирного ремесла из поселения у с.Монастырек невелика, но проведенный анализ подтверждает значение днепровского пути для населения Поднепровья. Это проявилось в бытовании предметов, выполненных в разных традициях. Возможно, некоторые изделия (подвеска 5, браслет 4, бубенчик 3) являются импортом с соседних территорий. Напротив, серьги, восходящие к великоморавским, изготовлены по рецептуре многокомпонентных сплавов, характерных для киевского ремесла [Килиевич, Орлов, 1985, с.61—76]. По геохимическим показателям не отличается от серег и металл пуговиц из дружинных погребений X в. [Орлов, 1983, с.29—47]. Из подобных сплавов отлиты застежки сумок из кургана в урочище Березки в Чернигове и кургана 6 в Звеничеве (раскопки А.В.Шекуна, фонды Черниговского исторического музея), которые относятся к южнорусской школе "А".

Данные анализа не свидетельствуют в пользу местного производства ювелирных изделий. По-видимому, поселение у с.Монастырек не относится к числу поселений с развитой ремесленной деятельностью.

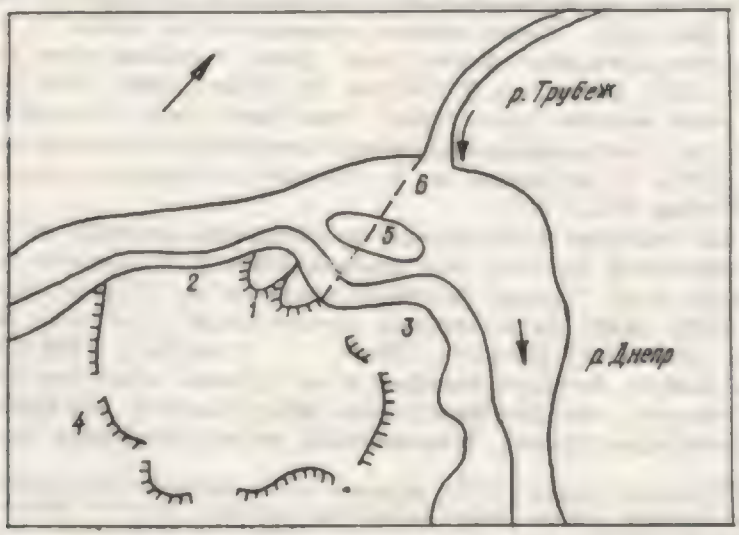
ПРИЛОЖЕНИЕ № 6

С.Е.Максимов

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАЗВАНИЯ ЛЕТОПИСНОГО ГОРОДА ЗАРУБ

Локализация летописного города-крепости Заруба, долгое время оставшаяся неясной, теперь не вызывает сомнений. Древнерусский город Заруб, неоднократно упомянутый в разных списках Повести временных лет, находился в урочище Городки Зарубские между селами Зарубинцы и Монастырек Каневского района Черкасской области, о чем убедительно свидетельствуют данные археологических раскопок (см. Максимов, Петрашенко, 1980). Здесь же под горой находился летописный Зарубский брод через р.Днепр и Зарубский монастырь, раскопанный в 1949 г. (см. Каргер, 1950). Город, брод и монастырь составляли единый комплекс, объединенный общим названием, и, судя по данным летописи, играли выдающуюся роль в экономической, военно-политической и культурной жизни Киевской Руси.

Однако Заруб XI–XIII вв. возник не на пустом месте. Как показали стационарные раскопки, проводившиеся на Зарубском городище, это городище — многослойный памятник, имеющий достаточно мощные культурные слои, относящиеся практически ко всем историческим эпохам Среднего Поднепровья начиная с III тыс. до н.э. Это и материалы трипольской культуры (III тыс. до н.э.), и эпохи бронзы (II тыс. до н.э.), и скифские материалы (VI–III вв. до н.э.), и крупное поселение зарубинецкой культуры (II в. до н.э. — III в. н.э.), и славянское поселение VIII–X вв. н.э., превосходящее по площади поселения всех остальных эпох.



Карта. Район летописного г.Заруба в IX–XIII вв
1 — Зарубское городище; *2* — Зарубский монастырь; *3* — Батурова гора; *4* — Вал "большого Трахтемировского" городища; *5* — Варяжский остров; — — — — Зарубский брод.

Таким образом, Зарубское городище и район вокруг него были заселены с некоторыми перерывами на протяжении более 3 тыс. лет и это произошло главным образом благодаря наличию у подножия городища одного из днепровских бродов, возникшего в результате особенностей геологической структуры правого берега Днепра между с.Трахтемиров и г.Канев. Брод начинался у подножия Зарубского городища, затем шел через Варяжский остров вдоль так называемой "заборы" (каменной гряды, уходящей под дно реки в сторону левого берега) [1] и оканчивался на левом берегу Днепра в районе устья р.Трубеж (см. карту).

Итак, названия города, брода и монастыря в XI–XIII вв. известны из летописи, однако письменных данных о названиях поселений, существовавших здесь у нас нет. Попытаемся произвести структурно-семантическую реконструкцию этих названий, основываясь на следующих соображениях:

1. Несомненной связи поселений на Зарубском городище с бродом, что должно найти отражение в общности названий;

2. Преемственности географических названий (по крайней мере корневой морфемы – основы) в разные исторические эпохи с учетом возможной семантической эволюции этих названий в рамках индоевропейской этнокультурной общности.

Начнем с того, что среди местного населения до сих пор ходит легенда о существовании в районе городища города "Сурмы" (или "Трубы", по другой традиции) [2]. Очевидна связь этого названия с гидронимом "Трубеж" – левобережной оконечностью Зарубского брода. Как нам представляется, "Трубеж" и "Трубы" не только являются семантическими вариантами названия "Сурмы", но и имеют общую с ним, а также с названием "Заруб", структурную основу – *sr от индоевропейского *srum – течение, река, *sorā – течение, река, поток (см. Георгиев, 1958, с.122), *sreu – течь (см. Филин, 1962, с.118). Дальнейшая эволюция гидронима проходила в соответствии с постоянным в славянском языке переходом sr > str (см. Бирнбаум, 1987; с.192; Мейе, 1951, с.110), т.е. *srum > strum (ср. со ст. слав. *струмъ* – река, поток; укр. – струм – течение; нем. Strom – течение; англ. stream – течение, поток, ручей). Затем произошло отпадение начального s у гидронима и эволюция основы в tr > tvub с изменением семантики. На такую эволюцию указывает и отмеченный в летописи под 1096 г. вариант гидронима "Трубеж" – "Струбеж" (см. ЕСЛГН, 1985, с.159).

Эволюция названия поселения происходила несколько иначе. Заслуживающим внимания здесь оказывается тот факт, что именно в бассейне р.Трубеж О.Н.Трубачевым (см. Трубачев, 1968, с.282–283) отмечено распространение восточнобалканских (фракийских и дакских) гидронимов (Альта, Иртица, Березанка), что свидетельствует о наличии здесь какого-то этноса с восточнобалканскими связями. Такой этнос может быть с достаточной уверенностью связан с трипольской культурой III тыс. до н.э. (см. Трубачев, 1968, с.282). Таким образом, индоевропейская основа *sr в трипольское время вероятнее всего имела форму *sara (фрак. – течение, поток, река. См. Георгиев, 1958, с.122). Более того, В.П.Петров (см. Петров, 1968, с.105) считает, что основа sar имела значение "река: город", "переправа : торг" и в скифское время, т.е. в I тыс. до н.э. А скифы и фракийцы, граница между районами расселения которых проходила по р.Истр (та же основа str !), "говорили на близких, понятных друг другу языках" (Петров, 1972, с.177).

Здесь мы подходим к письменным свидетельствам античных авторов о городах и реках Европейской Сарматии. Как известно, Клавдий Птолемей помещал на Борисфене (Днепре) и его "рукаве" три города с основой sar : Сарбак, Серим и Сар (см. Латышев, 1948, с.239) или в латинской транслитерации с греческого Sarbakon, Serimon, Saron (*Σάρβακον*, *Σέριμον*, *Σάρον*) (см. Браун, 1899, с.213–214, 367).

Таким образом, Зарубское городище эпохи Птолемея может быть связано с одним из этих "городов", которые представляли собой поселения или группы поселений, расположенные возле бродов. Представляется, что это был именно Сар (Saron) как

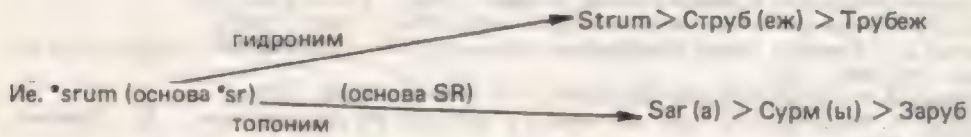
[1] Варяжский остров и "забора" с 1973 г. затоплены водами Каневского водохранилища, однако правобережную вершину "заборы" можно до сих пор наблюдать у подножия Батуровой горы в 1 км вниз по течению от Заруба.

[2] Автору неоднократно приходилось слышать эту легенду от жителей сел Трахтемиров и Монастырек в 1980–1985 гг. Легенда зафиксирована также М.К.Каргером (Каргер, 1950, с.34).

самый верхний (северный) из трех[1]. К тому же Сарбак по Птолемею лежит на "рукаве" Днепра. Им вполне могло быть какое-нибудь поселение у брода на Ингульце — правом притоке Нижнего Днепра (см. Браун, 1899, с.215). Равно как и Серим, удаленный по Птолемею на целый градус на восток, логично искать в районе брода в Надпорожье (см. Брайчевский, 1964, с.61), поскольку именно здесь Днепр образует дугу, значительно изогнутую в восточном направлении.

Отождествление Зарубского городища с Саром представляется правомерным не только с точки зрения лингвистики, но и подтверждается данными археологии, о чем отмечалось выше (наличие на нем культурных слоев начиная с трипольского времени). Более того, Зарубское городище находится в пределах вала так называемого "большого Трахтемировского" городища, которое Г.Т.Ковпаненко (см. Ковпаненко, 1967), В.А.Ильинская и А.И.Тереножкин (см. Ильинская, Тереножкин, 1983, с.267) относят к скифскому времени и которое не уступает по размерам нижнеднепровским городищам. Вообще же на всей площади Трахтемировско-Зарубинецкого "полуострова" наблюдается исключительно высокая концентрация археологических памятников, относящихся к периоду с III тыс. до н.э. по XIII в. н.э. Следовательно, Сар — это культурно-племенной центр, существовавший в разные исторические эпохи в районе Зарубского брода, причем само название, в основе которого лежит индоевропейская основа *sr (поток, течение, река), претерпело со сменой этих эпох ряд структурно-семантических трансформаций.

Таким образом, индоевропейскую основу *sr можно считать структурно-семантическим полем, рамкой, в которую входят (или из которой вышли) рассматриваемые нами топонимы и гидронимы со значением "река, течение, поток, переправа, город возле переправы и т.д." Структурно-семантическую эволюцию этой основы можно условно представить в виде следующей схемы:



В соответствии с этой эволюционной схемой название поселения в III тыс. до н.э. (трипольское время) вероятнее всего — Sara, которое в начале I тыс. до н.э. превращается в Sar (параллельно с изменением гидронима в Strum) и существует в такой форме в скифское и сарматское время — вплоть до заката зарубинецкой культуры. Затем в период дальнейшего развития праславянского языка происходит трансформация топонима в Сурм (ы), что скорее всего соответствует славянскому поселению VIII—X вв. (семантически — "трубы" "звук труб", возможно в связи с какими-нибудь сигналами, подаваемыми на переправе, возможно также и по принципу обратной связи на основе перестановки букв: Strum > Сурм (ы). В это же время гидроним постепенно эволюционирует в Струб (еж). Дальнейшее развитие названий происходит в древнерусское время (XI—XIII вв.) в Заруб и, соответственно, в Трубеж, упоминаемые уже в летописи. Причем названия Заруб и Трубеж приобретают структурную общность уже на базе корня руб, что сопровождается окончательным изменением семантики в сторону значений "рубить", "зарубка", "рубеж", "трубить", "труба".

Структурно-семантическая эволюция названия Сар, Сурмы, Трубеж, Заруб является, наряду с данными археологии, еще одним подтверждением этнической и языковой преемственности, характерной для процесса образования и развития восточнославянских племен, в котором одно из центральных мест принадлежало Среднему Поднепровью.

[1] Мы здесь рассматриваем прежде всего лингвистическую сторону вопроса и не касаемся проблемы соответствия координат и расстояний, приводимых Птолемеем, которые, как известно, в действительности отличаются большой неточностью. В результате различные авторы помещали Птолемеевы города, и в частности Сар, в самых разных местах Поднепровья: на Нижнем Днепре (см. Браун, 1899, с.213), на Верхнем Днепре выше Киева (см. Кулаковский, 1899, с.29), в районе самого Киева (см. Брайчевский, 1964, с.62). Таким образом, вопрос о привязке большинства городов Птолемея к конкретным археологическим пунктам до настоящего времени открыт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян. — М. : Наука. — 1973. — 330 с.

Алексеева Т.І. Антропологічний склад населення древньоруських міст // Матеріали з антропології України. — 1969. — Вип.4. — С.73—86.

Алексеев В.П. Остеометрия: методика антропологических исследований. — М.: Наука. — 1966. — 251 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: методика антропологических исследований. — М. : Наука. — 1964. — 127 с.

Алексеев В.П. Палеодемография СССР // СА. — 1972. — № 1. — С.1—17.

Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. — 1966. — Вып. Д1-30. — 111 с.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. — 1971. — № 2. — С.96—123.

Артеменко И.И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы // МИА. — 1967. — № 148. — 134 с.

Баран В.Д. Раскопки славянского поселения у села Рашков на Днестре // АО за 1970 г. — М. : Наука. — 1971. — С.291—292.

Белан Н.Г. Фауна городища Монастырек на Среднем Днепре // Исследование методов естественных наук в археологии. — Киев : Наук. думка. — 1978. — С.96—109.

Беляшевский Н.Ф. Церковище возле деревни Монастырек Каневского уезда Киевской губернии // Вырезка из журнала "Киевская старина". — Киев. — 1889. — Т.24. — С.210—213.

Берг Л.С. Географические зоны Советского Союза. — М. : ОГИЗ. — 1947. — 396 с.

Березовец Д.Т. Северяне (перед образованием Киевской Руси) : Автореф. дис. ... канд. истор. наук. — М., 1969. — 35 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. — М. : Наука. — 1978. — 271 с.

Бирнбаум Х. Праславянский язык. Достижения и проблемы его реконструкции. — М. : Прогресс, 1987. — 512 с.

Богусевич В.А. Археологічні розкопки в Чернігові в 1949 і 1951 рр. // АП УРСР. — 1955. — Т.5. — С.5—11.

Бондар М.М. Пам'ятки стародавнього минулого Канівського Придніпров'я. — К. : Вид-во Київського ун-ту. — 1959. — 63 с.

Бондарь Н.Н. Поселения Среднего Поднепровья эпохи ранней бронзы. — Киев : Вища школа. — 1974. — 176 с.

Брайчевский М.Ю., Кравченко Н.М. Отчет о разведке на территории Каневского водохранилища за 1960 г. // НА ИА АН УССР. — 1960. — Ф.26. — 17 с.

Брайчевский М.Ю. Когда и как возник Киев. — К. : Наук. думка. — 1964. — 183 с.

Брайчевский М.Ю. Походження Русі. — К. : Наук. думка. — 1968. — 221 с.

Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений. — Спб. 1899. — 392 с.

Бреегадзе Н.А. Очерки по истории этногеографии Грузии. — Тбилиси : Мацние реба. — 1982. — 204 с.

Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. — М. : Наука. — 1981. — 388 с.

Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. — Л. : Изд-во ЛГУ. — 1978. — 150 с.

Бурзков А.В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. — Киев : Наук. думка. — 1976. — 156 с.

Вознесенская Г.А. Техника кузнечного производства у восточных славян в VIII—X вв. // СА. — 1976. — № 2. — С.70—76.

Вязьмітіна М.І. Золота Балка. — К. : Наук. думка. — 1962. — 239 с.

Генинг В.Ф. Проблемы соотношения археологической культуры и этноса // К вопросу этнографии Удмуртии. — Ижевск: Изд-во Удмуртского НИИ истории, экономики, литературы и языка. — 1976. — С.3—37.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. — 1973. — № 1. — С.114—136.

Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. — М. : Изд-во иностр. лит-ры. — 1958. — 317 с.

Гончаров В.К. Лука Райковецкая // МИА. — 1963. — № 108. — С.283—306.

Голэк В.Д. Залізні вироби VIII—X ст. з городища Монастирьок на Середньому Подніпров'ї // Археологія. — 1982. — Вип. 39. — С.100—106.

Голэк В.Д. Ковальська справа у ранніх слов'ян в Середньому Подніпров'ї // Там же. — 1975. — Вип.17. — С.15—22.

Давидан О.И. Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. — 1962. — Вып.4. — С.95—108.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. — М. ; Л. — 1948. — 391 с.
Довженок В.Й. Землеробство Древньої Русі. — К. : Вид-во АН УРСР. — 1961. — 266 с.
Довженок В.Й. Про типи городищ Київської Русі // Археологія. — 1975. — Вип.16. — С.2—14.
ЕСЛГ — Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. — К. : Наукова думка, 1985. — 254 с.
Жуковский П.М. Культурные растения и их сородичи. — Л. : Колос. — 1971. — 752 с.
Зиневич Г.П. Очерки палеоантропологии Украины. — К. : Наук. думка. — 1967. — 223 с.
Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. — 1968. — № 83. — 180 с.
Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII—IV вв. до н.э. — К. : Наук. думка, 1983. — 379 с.
Каргер М.К. Древний Киев. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР. — 1958. — Т.1. — 571 с.
Каргер М.К. Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб // СА. — 1950. — № 13. — С.33—62.
Каспаров К.В. Могильник и поселение у дер. Отвержичи // МИА. — 1960. — С.131—168.
Каспарова К.В. Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья // Археол. сборник. — 1976. — Вып.17. — С.35—66.
Киличевич С.Р., Орлова Р.С. Новое о ювелирном ремесле Киева X в. // Новое в археологии Киева. — Киев : Наук. думка. — 1985. — С.61—76.
Кирьянов А.В. История земледелия Новгородской земли X—XV вв. // МИА. — 1959. — № 65. — С.306—362.
Кирьянов А.В. К вопросу о земледелии в Новгородской земле в XI—XII вв. // КСИИМК. — 1952. — Вып.47. — С.47—157.
Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы во II тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. // МИА. — 1971. — № 174. — 168 с.
Ковпаненко Г.Т. Раскопки Трахтемировского городища // АИУ 1965—1966 гг. — К. : Наук. думка, 1967. — Вып.1. — С.103—106.
Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник "50 лет раскопок Новгорода". — 1982. — С.156—177.
Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. — 1953. — № 32. — 257 с.
Кондукторова Т.С. Палеоантропологические материалы из средневекового Каменского могильника // Сов. антропология. — 1957. — № 1. — С.42—56.
Коновалов А.А. Характеристика медных сплавов украшений из кривичских курганов у дер.Каблуково // Новое в археологии. — М. : Изд-во Моск. ун-та. — 1972. — С.152—158.
Корзухина Г.Ф. Русские клады IX—XIII вв. — М. : Изд-во АН СССР. — 1954. — 156 с., 62 табл.
Кулаковский Ю. Карта Европейской Сарматии. — Киев, 1899. — 34 с.
Кухаренко Ю.В. Зарубинецкая культура // САИ. — 1964. — Вып.Д1-19. — 68 с.
Кухаренко Ю.В. Раскопки на городище Хотомель // КСИИМК. — 1957. — Вып.68. — С.90—97.
Куза А.В. Социально-историческая типология древнерусских укрепленных поселений IX — середины XIII вв. // Археологические памятники Лесостепного Подонья и Поднепровья I тыс. н.э. — Воронеж. — 1983. — С.21—41.
Кучера М.П. Гончарная керамика дофеодального времени из раскопок древнего Плеснеска // СА. — 1962. — № 1. — С.292—294.
Кучера М.П. Давньоруські городища на Правобережжі Київщини // Дослідження з слов'яно-руської археології. — К. : Наук. думка. — 1976. — С.176—197.
Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. — 1948. — № 2. — С.216—314.
Левашова В.П. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ. — 1956. — Вып.32. — С.19—104.
Линка Н.В., Шовкопляс А.М. Раннеславянское поселение на речке Тясмине // МИА. — 1963. — № 108. — С.234—142.
Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р.Дона // МИА. — 1958. — № 62. — С.8—150.
Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое // МИА. — 1958. — № 74. — 327 с.
Львова З.А. Стеклянные бусы Старой Ладоги // АСГЭ. — 1968. — Вып.10. — С.64—94.
Максимов Е.В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. — Киев : Наук. думка. — 1972. — 182 с.
Максимов Є.В. Зарубинецьке городище Пилипенкова гора // Археологія. — 1971. — Вип.4. — С.41—56.
Максимов Є.В. Взаємовідносини зарубинецьких та степових племен Подніпров'я // Там же. — 1978. — Вип.28. — С.45—55.
Максимов Є.В., Петрашенко В.О. Городище Монастирьок VIII—XIII ст. на Середньому Дніпрі // Там же. — 1980. — Вип.33. — С.3—20.
Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. — Киев : Наук. думка. — 1982. — 181 с.
Макарова Т.И. Поливная посуда из истории керамического импорта и производства Древней Руси // САИ. — 1967. — Е1-38. — 127 с.
Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА. — 1959. — № 65. — С.121—191.
Мейе А. Общеславянский язык. — М. : Изд-во Иностр. лит-ры. — 1951. — 491 с.
Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та. — 1965. — 311 с.
Мальм В.А., Фехнер М.Ф. Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. // Тр. ГИМ. — 1967. — Вып.43. — С.133—148.
Мальм В.А. Промыслы древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ. — 1956. — Вып.32. — С.129—138.
Мезенцева Г.Г. Київське поселення полян. — К. : Вид-во Київ. ун-ту. — 1965. — 123 с.
Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие VIII—XIV вв. // САИ. — 1966. — Вып.Е1-36. — 49 с., табл.31.
Мезенцева Г.Г. Древньоруське місто Родень. — К. : Вид-во Київ. ун-ту. — 1968. — 184 с.

Мозолевский Б.Н. Курган Толстая могила близ г.Орджоникидзе на Украине // СА. — 1972. — № 3. — С.268—308.
Носонов А.Н. Русская земля и образование территорий Древнерусского государства // Историко-географическое исследование. — М. : Изд-во АН СССР. — 1951. — 260 с.
Орлов Р.С. Південно-руський центр художньої металообробки X ст. // Археологія. — 1983. — Вип.44. — С.29—47.
Орлов Р.С. Розвідки ранньослов'янських пам'яток поблизу Києва // Там же. — 1972. — Вип.5. — С.96—105.
Пачкова С.П. Господарство східнослов'янських племен на рубежі нашої ери. — К. : Наук. думка. — 1974. — 135 с.
Пашкевич Г.О., Петрашенко В.О. Землеробство і тваринництво лісостепового правобережного Подніпров'я в VIII—X ст. // Археологія. — 1982. — Вип.41. — С.46—62.
Пашкевич Г.А., Янушевич З.В. Палеоботаническое исследование раннеславянского городища у хут.Монастырек // Использование методов естественных наук в археологии. — Киев : Наук. думка. — 1978. — С.69—96.
Петрашенко В.О. Житла VIII—X ст. на Правобережному Подніпров'ї// Археологія. — 1981. — Вип.37. — С.48—59.
Петрашенко В.А. Лесостепное Правобережное Поднепровье в VIII—X вв.: Автореф. дис.... канд. ист. наук. — Киев, 1982. — 18 с.
Петрашенко В.А. Городище Монастырек VIII—X вв. в свете новых исследований // Земли Южной Руси в IX—XIV вв. — Киев : Наук. думка. — 1985. — С.71—84.
Петров В.П. Етногенез слов'ян. — К. : Наук. думка, 1972. — 214 с.
Петров В.П. Стеновка, поселение третьей четверти I тысячелетия н.э. (по материалам раскопок 1956—1958 гг. в Потясминье) // МИА. — 1963. — № 108. — С.208—233.
Петров В.П. Скіфи. Мова і етнос. — К. : Наук. думка, 1968. — 149 с.
Пеняк С.И. Ранньослов'янське и давньоруське населення Закарпаття VI—VII ст. — К. : Наук. думка. — 1980. — 178 с.
Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. — 1967. — № 142. — 196 с.
Плетнева С.А. Древности Черных клобуков // САИ. — 1973. — Вып.Е1-19. — 95 с.
Плетнева С.А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв. // СА. — 1962. — № 1. — С.83—94.
Плетнева С.А. Исчезнувшие народы. Печенеги // Природа. — 1983. — № 7. — С.26—35.
Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии. — Минск : Наука и техника. — 1971. — Ч.1. — 232 с.
Приходнюк О.М. Ранньосередньовічне слов'янське поселення на р.Рось // Дослідження з слов'яно-руської археології. — К. : Наук. думка. — 1976. — С.101—119.
Раппорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. // МИА. — 1956. — № 52. — 183 с.
Русанова И.П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. — 1973. — Вып.Е1-25. — 99 с.
Русанова И.П. Славянские древности VI—VII вв. — М. : Наука. — 1976. — 215 с.
Розов С.Н. Очерки по истории отечественного пчеловодства. // Вестн. НИИ пчеловодства. — 1972. — № 21. — 109 с.
Рыбаков Б.А. Новая концепция предыстории Киевской Руси (тезисы) // История СССР. — 1981. — № 1. — С.55—75; № 2. — С.40—59.
Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. — М. : Наука. — 1982. — 588 с.
Седова М.М. Ювелирные изделия древнего Новгорода X—XV вв. — М. : Наука. — 1981. — 196 с.
Седов В.В. Археология СССР // Восточные славяне в VI—XIII вв. — М. : Наука. — 1982. — 324 с.
Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии // МАР. — 1902. — № 28. — 136 с.
Смиленко А.Т. О характерных чертах культуры восточных славян VI—IX вв. // Тез. докл. Сов. делегации на III Междунар. конгр. слав. археологии в Братиславе, сент. 1975 г. — М. — 1975. — С.25—27.
Смирнова С.П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. // МИА. — 1956. — № 55. — С.228—248.
Соловйова В.М. Засувний замок древньоруського житла // Археологія. — 1952. — Т.7. — С.182—188.
Спицын А.А. Владимирские курганы // ИАК. — 1905. — Вып.17. — С.84—172.
Столетова Е.А. Полба-эммер Triticum Dicoccum Shrank // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. — 1925. — Т.14. — № 1. — С.27—105.
Сухобоков О.В. До питання про пам'ятки волинцевського типу // Археологія. — 1977. — Вип.21. — С.50—67.
Толочко П.П. Історична топографія стародавнього Києва. — К. : Наук. думка. — 1970. — 216 с.
Толочко П.П. Роль Киева в образовании Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. — Киев : Наук. думка. — 1972. — С.123—131.
Толочко П.П. Киевская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. — М. : Наука. — 1975. — С.5—56.
Толочко П.П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв. — Киев : Наук. думка. — 1980. — 220 с.
Толочко П.П. Гончарное дело // Новое в археологии Киева. — Киев : Наук. думка. — 1981. — С.284—301.
Толочко П.П. Торговля древнего Киева // Там же. — С.355—378.
Толочко П.П. Древний Киев. — Киев : Наук. думка. — 1983. — 316 с.
Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. — Киев : Наук. думка. — 1987. — 245 с.

Тимощук Б.О. Слов'яни Північної Буковини V–X ст. – К. : Наук. думка. – 1976. – 175 с.
Тимощук Б.О. Давньоруська Буковина (X – перша половина XIV ст.). – К. : Наук. думка. – 1982. – 203 с.
Турманина В.И. Развитие ландшафтов Восточной Европы как показатель ритмических изменений в прошлом // Ритмика природных явлений. – Л. : Наука. – 1976. – С.13–25.
Трубачев О.Н. Названия рек правобережной Украины. М. : Наука, 1968. – 289 с.
Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. – 1962. – 294 с.
Хавлюк П.І. Зарубинецька культура Південного Побужжя та Лівобережжя Середнього Дністра // Археологія. – 1975. – Вип.18. – С.7–19.
Холостенко М.В. Нові дослідження Іоанно-Предтеченської церкви та реконструкція Успенського собору Києво-Печерської лаври // Археологічні дослідження стародавнього Києва. – К. : Наук. думка. – 1976. – С.131–165.
Школьникова Н.А. Стеклянные украшения конца I тысячелетия н.э. на территории Поднепровья // СА. – 1978. – № 1. – С.97–104.
Шовкопляс А.М. Раскопки поселения зарубинецкой культуры в Киеве // Археологические исследования на Украине в 1968 г. – Киев : Наук. думка. – 1971. – С.212–214.
Шрамко Б.А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке // СА. – 1957. – № 1. – С.48–566.
Шрамко Б.А. Гончарство лісостепових племен на території України (VII–III ст. до н.е.) // УІЖ. – 1971. – № 1. – С.12–24.
Шрамко Б.А., Янушевич З.В. Культурные растения Скифии // СА. – 1985. – № 2. – С.47–63.
Штыхов Г.В. Древний Полоцк. – Минск : Наука и техника. – 1975. – 133 с.
Юренко С.П. Днепровское лесостепное Левобережье в VII–VIII вв. н.э. (волынцевская культура) . Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Киев, 1983. – 19 с.
Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврии. – Л. : Наука, 1979. – 163 с.
Якубцинер М.М. К истории культуры пшеницы в СССР // Материалы по истории земледелия. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР. – 1956. – Т.2. – С.16–169.
Янушевич З.В., Маркевич В.М. Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Пруто-Днестровского междуречья // Интродукция культурных растений. – Кишинев. – 1970. – С.83–110.
Янушевич З.В. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. – Кишинев : Штиинца. – 1976. – 214 с.
Янушевич З.В. Находки культурных растений на поселении у с.Лепесовка // Acta Muscorum Agriculturae. – 1973. – V.8, 1. – p.1–14.
Вожарова Живка. Славени пребългари по дани на некрополите от VI–XI вв. на територията на България. – София. – 1976. – 198 с.
Dekan J. Velka Morava. Doba a Umenik. – Bratislava. – 1976. – 280 s.
Chropovsky B. Vyvoi a stav archeologckeho vyskumy doby velkomoravskey // SA. – 1971. – 19. – S.581–598.
Will V. Lampe Der Hacksilbefund von Dorov, Kreis Grimmen // Bodendan kmalpflege in Mecklenburg. Jahwbuch. Berlin. – 1978. – S.129–179.
Paškevic G.A. Subfossile Reste von Kultur und Wildpfanzen aus Fundplätzen in der Ukraine aus den letzten Jahrhunderten v.u.Z. und der ersten Halfte des 1. Jahrtausends u.Z. // ZfA, Z.Archaöl. – 1983. – 17. – S.47–57.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДУ	– Археологічні дослідження на Україні
АИУ	– Археологические исследования на Украине
АО	– Археологические открытия
АП	– Археологічні пам'ятки УРСР
АС	– Археологический сборник
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ	– Вестник древней истории
ЕСЛГ	– Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі
ИА АН УССР	– Институт археологии Академии наук УССР
ИАК	– Известия археологической комиссии
ИГАИМК	– Известия Государственной академии истории материальной культуры
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР, АН УССР
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА	– Ленинградское отделение Института археологии
МАР	– Материалы по археологии России
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА АН УССР	– Научный архив Института археологии АН УССР
НЗІІМК	– Науковi записки Інституту історії матеріальної культури
ОГИЗ	– Объединенное государственное издательство
ПВЛ	– Повесть временных лет
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СЭ	– Советская этнография
Тр. ... АС	– Труды ... археологического съезда
Тр.ГИМ	– Труды Государственного исторического музея
УІЖ	– Український історичний журнал
ЧИОНЛ	– Чтения Исторического общества Нестора Летописца
SA	– Slovenska archeologia

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3
ГЛАВА I. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БЛИЗ с.МОНАСТЫРЕК 5
Топография памятников 5
История изучения археологических памятников Монастырька 6
Материалы раскопок Восточного городища 8
Сооружения трипольского времени и зарубинецкой культуры 8
Постройки VIII–X вв. 12
Сооружения древнерусского времени 39
Материалы раскопок Западного городища 52
Постройки VIII–X вв 52
Погребения древнерусского времени 59
Материалы раскопок селища 62
ГЛАВА II. ЗАРУБИНЕЦКОЕ ГОРОДИЩЕ МОНАСТЫРЕК 65
Конструкция жилых и хозяйственных построек 65
Устройство оборонительных сооружений 69
Керамика, изделия из черного и цветного металлов 70
Место городища Монастырек среди зарубинецких памятников Среднего Поднепровья . . . 79
ГЛАВА III. СЛАВЯНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ VIII–X вв. БЛИЗ хут.МОНАСТЫРЕК 80
Укрепления, планировка городища и устройство жилищ 80
Вещевой материал 86
Хронология славянского поселения 92
Культурная и племенная принадлежность 94
Хозяйство. Общественный строй 98
ГЛАВА IV. ВОСТОЧНОЕ ГОРОДИЩЕ в XII–XIII вв. 104
Укрепления 104
Планировка городища и устройство жилищ 104
Вещевой материал. Хронология 105
Городище Монастырек и летописный Заруб 110
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 113
ПРИЛОЖЕНИЯ 114
№ 1. Статистическая обработка горшков VIII–X вв. (В.А.Петрашенко) 114
№ 2. Металлографический анализ кузнечных изделий (В.Д.Гопак) 118
№ 3. Палеоботанический анализ злаков (Г.А.Пашкевич) 131
№ 4. Антропологическая характеристика погребений (П.М.Покас) 135
№ 5. Памятники художественной металлообработки (Р.С.Орлов) 138
№ 6. Структурно-семантический анализ названия летописного города Заруб (С.Е.Максимов) 141
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 144
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 147

Рис. 2. Городище Монастырек. Вид с юга.

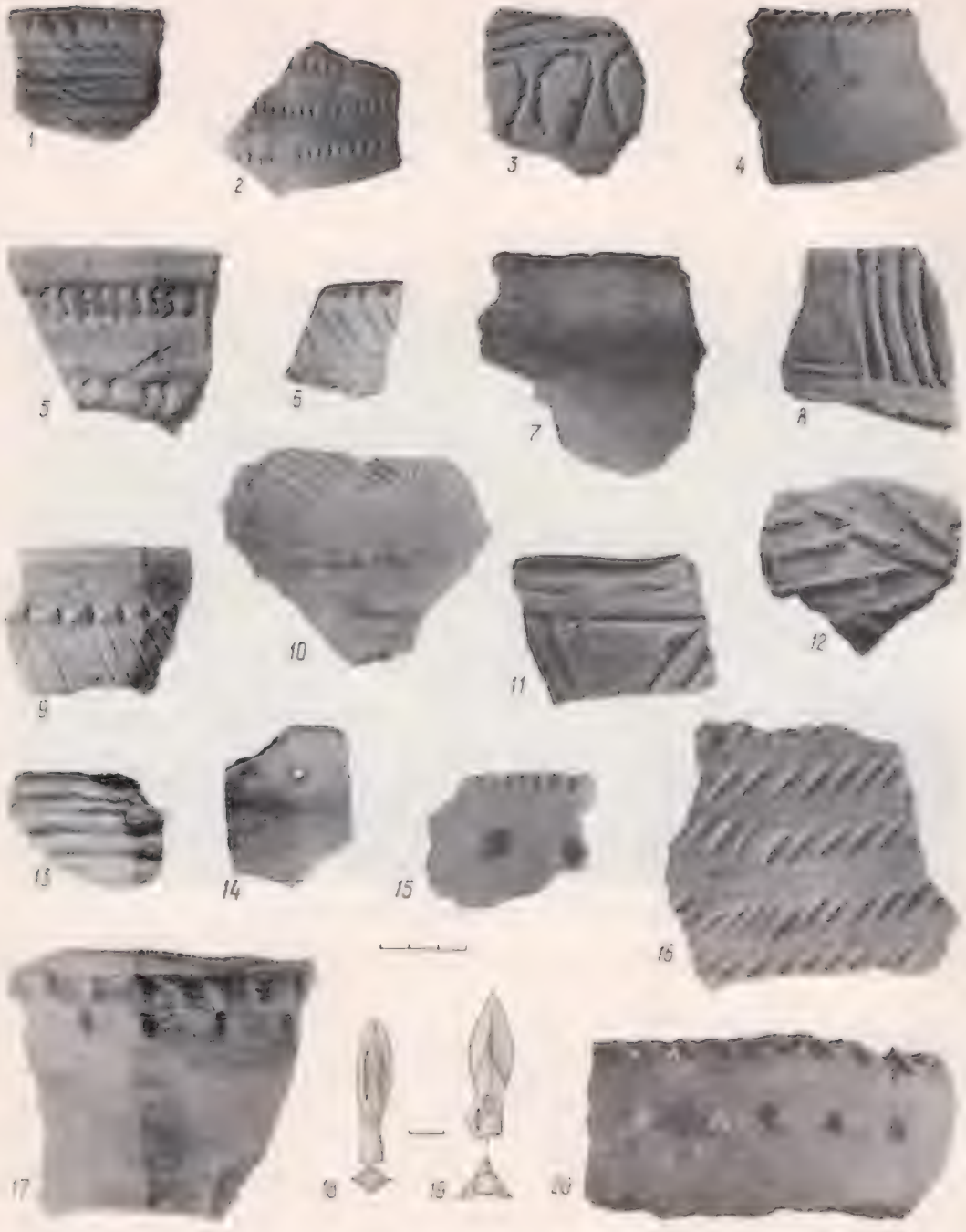


Рис. 4. Керамика эпохи бронзы (*1—13, 16*) и материалы раннескифского времени (*14, 15, 17—20*).

Рис. 5. Жилище № 23.

Рис. 8. Арабская бронзовая монета из жилища № 2

Рис. 20. Жилище № 22

Рис. 25 а. Жилища № 36 и № 37

Рис. 256. Жилище № 37.

Рис. 27. Жилище № 40

Рис. 28. Жилище № 42

Рис. 35. Жилище № 8, глинобитная печь.

Рис. 37. Жилище № 24.

Рис. 38. Жилище № 24, глинобитная печь.

Рис. 39. Жилище № 25.

Рис. 47. Западное городище, жилище № 2, древнерусские погребения № 4, 5.

Рис. 48. Западное городище, жилища № 3 и № 5.

Рис. 53. Погребение № 11, бронзовые пуговицы из погребения.

Рис. 55. Арабский серебряный дирхем из жилища № 1.

Рис. 60. Зарубинецкая чернолощеная и простая керамика. Предметы из металла.

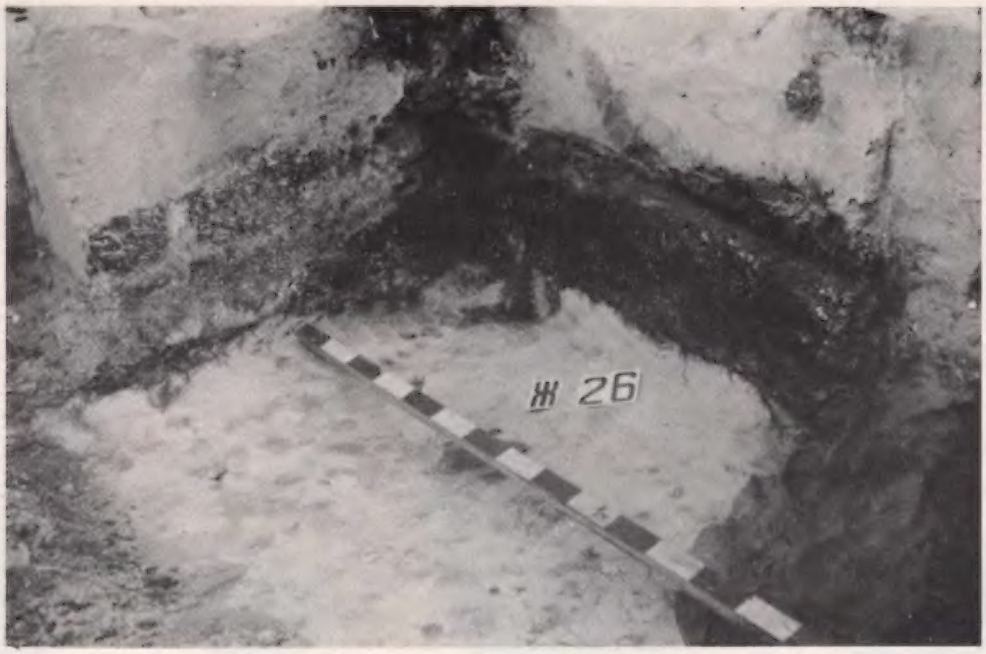


Рис. 76. Жилище № 26. Деталь.

Рис. 77. Жилище № 35.

Е.В.МАКСИМОВ В.А.ПЕТРАШЕНКО

НАУКОВА ДУМКА